

Марк Солонин

**Бочка и обручи или Когда
началась Великая Отечественная
война?**

© Copyright Марк Солонин
Email: markiz@mail.radiant.ru
© Видавнича фірма "Відродження", 2004 г.
© Издательская фирма "Возрождение", 2004, Дрогобыч
WWW: <http://home.lviv.farlep.net/~babyk> (см. страницу "Новинки")
Email: babyk@lviv.farlep.net
Date: 08 Apr 2004

Солонин Марк Семенович
С60 Бочка и обручи, или когда началась Великая
Отечественная война? Дрогобыч: Видавнича фірма "Відродження",
2004. 448 с.: карты; 60x84/16. Рус.
ISBN 966-538-147-4 (Опр.).
В книге рассматривается начальный период войны между
гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом. На основе
данных, извлеченных из ранее засекреченных документов и
материалов, а также анализа научно-исторической и мемуарной
литературы автор опровергает устоявшиеся и новые мифы о причинах
катастрофических поражений Красной Армии в первые месяцы войны,
дает объективную, глубокую аргументированную трактовку хода
военных событий. Первостепенное внимание уделено человеческому фактору.
Книга предназначена историкам и всем, кто интересуется Второй
мировой войной.

УДК 355.48(2)"1941"
ББК 63.3(2)622

По вопросам оптовой и розничной закупки книги обращаться по адресу :

Бабик Игорь (Видавнича фірма "Відродження")
аб/я 10480, г. Львов-49, 79049, Украина

e-mail: babyk@lviv.farlep.net
Справки по телефону/факсу в г. Львове: (0322) 40-59-39.

Направить заказ в издательство можно как обычным письмом, так и
электронным (тема "Solonin"). Книга охраняется Законом об авторских и
смежных правах.

Отзывы, замечания, пожелания и предложения можно отправить автору книги
по адресу markiz@mail.radiant.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

- 0.1. Как появилась эта книга
- 0.2. С чего начнем
- 0.3. Сенсаций не будет

Часть 1. Затерянная война

- 1.1. Вторник, 17 июня
- 1.2. "Сотрясая землю грохотом танковых колонн..."
- 1.3. "И пошел, командою взметен..."
- 1.4. На рассвете, 25 июня 1941 года...
- 1.5. "Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин..."
- 1.6. Разгром
- 1.7. Первый Маршал

Часть 2 . Трясина

- 2.1. Замысел
- 2.2. Обреченные на успех
- 2.3. Анатомия катастрофы
- 2.4. Политдонесение политотдела
- 2.5. Доклад С.В. Борзилова
- 2.6. Огонь с неба
- 2.7. На мирно спящих аэродромах...
- 2.8. Все - в Балбасово
- 2.9. Глупость или измена ?
- 2.10. Дама с фикусом

Часть 3. Семеро одного не бьют

- 3.1. "Я планов наших люблю громадьё..."
- 3.2. "Час твой последний приходит, буржуй..."
- 3.3. "Броня крепка и танки наши быстры..."
- 3.4. Итоги
- 3.5. Про то, чего не было
- 3.6. Военный совет
- 3.7. 23-25 июня 1941 г.
- 3.8. Танковый падеж
- 3.9. Четверг, 26 июня
- 3.10. Командующий
- 3.11. Два комиссара
- 3.12. 27-30 июня
- 3.13. Последний бой

Часть 4. Бег на глиняных ногах

- 4.1. Постановка вопроса
- 4.2. "Факты отрицательных настроений и явлений"
- 4.3. Человек без ружья
- 4.4. Столько и еще раз столько
- 4.5. Время выбора
- 4.6. Против всех
- 4.7. Без головы
- 4.8. "Шире применяйте расстрелы, товарищи..."
- 4.9. Две войны

Часть 5. Когда началась Великая Отечественная война ?

- 5.1. Двадцать лет подряд.
  - 5.2. Не ждали
  - 5.3. "Крепкими обеими ногами на рельсы..."
  - 5.4. "И вы все, дураки, пойдете..."
  - 5.5. Бочка и обручи
  - 5.6. Все очень непросто
  - 5.7. "Глупая политика Гитлера..."
- Эпилог

ПРЕДИСЛОВИЕ

0.1. Как появилась эта книга

Я - за мораторий. Честное слово. И если бы такое решение было на государственном уровне принято, я бы подчинился ему самым добросовестным образом. В самом деле, что мешало принять общее, обязательное для всех решение: всякое публичное обсуждение истории Великой Отечественной войны запретить. На сто лет. До 2045 года.

Никаких книг, никаких статей. В школьном учебнике - краткое уведомление о том, что в стране действует мораторий. И только тогда, когда воспоминания об этом состоявшемся Апокалипсисе перестанут быть кровоточащей раной в сердце народа, когда уйдут последние ветераны, когда прах неизвестных солдат станет, как в песне сказано, „просто землей и травой“, вот тогда рассекречиваем ВСЕ архивы для ВСЕХ желающих в них работать, и работаем. Создаем общими усилиями правдивую, на документах основанную, историю Великой войны.

Именно так все у нас и сделали - только точно наоборот.

Подлинные документы войны засекретили и стерегли за семью замками, как особо важные тайны государства. Даже газеты, центральные советские газеты предвоенного и военного времени, были изъяты из открытых фондов общедоступных библиотек. Речи Молотова и Сталина, тексты межгосударственных договоров, заключенных Советским Союзом в 1939-1941 гг. - это тайна. Страшная военная тайна.

Тщательно организованный вакуум достоверной информации на протяжении полувека заполняли стандартные, как матрешки, тексты, в которых старательно переписывались одни и те же, директивно установленные, мифы. Военная история, как точная наука фактов и документов, была практически полностью подменена пропагандистскими заклинаниями. Дело доходило до таких курьезов, как исполнение одним и тем же номенклатурным сановником поочередно обязанностей руководителя Управления спецпропаганды (т. е. главного обманщика) Главного политуправления Советской Армии и... Института военной истории!

Важнейшим вопросом, над „разъяснением“ которого трудилась узкая группа безгранично преданных Партии людей, был вопрос о том, почему в первые же недели войны Красная Армия была смята, разгромлена и большей частью взята в плен? Почему вермахту удалось дойти до озер Карелии, до калмыцких степей, до кавказских гор? Почему пожар войны докатился до таких мест, где чужеземных захватчиков не видали со времен „великой смуты“ XVII века? Как случилось то, что большая часть всех жертв, всей крови и пота войны ушли только для того, чтобы к осени 1944 года вернуть потерянное в первые несколько недель отступления?

Первым причины „временных неудач“ Красной Армии указал сам товарищ Сталин. В своем знаменитом радиообращении к „братьям и сестрам“ 3 июля 1941 г., а затем, в более развернутом виде, в докладе на торжественном заседании по случаю 24-ой годовщины Октябрьской революции Сталин назвал **три фактора**, которые якобы обусловили успехи вермахта:

- немецкая армия была заблаговременно отмобилизована и придвинута к рубежам СССР, в то время как сохраняющий строгий нейтралитет Советский Союз жил обычной мирной жизнью;

- наши танки и самолеты лучше немецких, но у нас их пока еще очень мало, гораздо меньше, чем у противника;

- за каждый шаг вглубь советской территории вермахт заплатил гигантскими невосполнимыми потерями. Конкретно, Сталин назвал цифру в 4,5 миллиона убитых и раненых немцев.

Две недели спустя Совинформбюро позволило себе оспорить заявление самого товарища Сталина - случай в истории этого ведомства небывалый. Было заявлено, что потери вермахта к середине ноября 1941 г. составили уже 6 миллионов человек.

Отдадим должное товарищу Сталину. Он врал, но врал с умом. Из его заведомо ложных измышлений вырисовывался образ страны миролюбивой, но с большими потенциальными возможностями. Да, сегодня у нас танков мало - завтра будет много, мы не начинали мобилизацию первыми - но уж теперь мы соберем все для фронта и для победы. Германия же не может позволить себе каждые полгода терять по шесть миллионов солдат, а значит - в самое ближайшее время, „через полгода, год рухнет под тяжестью своих преступлений". Именно такую перспективу обрисовал Сталин, выступая с трибуны Мавзолея на параде 7 ноября 1941 г. И с точки зрения военной пропаганды (которая не имеет права быть правдивой) он сказал то, что надо было сказать людям, уходящим в бой.

После войны и после Победы советские „историки" получили задание - ложь усилить, но при этом сделать ее чуть более правдоподобной. Непростое задание - но они справились.

Про то, что вермахт потерял в начале войны 4,5 (или даже 6) миллионов забыли, замолчали и никогда больше не вспоминали. Логика очень простая - немецкие архивы были к этому времени открыты, материалы, в частности и о потерях личного состава, опубликованы, и продолжать ТАК врать значило выставить себя на посмешище всему свету.

В порядке „компенсации" картину беззащитности Советского Союза усилили заявлением о том, что основная часть танков и самолетов, состоявших на вооружении Красной Армии к началу войны, представляла собой безнадежно устаревший хлам, „не идущий ни в какое сравнение" с техникой противника. Значительно более настойчиво и громко стал подаваться и тезис о „внезапном нападении" (Сталин тему пресловутой „внезапности" старался особенно не выпячивать, делая акцент на слове „вероломное" - а это две большие разницы. Тезис о „вероломстве" характеризует Гитлера как преступника, тезис о „внезапном нападении" выставляет Сталина в качестве слепого, наивного дурачка).

Никита Хрущев, придя к власти, также немного доработал историю начала войны. Он представил Сталина в виде дурака упрямого - Рихард Зорге и Уинстон Черчилль слали ему свои знаменитые „предупреждения", а тот и слушать никого не хотел.

Таким образом, к концу 50-х годов окончательно сформировалась та версия, которую в последующие десятилетия вколачивали в массовое сознание с настойчивостью и непреклонностью парового молота:

во-первых, мы мирные люди, к войне мы не готовились, наше правительство боролось за мир во всем мире и старалось не допустить втягивания СССР в войну;

во-вторых, „история отпустила нам мало времени", поэтому мы ничего (танков, пушек, самолетов, даже винтовок в нужном количестве) не успели сделать, и наша армия вступила в войну почти безоружной (бутылка с зажигательной смесью играла тут ключевую роль, про эту бутылку знают даже те, кто ничего про историю войны не знает);

в-третьих, Сталин не разрешил привести армию в состояние какой-то особой „готовности к войне", и поэтому немецкие бомбы обрушились на „мирно спящие советские аэродромы".

Из этого трехчлена (который на все лады перепевался во всех книжках - от школьного учебника до толстенных монографий) легко и просто вытекал ответ на вопрос о ВИНОВНИКАХ страшной катастрофы. Виноватыми оказались:

- история, „которая отпустила нам мало времени";

- Гитлер, который месяца за два не предупредил Сталина о своих намерениях;

- и, наконец, излишняя наивность и доверчивость в целом положительного товарища Сталина.

Родной коммунистической партии в этой схеме была оставлена только одна

роль - роль организатора и вдохновителя всех наших побед.

Все ясно, просто, логично. Любая попытка усомниться в достоверности этих мифов расценивалась в диапазоне от „циничного глумления над памятью погибших" до „новой вылазки литературных власовцев".

Признаюсь - я и сам во все это верил. Класса, эдак, до восьмого. Потом стали появляться некоторые смутные сомнения. С годами они только усиливались.

В самом деле, при товарище Сталине весь советский народ работал. Работали все мужчины. Работали почти все женщины. Декретный отпуск давался на четыре месяца: два до и два после. Потом - от грудного младенца к станку. Подростки-„фэззушники" тоже работали. Страна работала с раннего утра („нас утро встречает прохладой") и до глубокой ночи. Ну а военные заводы уже задолго до войны работали в три смены, с утра и до утра. Причем, заметьте, никто из сотни миллионов работников не работал мерчендайзером, спичрайтером, имиджмейкером, трейдером, брокером, дилером, шмилером... Все конкретно пахали.

Куда же делся произведенный продукт?

Как это у нас могло оказаться меньше танков-самолетов, нежели в Германии? Что же тогда делали эти круглосуточно дымящие заводы - ситчик для комсомолок? Холодильники и соковыжималки для коммунальных кухонь?

Низкая производительность труда? Не спешите, не спешите, уважаемый читатель, с такими подозрениями. Давайте для начала выслушаем мнение знающих людей.

В 1936 г. авиационные заводы СССР смог посетить Луи Шарль Бреге - руководитель крупнейшей французской авиастроительной фирмы (выпускающей совместно с фирмой Дассо реактивные „Миражи" и по сей день). В отчете о своей поездке в СССР он написал: *„Используя труд вдесятеро большего количества рабочих, чем Франция, советская авиационная промышленность выпускает в 20 раз больше самолетов"*. В апреле 1941 г. военно-воздушный атташе Германии Г. Ашенбрэннер с группой из десяти инженеров посетил главные авиапредприятия СССР (ЦАГИ, московские заводы NoNo 1, 22, 24, Рыбинский и Пермский моторные заводы). В отчете, предоставленном Герингу, Ашенбрэннер писал:

„Каждый из этих заводов был гигантским предприятием, где работало до 30 тысяч человек в каждую из трех смен, работа прекрасно организована, все продумано до мелочей, оборудование современное и в хорошем состоянии..."

А в Германии было тогда в два с половиной раза меньше людей, чем в СССР. Немецкая фрау сидела дома и воспитывала киндеров. Повзрослевшие киндеры пели нацистские марши и ходили строем, оттягивая носок, не после работы, а вместо работы. На втором году мировой войны авиационные заводы Германии работали в одну смену! Сверхдефицитный на войне алюминий расходовался на производство садовых домиков и приставных лесенок для сбора груш. Производственные мощности немецких заводов были загружены изготовлением патефонов и велосипедов, радиоприемников и легковых автомобилей, фильдеперсовых чулочков и бритвенных лезвий. Серийное производство первых боевых танков, самолетов, подводных лодок началось только в 1935-1936 годах - меньше, чем за одну пятилетку до начала мировой войны.

Так когда же немцы умудрились создать то самое пресловутое „многократное превосходство в танках и самолетах"? И из чего они его могли создать?

В Германии нет своих бокситов, своего никеля, марганца, вольфрама, меди, каучука, нефти... Простого угля и железной руды и то не хватало, всю войну немцам приходилось возить железную руду морем из Швеции. Под бомбами авиации союзников. А у Сталина под ногами была вся таблица Менделеева, в том числе - нержавеющее золото, за которое во Франции, в Америке, в той же Германии закупалось все: новейшее оборудование - целыми заводами, новейшие авиамоторы, лучшие в мире транспортные самолеты, лучшие умы и секретнейшие чертежи.

И всего этого не хватило для того, чтобы вооружить Красную Армию хотя бы не хуже новорожденного вермахта?

От размышлений над этими вопросами автора на несколько лет отвлекла учеба в авиационном институте, затем - проектирование лазерной пушки в

„почтовом ящике“, затем – работа в угольной кочегарке и общественная борьба эпохи гласности и переломки.

За что боролись – то и получили. Да, гораздо меньше, чем хотелось бы, но все-таки в начале 90-х годов в научный оборот было введено большое число документов кануна и начала войны, в открытой печати были опубликованы ранее засекреченные труды советских военных историков. Кроме того, новые времена открытости, свободы печати и Интернета сделали доступными для независимого исследователя и богатейшие залежи работ немецких историков и мемуаристов. И хотя по сей день огромные пласты документального материала все еще скрываются от народа (причем безо всякого пристойного объяснения), того, что уже открыто, вполне достаточно, чтобы детально и точно оценить соотношение сил сторон по состоянию на 22 июня 1941 г.

Да, конечно, никакого „технического превосходства вермахта“ не было и в помине. Пушку образца первой мировой войны тащила шестерка лошадей, главным средством передвижения пехоты вермахта была одна пара ног на каждого солдата, и вооружен этот солдат был самой обыкновенной винтовкой (это только в плохом советском кино все немцы в 1941 году ходят со „шмайсерами“, а вот по штатному расписанию даже в элитных дивизиях вермахта „первой волны“ было 11 500 винтовок и всего 486 автоматов).

Разумеется, предельно милитаризованная сталинская империя, долгие годы готовившаяся к Большой Войне с предельным напряжением всех ресурсов богатейшей страны мира, вооружила и оснастила свою армию как нельзя лучше. Разумеется, танков и самолетов, зенитных орудий и гусеничных тягачей, аэродромов и аэростатов в Красной Армии было больше, чем в армиях Англии, Франции и Германии, вместе взятых.

Разумеется, научно-технический уровень советского военного производства не просто „соответствовал лучшим мировым стандартам“, а по целому ряду направлений формировал их. Лучший в мире высотный истребитель-перехватчик (МиГ-3), лучшие в мире авиационные пушки (ВЯ-23), лучшие в мире танки (легкий БТ-7М, средний Т-34, тяжелый КВ), первые в мире реактивные установки залпового огня (БМ-13 „катюша“), новейшие артсистемы, радиолокаторы, ротационные кассетные авиабомбы, огнеметные танки и прочая, прочая, прочая – все это существовало, и не в чертежах, не в экспериментальных образцах, а было запущено в крупную серию.

Разумеется, сосредоточение трехмиллионной группировки вермахта у западных границ СССР было выявлено советской разведкой, причем выявлено с точностью до полка и эшелона. И хотя подлинных документов, раскрывающих оперативные планы немецкого командования, на столе Сталина никогда не было, общая военно-политическая готовность гитлеровской Германии к агрессии на востоке не была секретом ни для высшего государственного руководства СССР, ни для старших командиров Красной Армии.

Имеющиеся документы неопровержимо свидетельствуют о том, что, скрытая мобилизация и стратегическое развертывание вооруженных сил Советского Союза начались ДО, а не после первых оружейных залпов на границе. Что касается цели этого развертывания, то по этому поводу возможна (и необходима) дискуссия. Последние предвоенные планы прикрытия мобилизации и развертывания войск западных округов были опубликованы только полувека спустя после их принятия. Но ведь войска *сосредотачиваются и развертываются* для чего-то, для проведения каких-то операций, а не просто для того, чтобы создать лишние проблемы с необходимостью их *прикрытия*. Соответственно, и планы прикрытия были всего лишь частью некоего, засекреченного и по сей день, Большого Плана.

Как бы то ни было, Красная Армия готовилась к войне, причем к такой войне, которая должна была начаться в ближайшие недели или даже дни. Самое большее, чего могли в такой ситуации добиться немцы, так это весьма ограниченного во времени и пространстве эффекта тактической внезапности. И не более того.

0.2. С чего начнем

Как это часто (или всегда?) бывает в истории науки, новое знание, разрешив старые вопросы, поставило новые, гораздо более сложные. После того, как спрятаться за ширму заведомо ложных измышлений о „многократном численном превосходстве вермахта" стало уже невозможно, обсуждение подлинных причин беспримерной в истории военной катастрофы стало еще более актуальным и еще более сложным.

Строго говоря, это обсуждение началось за много лет до окончательного крушения КПСС. Не настолько уж мы „ленивы и нелюбопытны" (Пушкин), чтобы среди сотен тысяч живых свидетелей драматических событий тех лет не нашлись люди, готовые усомниться в достоверности официозного бреда. Уже во времена хрущевской „оттепели" на свет Божий из непроглядной тьмы военной тайны выпорхнули кое-какие цифры, факты, документы, после обнародования которых продолжать прежнее вранье стало совсем уже неприлично. Нельзя не упомянуть, например, двухтомную монографию Дашичева „Банкротство стратегии германского фашизма". Хотя вся она была посвящена немецкой истории, и любых сравнений автор предусмотрительно избегал, у имеющего глаза и мозги читателя пропадали последние сомнения по поводу „многократного превосходства вермахта в танках и авиации".

Еще дальше пошли Некрич и Григоренко. С огромным количеством оговорок, извинений и оправданий они все-таки написали черным по белой бумаге, что никакого численного либо технического превосходства над Красной Армией у вермахта не было. Для одного из них это закончилось изгнанием из СССР, для другого – заключением в спецпсихбольницу МВД.

В эпоху „нового мышления" их дело продолжил (скорее всего – сам того не подозревая) Виктор Суворов. Со своим редким даром публициста, с яростной напористостью человека, нашедшего, наконец, единственную истину, В. Суворов в своей трилогии („Ледокол", „День-М", „Последняя республика") камня на камне не оставил от лживого мифа про тихую, мирную и почти безоружную сталинскую империю.

Увы. Разрушив старые мифы, В. Суворов поспешил заменить их новым. Оказывается, Красная Армия была велика и могуча – но только до трех часов утра 22 июня 1941 г. На следующий день она уже была обескровлена и разоружена внезапным нападением гитлеровцев. Со страниц трилогии Суворова просто льется торжественная песнь Первого Обезоруживающего Удара:

„...при внезапном ударе советских танкистов перестреляли еще до того, как они добежали до своих танков, а танки сожгли или захватили без экипажей... Внезапный удар по аэродромам ослепляет танковые дивизии... Советские разведывательные самолеты не могут подняться в небо... Нашему циклопу выбили глаз. Наш циклоп слеп. Он машет стальными кулаками и ревет в бессильной ярости..." Ну и так далее.

Для пушей убедительности Суворов предложил и свой, гораздо более правдоподобный, вариант объяснения причины такого конфуза – Красная Армия сама готовилась к нападению и якобы поэтому забыла про всякую осторожность. По сравнению с издевательски глупой версией коммунистических „историков" (про то, как робкий и наивный Сталин боялся дать Гитлеру „повод для нападения") гипотеза Суворова смотрится очень даже солидно.

В скобках заметим, что и в этом варианте мифотворчества В. Суворов не был первым. Тот же Григоренко еще в 1967 г. написал про то, как „глупый" нарком обороны Тимошенко послушался еще более „глупого" Сталина и двинул днем 22 июня всю артиллерию на запад. Им бы подождать до темноты – а они ее вывели из лагерей и укрытий днем. Вот тут на нее и налетела вражеская авиация. И уничтожила. Всю. Все **шестьдесят тысяч** орудий и минометов. Каждый немецкий бомбардировщик (а их на всем Восточном фронте было девятьсот), проносясь над землей как мифическая Валькирия из древних скандинавских саг, разом уничтожил по одному советскому артиллерийскому полку. Круто...

Далее, в Части 2 мы подробно, с карандашом в руках, рассмотрим вопрос о том, что могла, что сделала и чего не могла сделать немецкая авиация. Пока же обратимся к простому здравому смыслу и зададим ему пару простых вопросов.

Почему сами „гитлеровские соколы" ничего не знают о своем величайшем свершении?

По истории люфтваффе написаны горы книг. Есть монографии, посвященные

боевому применению отдельных типов самолетов, есть монографические исследования боевого пути чуть ли не каждой авиационной эскадры, и все это – с немецкой дотошностью, с точным указанием заводского номера каждого самолета и воинскими званиями всех членов экипажа. А вот про то, как 22 июня 1941 г. они „разоружили“ всю Красную Армию – ни слова. И даже брехливый доктор Геббельс об этом так ничего никому и не сказал!

С другой стороны, что же наши-то „соколы“ ничего подобного не учинили? Нет, разумеется, мы говорим не про июнь 1941-го. У нас же тогда не самолеты были, а „безнадежно устаревшие гробы“ и летчики „с налетом 6 часов по коробочке“. Но в 43, 44, 45 годах, тогда, когда нумерация советских авиаполков подошла к тысяче, когда мы завоевали абсолютное господство в воздухе – почему же тогда вермахт не был разоружен, оставлен без танков, без артиллерии, без складов за один день одним могучим ударом с воздуха?

И почему в истории английских ВВС нет ничего подобного? И французских, и американских? Американцы бомбили Германию (территория которой меньше территории наших предвоенных Западного или Киевского военных округов) с весны 1943 г. Американцы высыпали на один объект по несколько килотонн бомб за один налет. В день высадки в Нормандии (6 июня 1944 г.) каждую дивизию союзников в среднем поддерживали (по подсчетам известного американского историка Тейлора) 260 боевых самолетов – в 10 раз больше, чем приходилось на одну дивизию вермахта 22 июня 1941 г. И что же – даже десять месяцев спустя, весной 1945 года, вермахт еще воевал, причем воевал отнюдь не бутылками с керосином...

Ну а если серьезно, то вести дискуссию по этому поводу глупо. Каждый выпускник средней школы должен знать, что систему из девяти уравнений с десятью неизвестными можно с чистой совестью не решать. Она просто не имеет решения.

Уничтожить (или, по крайней мере, значительно ослабить) одним упреждающим ударом армии, насчитывавшую к началу войны **198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковую, 31 моторизованную дивизии, 16 воздушнодесантных и 10 противотанковых бригад**, в доядерную эпоху было абсолютно невозможно. Да и с вооружениями 21-го века для решения такой задачи потребовалось бы (с учетом рассредоточенности советского военного потенциала на гигантском ТВД) огромное массирование ракетно-ядерных сил.

В реальности основным средством поражения, которым располагал вермахт летом 1941 года, была артиллерия. Основные калибры: 75, 105, 150, 210 мм. Максимальная дальность стрельбы – от 10 до 20 километров. Именно этими цифрами и определяется возможная в принципе глубина первого удара. Девять десятых советских полков и дивизий находились утром 22 июня вне этой зоны, за 50-500-1 500 км от границы, и потому ни в первый, ни во второй, ни в третий день войны не могли быть уничтожены даже теоретически.

Стоит отметить и то, что даже бесноватый фюрер не требовал от своей армии такой сверхэффективности. Плановая продолжительность „блицкрига“ в России все-таки измерялась месяцами, а не днями, да и разгромить Красную Армию предполагалось „смелым выдвиганием танковых клиньев“, а вовсе не одним лихим налетом „Юнкерсов“.

Тем не менее, концепция Суворова очень удачно вписалась в ту „матрицу“, которая уже была сформирована в сознании его читателей многолетней коммунистической пропагандой.

Да, при всей внешней несовместимости и версия Суворова и версия Сталина-Хрущева едины в главном: ПРИЧИНУ ВОЕННОЙ КАТАСТРОФЫ ОНИ ИЩУТ СРЕДИ ТАНКОВ И САМОЛЕТОВ, старательно обходя при этом все, что связано с действиями (или бездействием) танкистов, артиллеристов, летчиков, пулеметчиков и их командиров.

Трудно сказать, был ли „ложный след“, по которому Виктор Суворов направил толпы своих последователей, результатом добросовестного заблуждения или мы все-таки имеем дело с преднамеренной литературной мистификацией. Как бы то ни было, но в последние годы в исторической литературе самое широкое хождение получили обе „суворовские“ легенды: и о „первом обезоруживающем ударе вермахта“, и о том, что разгром Красной Армии был обусловлен тем, что войска, которые обучались, вооружались и готовились для ведения наступательных операций, были 22 июня 1941 г. вынуждены перейти к

обороне.

Многочисленные „суворовцы" уже успели выстроить целую теорию о том, что армия, готовая наступать, и армия, способная успешно обороняться – это две разные армии, что бывает, оказывается, какие-то особые „наступательные" танки и самолеты и что только в силу однозначно наступательного характера своих планов и вооружений РККА оказалась неспособна к ведению стратегической обороны.

Абсурдность (если только не преднамеренная анекдотичность) теории про Армию, Умеющую Только Наступать, достаточно очевидна и сама по себе не требует многостраничного опровержения. Совсем не обязательно заканчивать Академию Генерального штаба для того, чтобы понять, что наступление является гораздо более сложным видом боевых действий, нежели оборона. Сложным именно потому, что наступление предъявляет более высокие требования к системе управления и связи, от которых в этом случае требуется гибкое, быстрое, нешаблонное реагирование на динамично развивающуюся обстановку.

Представить себе командование, способное к организации успешного, стремительного наступления, но при этом не умеющее организовать позиционную оборону на собственной, знакомой до каждой тропинки территории, так же невозможно, как невозможно найти виртуозного джазового пианиста, который не может сыграть по нотам „Собачий вальс".

Наконец, так называемая „наступательная" армия, вооруженная лучшими в мире „наступательными" танками, всегда может воспользоваться именно тем способом ведения обороны, который во все века считался наилучшим – самой перейти в контрнаступление. Тому в истории мы тьму примеров сыщем, но самым ярким, на наш взгляд, является опыт Армии Обороны Израиля.

Эта армия никогда даже и не пыталась стать в самоубийственную при географических условиях Израиля (минимальная ширина территории в границах резолюции ООН 1947 г. составляет 18 км) позиционную оборону. И в 1967, и в 1973 годах стратегическая задача обороны страны от многократно превосходящих сил противника была решена переходом в контрнаступление, причем в октябре 1973 г. такой переход пришлось осуществить безо всякой оперативной паузы, сразу же после того, как попытки сдержать наступление египетской армии на рубеже Суэцкого канала оказались безуспешными.

Пыталась ли Красная Армия действовать летом 1941 г. подобным образом? Безусловно – Да.

Даже официальная историческая наука уже готова признать, что *„фашистской стратегии блицкрига была противопоставлена не оборона, в том числе и маневренная, с широким применением внезапных и хорошо подготовленных контрударов, а, по существу, стратегия молниеносного разгрома вторгшегося противника" [3].*

Как всегда ярко и образно выразил эту же мысль В. Суворов: *„...реакция Красной Армии на германское вторжение – это не реакция ежа, который ошетинился колючками, но реакция огромного крокодила, который, истекая кровью, пытается атаковать".*

Точнее и не скажешь.

На Северо-Западном направлении череда контрударов Красной Армии (под Шяуляем, Даугавпилсом, Островом, Великими Луками, Старой Руссой) продолжалась с первых дней войны вплоть до середины августа 1941 года.

На главном, западном стратегическом направлении, на линии Минск-Смоленск-Москва, многократные, практически безостановочные попытки перейти в решительное контрнаступление продолжались все лето, до 10 сентября, когда, наконец, войска Западного, Резервного и Брянского фронтов по приказу Ставки перешли к обороне.

Подробный разбор всех этих наступательных операций выходит за рамки данной книги. С другой стороны, конечный результат этих контрударов должен быть известен даже добросовестному школьнику. Ничего, кроме потери сотен кадровых дивизий, десятков тысяч танков и самолетов, все эти попытки перейти в наступление не принесли. Красная Армия оказалась неспособна к наступлению точно так же, как она оказалась неспособна к созданию устойчивой позиционной обороны на таких мощнейших естественных рубежах, какими являются реки Неман, Днепр, Днестр, Южный Буг, Западная Двина.

На этой констатации всю дискуссию с „суворовцами" в принципе можно закончить, даже не начиная. И тем не менее, кропотливый и детальный

анализ первых контрударов Красной Армии может подвести нас как к важным выводам о подлинных причинах ее разгрома. Вот почему автор решил построить книгу на тщательном разборе **трех наступательных операций**, причем именно тех, по поводу которых можно, не погрешив против истины, сказать, что это были наиболее мощные и наиболее обеспеченные боевой техникой и кадровым командным составом контрудары Красной Армии.

0.3. Сенсаций не будет

Служенье муз не терпит суеты. Тем более не терпит суетливой поспешности военная история. Читателю стоит набраться терпения. Быстрых ответов на сложнейшие вопросы не будет. Не будет и столь популярных в последние годы „сенсационных документов“, потрясающих „откровений“ бывших сталинских холуев и прочей бульварщины.

Впереди у нас сотни страниц сложного, пересыщенного цифрами, датами, номерами дивизий и калибрами танковых пушек текста. Раз за разом будем мы останавливаться перед каждым „общеизвестным“, „само собой разумеющимся“, ставшим привычным, как растоптанные тапочки, утверждением для того, чтобы узнать – а что же на самом деле скрывается за этими устоявшимися мифами?

Часть 1. ЗАТЕРЯННАЯ ВОЙНА

1.1. Вторник, 17 июня

В том году день 17 июня пришелся на вторник. Обычный летний рабочий день. Заголовки центральных газет дышали безмятежностью, весьма близкой к скуке. Передовица в „Известиях“ под названием: „О колхозном ширпотребе и местной инициативе“. Далее идут статьи „Итоги реализации нового займа“ и „Профсоюзно-комсомольский кросс начался“. Некоторое оживление обнаруживалось только на последней странице. Там, где был опубликован страстный призыв Главконсерва: „Возвращайте порожние стеклянные банки и бутылки!“

На фоне этой мирной благодати особенно контрастно выглядели заголовки второй полосы номера, посвященной событиям заграничной жизни: „Война в Европе“, „Война в Сирии“ (уважаемый читатель, Вы помните – кто и с кем воевал в Сирии в июне 1941 года?), „Война в Африке“, „Вомбардировки Кипра и Гибралтара“, „Военные мероприятия Соединенных Штатов“. Каждый читатель „Известий“ мог таким образом

наглядно оценить плоды мудрой, неизменно миролюбивой внешней политики Советского Союза.

И только несколько десятков человек во всей огромной стране знали, что первый из большой серии могучих сталинских ударов, запланированных на лето 1941 года, уже начался. В тот самый день 17 июня, когда командир 1-го механизированного корпуса генерал-майор Чернявский получил от начальника штаба Ленинградского военного округа генерал-майора Никишева приказ поднять по боевой тревоге 1-ю танковую дивизию.

Кстати, автор совсем не уверен в том, что он правильно указал название штаба, которым 17 июня 1941 года руководил генерал-майор Никишев. Был ли это все еще штаб Ленинградского военного округа или уже штаб Северного фронта? Правильный ответ на этот вопрос имеет огромное диагностическое значение.

Фронты в Советском Союзе никогда не создавались в мирное время (развернутый с конца 30-х годов Дальневосточный фронт может служить только примером „исключения, подтверждающего правило“ – граница с оккупированным Японией Китаем непрерывно вспыхивала то большими, то малыми вооруженными конфликтами). Развертывание фронтов у западных границ СССР **всегда предшествовало скорому началу боевых действий.**

11 сентября 1939 г. на базе Белорусского и Киевского особых военных округов были сформированы два фронта – Белорусский и Украинский. Через шесть дней началось вторжение в Польшу, закончившееся в конце сентября 1939 г. „воссоединением“ с Советским Союзом 51% территории довоенной Польши. В скобках заметим, что между Польшей и СССР в 1932 г. был заключен Договор о ненападении, и с этого момента Советский Союз никогда не оспаривал законность и „справедливость“ восточных границ Польши.

Война закончилась – и 14 ноября приказом наркома обороны No 0177 фронты были вновь преобразованы в военные округа с прежними названиями [1, с. 328].

9 июня 1940 г. на базе управления Киевского округа был создан Южный фронт, в состав которого были включены части и соединения как Киевского, так и Одесского округов. Через девятнадцать дней, в 14-00 28 июня войска Южного фронта перешли границу с Румынией и к исходу дня 1 июля 1940 г. заняли всю Бессарабию и Северную Буковину. После чего 10 июля 1940 г. Южный фронт был расформирован [1, с. 218].

А вот Финляндию товарищ Сталин сначала оценил гораздо ниже Польши или Румынии, поэтому к началу первой советско-финской войны (30 ноября 1939 г.) фронтов не создавал. А кто же из нас не ошибался? Но как только выяснилось, что „сокрушительный удар по финляндской козявке“ (именно таким слогом изъяснялась в номере от 1 декабря 1939 года газета с хорошим названием „Правда“) затягивается на неопределенный срок, ошибку быстро исправили.

7 января 1940 г. действующие на Карельском перешейке войска были объединены в **Северо-Западный фронт**. После трехнедельной передышки и значительного наращивания сил 1 февраля 1940 г. войска фронта перешли в решительное наступление, завершившееся прорывом „линии Маннергейма“ и штурмом Выборга. Затем, после того, как 12 марта в Москве был подписан мирный договор, Северо-Западный фронт был расформирован (приказ наркома обороны No 0013 от 26 марта 1940 г.).

Доподлинно известно, что летом 1941 года три фронта (Северо-Западный, Западный и Юго-Западный) были развернуты ДО ТОГО, как началось вторжение гитлеровских войск на советскую территорию, вторжение, в реальность которого товарищ Сталин не сразу поверил даже тогда, когда оно фактически началось.

Уже 19 июня 1941 года нарком обороны СССР маршал Тимошенко отдал приказ No 0042 о выведении к 22–23 июня штабов этих трех фронтов на полевые командные пункты (соответственно в Паневежисе, станции Обус-Лесна и в Тарнополе), причем строительство самих полевых КП началось по приказу Тимошенко от 27 мая 1941 г. [2, с. 180; 1, с. 330].

Примечательно, что уже 19 июня понятия „фронт“ и „округ“ в этих документах совершенно четко разделялись. Так, в шифротелеграмме, которую Г. К. Жуков отправил 19 июня 1941 г. командующему войсками Юго-Западного фронта, указывалось:

*„Народный комиссар обороны приказал: к 22.06.1941 г. управлению выйти в Тарнополь, оставив в Киеве подчиненное Вам управление **округа...** Выделение и переброску **управления фронта** сохранить в строжайшей тайне...“*

(подчеркнуто авт.).

Текст этой телеграммы был приведен в самом что ни на есть официальном труде отечественных военных историков: монографии „1941 год – уроки и выводы“, выпущенной в 1992 году Генеральным штабом тогда еще Объединенных вооруженных сил СНГ [3]. Впрочем, еще в старые советские времена, в прошедшей все виды цензуры книге воспоминаний маршала Баграмяна (перед войной – заместителя начальника штаба Киевского округа) сообщалось, что на командный пункт в Тарнополь они выехали 21 июня, имея приказ прибыть на место назначения к утру 22 июня [110].

Полностью оценить эту сенсационную информацию стало возможно только после того, как в 1996 году Военно-исторический журнал (печатный орган Министерства Обороны) опубликовал ранее совершенно секретные (с грифом „Особой важности“, выполненные в двух экземплярах каждый) планы действий войск западных округов по прикрытию мобилизации и оперативного развертывания Красной Армии [ВИЖ.– 1996.– NoNo 2–6].

Так вот, в этих документах **выведение штабов на командные пункты в Паневежисе, Обус-Лесна и Тарнополе планировалось провести в день М-3, т. е. на третий день мобилизации.** Из чего следует, что В. Суворов не только не переоценил, а скорее всего недооценил намерения и настойчивость товарища Сталина. Есть серьезное основание предположить, что полномасштабное оперативное развертывание Красной Армии для вторжения в Европу фактически началось **19 или 20 июня 1941 г.**

В исторической и мемуарной литературе рассыпано множество упоминаний о весьма примечательных событиях, произошедших в эти дни.

19 июня в авиационные части Прибалтийского Особого военного округа (ПриБОВО) поступил приказ о переходе в состояние повышенной боевой готовности и рассредоточении самолетов по оперативным аэродромам [2, с. 175]. 18 июня начштаба ПриБОВО генерал-лейтенант Кленов отдал следующее распоряжение: *„частям зоны ПВО и средствам ПВО войсковых соединений принять готовность No 2... части ПВО, находящиеся в лагерях, немедленно вернуть в пункты постоянной дислокации... срок готовности – к 18-00 19 июня“* [ВИЖ.– 1989.– No 5].

19 июня штаб ВВС Западного фронта по указанию командующего фронтом генерала армии Д. Г. Павлова был выделен из состава штаба ВВС Западного Особого военного округа (ЗаПОВО) и направлен из Минска на запад, в район Слонима [4].

Контр-адмирал А. Г. Головкин, в те дни – командующий Северным флотом, в своей книге воспоминаний „Вместе с флотом“ пишет, что именно **19 июня** им была получена *„директива от Главного морского штаба – готовить к выходу в море подводные лодки“.*

20 июня командующий Краснознаменного Балтфлота вице-адмирал Трибуц доложил о том, что *„части флота с 19.06.41 приведены в боевую готовность по плану No 2“* [ВИЖ.– 1989.– No 5]. Жаль только, что даже в 1989 году Военно-исторический журнал не дал никаких пояснений по поводу того, что это за „план No 2“...

Генерал-полковник П. П. Полубояров, бывший перед войной начальником автобронетанкового управления войск ПриБОВО, пишет, что *„16 июня 1941 г. командование 12-го мк (механизированного корпуса) получило директиву о приведении соединений в боевую готовность... 18 июня командир корпуса поднял соединения и части по боевой тревоге и приказал вывести их в запланированные районы. В течение 19 и 20 июня это было сделано...“*

16 июня распоряжением штаба округа приводился в боевую готовность и 3-й мк, который в такие же сроки сосредоточился в указанном районе“ [ВИЖ.– 1989.– No 5].

18 июня командующий 8-й армией генерал-майор Собенников получил приказ командующего войсками ПриБОВО о выводе войск армии на указанные им участки прикрытия государственной границы. На следующий день, **19 июня** вышла директива штаба ПриБОВО, в которой, в частности, говорилось:

„...минные поля установить по плану оборонительного строительства, обратив внимание на полную секретность для противника...“ [ВИЖ.– 1989.– No 5].

Кстати, о минах. Главный советский историк начального периода войны, академик, доктор и профессор В. А. Анфилов в своей последней по счету книжке

горестно вздыхает:

*„...у нас не было налажено производство противотанковых мин. К 22 июня во всех приграничных округах имелось **всего лишь** (подчеркнуто автором) 494 тысячи противотанковых мин...”* [40, с. 218].

Забота о „полной секретности для противника” дошла до того, что даже начальник управления политпропаганды ПриОВО товарищ Рябчий вечером 21 июня распорядился:

„...отделам политпропаганды корпусов и дивизий письменных директив в части не давать, задачи политработы ставить устно через своих представителей...” [61].

Конспирация, конспирация и еще раз конспирация... Неужто нельзя было доверить бумаге такие задачи, как „быть готовыми защитить мирный созидательный труд советских людей”, „земли чужой мы не хотим ни пяди”?

Генерал-майор С. Иовлев (в те дни – командир героической 64-й стрелковой дивизии) в своих воспоминаниях пишет:

*„...части 64-й стрелковой дивизии в начале лета 1941 г. стояли в лагерях в Дорогобуже... 15 июня 41 года командующий Западным Особым военным округом генерал армии Д. Г. Павлов приказал дивизиям нашего корпуса подготовиться к передислокации в полном составе. Погрузку требовалось начать **18 июня**. Станция назначения нам не сообщалась, о ней знали только органы военных сообщений...”* [ВИЖ.– 1960.– No 9].

Да, конечно, советские нормы секретности сильно отличались от общечеловеческих. Но чтобы командир дивизии в генеральском звании, как зэк на пересылке, не знал, куда везут его и вверенные ему полки „в полном составе”?

Полковник Новичков, бывший в начале войны начальником штаба 62-й стрелковой дивизии 5-й армии КОВО, сообщает, что *„...части дивизии выступили из лагеря в Киверцы (около 80 км от границы) и, совершив два ночных перехода, к утру **19 июня** вышли в полосу обороны, однако оборонительный рубеж не заняли, а сосредоточились в лесах вблизи него”* [ВИЖ.– 1989.– No 5].

Странно все это. Очень странно. Почему ночью? Местность на Волыни лесисто-болотистая, в ночной темноте легко и пушку в болоте утопить и людей без толку намочить. Да и ночи в июне самые короткие, далеко за 5-6 часов не уйдешь. И зачем тогда строили бетонные доты на новой границе, деньги народные два года в землю зарывали, если после выхода к границе 62-я дивизия „оборонительный рубеж не заняла”, а зачем-то спряталась в лесу?

Ходят слухи (размножающиеся делением в бумажных трудах советских историков), что Сталин изо всех сил старался „оттянуть” нападение Гитлера на Советский Союз. Так ведь для того, чтобы „оттянуть” получше, надо было не прятать дивизии по лесам, не бродить по болотам в ночь глухую, а ярким солнечным июньским днем вызвать в Киверцы фотокорреспондентов центральных газет и приказать им снять марширующие колонны, да еще и под таким ракурсом, чтобы казались они на снимках несметным воинством. И на первую газетную полосу – под общей рубрикой „Граница на замке”! И при постановке минных полей заботиться надо было бы не о „полной секретности для противника”, а о том, чтобы сам факт минирования в тот же день стал известен всей немецкой агентуре.

„Имея дело с опасным врагом, следует, наверное, показывать ему прежде всего свою готовность к отпору. Если бы мы продемонстрировали Гитлеру нашу подлинную мощь, он, возможно, воздержался бы от войны с СССР в тот момент” – пишет в своих мемуарах [45] генерал армии С. П. Иванов, многоопытный штабист, один из главных отечественных историков начального периода войны. Именно так, как советует профессионал столь высокого уровня, и надо было действовать.

Если Сталин думал о том, как „оттянуть”, а не о том, **как бы не спугнуть...**

Да, много странных событий происходило в те дни, когда газеты писали про ширпотреб и стеклотару, но мы вернемся к тому вопросу, с которого и начали эту главу – когда же был сформирован Северный фронт?

Указанная в большинстве книжек дата 24 июня 1941 г. является явной

дезинформацией. Вечером 22 июня нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА Жуков в тексте своей известной Директивы No 3 (мы еще не один раз вернемся к обсуждению этого важнейшего документа), в пункте 3-а, ставят задачи „армиям Северного фронта" [5, с. 353].

Но не могли же они (и готовившие эту директиву многоопытные штабисты Ватутин и Василевский) отдавать приказы пустому месту!

Накануне, в субботу 21 июня, на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было решено „...поручить т. Мерецкову общее руководство **Северным фронтом...**", а также принято решение о назначении членом Военного Совета **Северного фронта** секретаря Ленинградского горкома товарища Кузнецова [6, с. 358].

Точная дата и номер документа об образовании Северного фронта автору неизвестны.

Точно так же, у автора нет и документального подтверждения (кроме опубликованных еще в 1987 г. воспоминаний командира 1-й танковой дивизии В. И. Баранова) того важнейшего обстоятельства, что в приказе, который 17 июня получил командир 1-го мехкорпуса, были использованы слова „боевой", „боевая тревога" и т. п. Зато доподлинно известно, как этот приказ был выполнен.

В соответствии с приказом предстояло погрузить в железнодорожные эшелоны и отправить в район новой дислокации 1-ю танковую дивизию. А в дивизии числилось: 370 танков, 53 пушечных бронеавтомобиля, сотни орудий и минометов (в том числе новейшие, на тот момент – лучшие в мире 152-мм пушки-гаубицы МЛ-20 весом по семь тонн каждая), сотни гусеничных тягачей, полторы тысячи автомобилей разного назначения. А также тысячи людей, сотни тонн горючего и боеприпасов [7, 8].

Трудно сказать, сколько времени заняла бы такая масштабная работа в наше время. Надо полагать, только на составление „комплексного плана погрузки" ушла бы неделя. Но не случайно 1-я танковая была уже Краснознаменной, а на груди ее нового командира – участника войны в Испании и Финляндии генерала В. И. Баранова – сияла золотая звезда Героя Советского Союза. Ветеранами боев в Испании и финской войны были и командиры танковых полков дивизии: Герой Советского Союза полковник Д. Д. Погодин и майор П. С. Житнев. Невероятно, но факт – в ночь на 19 июня последние эшелоны 1-й танковой ушли со станции Березки (северо-западнее Пскова).

Слово „элитный" было в те времена не в ходу, но именно оно как нельзя лучше подходит к описанию 1-й танковой дивизии, да и всего 1-го мехкорпуса в целом. Корпус был сформирован летом 1940 года на базе танковых бригад, отличившихся во время финской войны: 13-й Краснознаменной, 20-й Краснознаменной тяжелой танковой им. С. М. Кирова и 1-й легкотанковой. Управление корпуса было сформировано на базе управления 20-й Краснознаменной танковой бригады – именно это соединение в феврале 1940 г. прорывало „линию Маннергейма" на самом страшном ее участке – в районе „высоты 65,5", проложив дорогу наступающей советской пехоте через 45 (сорок пять) рядов заминированных проволочных заграждений [8].

Указом президиума Верховного Совета СССР в апреле 1940 года 20-я танковая бригада была награждена орденом Боевого Красного Знамени, 613 человек получили ордена и медали, 21 танкист был удостоен звания Героя Советского Союза. Столь же велики были и заслуги 13-й Краснознаменной бригады, за успешное руководство которой комбриг В. И. Баранов был 21 марта 1940 г. удостоен звания Героя Советского Союза [8].

Однозначно преступный и подлый характер той войны отнюдь не умаляет значение уникального опыта прорыва укрепленной оборонительной полосы в тяжелейших природных условиях, который приобрели на Карельском перешейке советские танкисты. А было их (танкистов) там совсем немало: уже к началу боевых действий группировка советских войск насчитывала 2289 танков, и в дальнейшем это число непрерывно росло [1, с. 153].

Наглядной иллюстрацией богатого боевого опыта советских танкистов могла служить картина того, как 1-я танковая покинула место своей постоянной дислокации в поселке Струги Красные под Псковом.

Генерал-полковник И. М. Голушко (в те дни – только что окончивший Киевское танковое училище лейтенант) описывает в своих мемуарах, что он увидел, приехав в бывший лагерь 1-й танковой дивизии: „...кроме

старшины, представившегося начальником танкового парка, здесь никого уже не было... Оставшиеся танки – 20 единиц БТ-5 и БТ-7 – считались на консервации. Осмотрел я их и только ахнул: одни без коробок передач, другие без аккумуляторов, у некоторых сняты пулеметы...

На вопрос, что все это значит, старшина ответил, что полк, **поднятый по тревоге** (подчеркнуто автором), забрал все, что можно было поставить на ход..." [9].

Вот это и называется – на войне как на войне. По понятиям мирного времени двадцать брошенных, разукомплектованных танков – это преступление. Но командование 1-го мехкорпуса уже 17 июня 1941 г. знало, что мирное время для него и для вверенных ему дивизий закончилось. А это значит, что надо вырываться из тесной „ловушки“ давно разведанного противником лагеря, не теряя ни одной лишней минуты. А все неисправные танки ободрать, как липку, на запчасти для тех, что пойдут в бой. Для порядка и присмотра оставили при них бравого старшину – и вперед!

Кстати, а куда это – „вперед“? Куда 17 июня 1941 года двинулась первая и по номеру, и по уровню подготовки танковая дивизия Красной Армии?

Даже правила строжайшей советской сверхсекретности не могли скрыть от бойцов и командиров 1-й тд тот удивительный факт, что солнце вставало справа по ходу движения эшелонов, а садилось – слева. Другими словами, поезда мчались куда угодно, но только не к западной границе. Холмы и перелески Псковщины сначала сменились вековым сосновым лесом, а затем лес стал редеть, все чаще разрываясь озерами, болотами, а то и вовсе безлюдной каменистой пустошью.

Утром 22 июня головные эшелоны лязгнули в последний раз тормозами и замерли. Конечная остановка. Поезд дальше не идет. Некуда идти – рельсовый путь обрывается в заполярной тундре. Приехали: станция Алакуртти Кировской железной дороги. Мы в Лапландии – стране Санта Клауса.

260 километров до Мурманска, 60 километров до финской границы, полторы тысячи верст до ближайшей точки фронта начавшейся в тот день войны с Германией.

1.2. „Сотрясая землю грохотом танковых колонн...“

„Но близок час освобождения и расплаты! Красная Армия идет, сотрясая землю грохотом танковых колонн, закрывая небо крыльями своих самолетов...“

Сразу же оговоримся – эти слова живой классик советской литературы А. Н. Толстой изрек совсем в другое время и по другому поводу. В тот день (18 сентября 1939 г.) не подлежащее обжалованию „освобождение“ с лязгом и грохотом надвигалось на Восточную Польшу. А ранним утром 23 июня 1941 года огромные многокилометровые колонны танков, артиллерийских гусеничных тягачей и автомашин 1-го и 10-го мехкорпусов двинулись совсем в другом направлении.

Здесь, пожалуй, настало время прервать изложение событий июня 1941 г. для того, чтобы пояснить читателю – что же обозначают эти слова: „механизированный корпус“?

Вторая мировая война в значительной степени может быть названа танковой войной. Именно мощные, оперативно-самостоятельные танковые соединения стали в ту эпоху главным инструментом в проведении крупных наступательных операций. В вермахте летом 1941 г. они назывались „танковая группа“, в Красной Армии – „механизированный корпус“. И коль скоро мы взялись за выяснение реальных наступательных возможностей РККА образца 1941 г., то нам никак не обойтись без того, чтобы познакомиться с советским мехкорпусом поближе.

Механизированные корпуса Красной Армии имели единую структуру,

утвержденную последний раз в феврале 1941 года. В состав мехкорпуса входили:

- две танковые и
- одна моторизованная дивизии,
- отдельный мотоциклетный полк и
- многочисленные спецподразделения (отдельный батальон связи, отдельный мотоинженерный батальон, корпусная авиаэскадрилья и т. д.).

В свою очередь, каждая дивизия имела в своем составе четыре полка. В танковой дивизии было два танковых полка, мотострелковый полк и механизированный гаубичный артиллерийский полк.

В моторизованной дивизии было два мотострелковых полка, танковый полк, оснащенный легкими танками, и пушечный артиллерийский полк. Кроме того, в каждой дивизии были свой батальон связи, разведывательный батальон, понтонно-мостовой батальон, зенитно-артиллерийский дивизион, многочисленные инженерные службы. В составе моторизованной дивизии (на случай встречи с танками противника) был и свой отдельный истребительно-противотанковый дивизион.

Как видно, разрабатывая именно такую структуру, советское командование стремилось к тому, чтобы и каждая дивизия, и весь корпус в целом обладали максимальной оперативной самостоятельностью. В руках командира корпуса должен был быть и свой танковый таран - четыре танковых полка танковых дивизий, вооруженные, главным образом, средними и тяжелыми танками, и своя собственная артиллерийская группа - три артполка на механической (тракторной) тяге, способная взломать на участке прорыва оборону противника, и своя механизированная „конная лава" - четыре мотострелковых полка, полк легких танков, мотоциклетный полк, и собственные средства противовоздушной обороны, связи, разведки. Даже собственная разведывательная авиация - корпусная авиаэскадрилья, на вооружении которой было 15 самолетов У-2 и Р-5 (У-2, как известно, взлетали и садились на любой лесной поляне и уничтожить их „внезапным ударом по аэродромам утром 22 июня" было невозможно в принципе). Вот и попробуйте выбить глаз такому „циклопу"...

Основу вооружения мехкорпуса составляли **1 031 танк**. Распределялись они следующим образом: в танковом полку моторизованной дивизии по штату должно было быть 264 легких скоростных танков БТ-7, каждой из двух танковых дивизий полагалось 63 тяжелых танка КВ, 210 средних Т-34, 26 БТ и 76 легких (в том числе и огнеметных) танков Т-26. Кроме того, на вооружении разведывательных подразделений корпуса было 17 плавающих танкеток Т37/Т38.

Кроме того, на вооружении мехкорпуса был и такой (отсутствующий в вермахте) тип бронетехники, как колесные пушечные бронеавтомобили: 49 в моторизованной дивизии, по 95 в каждой танковой, 29 в разведбатах, всего **268 бронеавтомобилей** БА10/БА20. Вооружены эти бронемшины были 45-мм пушкой 20К, т. е. по мощности вооружения превосходили немецкие танки Pz.I, Pz.II, Pz.38(t), составлявшие в общей сложности 56% парка танковых групп вермахта.

В феврале 1941 г. было принято решение сформировать **ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ** таких мехкорпусов, что означало развертывание танковых войск численностью в тридцать тысяч танков: в два раза больше, чем в армиях Германии, Англии, Италии и США вместе взятых.

В вермахте в это время готовились сформировать для вторжения в Советский Союз **ЧЕТЫРЕ** танковые группы. Немецкая танковая группа не имела ни стандартного состава, ни определенной штатной численности танков.

Так, самая слабая 4-я танковая группа Гепнера имела в своем составе три танковые (1, 6 и 8) и три моторизованные дивизии, всего 602 танка.

Самая крупная 2-я танковая группа Гудериана включала в себя пять танковых (3, 4, 10, 17, 18), три моторизованные, одну кавалерийскую дивизии и отдельный моторизованный полк „Великая Германия", имея на вооружении 994 танка.

Всего в составе четырех танковых групп 22 июня 1941 г. числилось **3 266 танков**, т. е. в среднем **по 817 танков** в каждой группе [10, 11].

Правды ради надо отметить, что уступая советскому мехкорпусу в количестве танков, танковая группа вермахта значительно (в 2-3 раза) превосходила его по численности личного состава. Так, при полной укомплектованности танковая группа Гудериана должна была насчитывать более 110 тыс. человек личного состава, в то время как штатная численность

мехкорпуса РККА составляла всего 36 080 человек.

Это кажущееся противоречие имеет простое объяснение. Готовясь к войне с СССР, Гитлер распорядился в два раза увеличить число танковых дивизий – с 10 до 20. Сделано это было методом простого деления, путем сокращения числа танковых полков в дивизии с двух до одного. В результате в немецкой „танковой“ дивизии на один танковый полк приходилось два пехотных, причем основная масса этой пехоты передвигалась вовсе не на бронетранспортерах (как в старом советском кино), а на разномастных трофейных грузовиках. Начальник штаба сухопутных сил вермахта Гальдер в своем знаменитом дневнике отмечает (запись от 22 мая 1941 г.), что у Гудериана в 17 тд насчитывается 240 разных типов автомашин [12]. Как обслуживать в полевых условиях такой передвижной музей автотехники?

В моторизованной дивизии вермахта танков не было. Ни одного. Г. Гот пишет, что моторизованные дивизии его танковой группы были созданы на базе обычных пехотных дивизий, а машины получили „только в последние месяцы перед началом войны, а 18-я дивизия – за несколько дней до выхода в район сосредоточения“ [13].

Фактически, танковая группа вермахта представляла собой крупное соединение мотопехоты, усиленной несколькими (от 3 до 5) танковыми полками. Продолжая линию „зоологических“ сравнений, начатую в свое время В. Суворовым, можно сказать, что танковая группа вермахта была могучим и тяжелым буйволом, а мехкорпус Красной Армии – гибким и стремительным леопардом.

В живой природе исход схватки четырех буйволов с двумя джудинами леопардов был бы предрешен. Не сомневалось в возможностях своих „леопардов“ и высшее командование РККА, строившее самые смелые планы Великого Похода.

„...Танковые корпуса, поддержанные массовой авиацией, врываются в оборонительную полосу противника, ломают его систему ПТО, бьют попутно артиллерию и идут в оперативную глубину... Особенно эффективным будет использование мехкорпусов концентрически, когда своим сокрушающим ударом эти мехкорпуса сведут клещи для последующего удара по противнику... При таких действиях мы считаем, что пара танковых корпусов в направлении главного удара должна будет нанести уничтожающий удар в течение пары часов и охватить всю тактическую глубину порядка 30–35 км. Это требует массированного применения танков и авиации; и это при новых типах танков возможно... – так, с чувством законной гордости, докладывал начальник Главного автобронетанкового управления РККА, генерал армии Павлов на известном Совещании высшего комсостава Красной Армии в декабре 1940 г. –

...Темп дальнейшего наступления после преодоления тактической глубины будет больше и дойдет до 15 км в час... Мы считаем, что глубина выхода в тыл противника на 60 км – не предел. Надо всегда за счет ускорения и организованности иметь в виду сразу же в первый день преодолеть вторую полосу сопротивления и выйти на всю оперативную глубину...“ [14].

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... К несчастью, даже у Гитлера, хотя и считался он „бесноватым ефрейтором“, хватило ума не ждать, а напасть самому. Напасть раньше, чем Сталин укомплектует до последней гайки все свои двадцать девять мехкорпусов. В результате воевать пришлось отнюдь не таким мехкорпусам, какие описаны выше.

Полностью укомплектовать до штатной численности все 29 мехкорпусов к июню 1941 г. не удалось. Об этом – как о ярчайшем и убедительнейшем доказательстве нашей „неготовности к войне“ – всегда талдычили историки из ведомства спецпропаганды, забывая пояснить читателям, к какой же именно войне готовилась (да только не успела приготовиться) „неизменно миролюбивая“ сталинская империя, создававшая бронированную орду, число орудий в которой должно было превысить число сабель в войске хана Батая.

„Мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности, – горько сетует в своих мемуарах Великий маршал Победы, – для полного укомплектования мехкорпусов требовалось 16 600 танков только новых типов... такого количества танков в течение одного года практически при любых условиях взять было неоткуда“ [15].

Ну как же мог бывший начальник Генерального штаба забыть утвержденную им самим 22 февраля 1941 г. программу развертывания мехкорпусов?

Все мехкорпуса были разделены на 19 „боевых“, 7 „сокращенных“ и 4 „сокращенных второй очереди“. Всего к концу 1941 г. планировалось иметь в составе мехкорпусов и двух отдельных танковых дивизий 18 804 танка, в том числе – 16 655 танков в „боевых“ мехкорпусах [16, с. 677].

Другими словами, среднее количество танков (877) в 19-ти „боевых“ мехкорпусах должно было равняться среднему числу танков в каждой из 4-х танковых групп вермахта.

С точки зрения количественных показателей, эта программа успешно выполнялась. Уже к 22 февраля 1941 года в составе мехкорпусов числилось 14 684 танка. Запланированный до конца года прирост численности на 4 120 единиц был значительно меньше реального производства, составившего в 1941 году **6 590 танков** (в том числе 1 358 КВ и 3014 Т-34) [1, с. 598].

Для сравнения отметим, что немцы (на которых якобы „работала вся Европа“) в 1941 году произвели только **3 094** танка всех типов, включая 678 легких чешских Pz.38(t) .

В 1942 г. танковая промышленность СССР произвела уже 24 718 танков, в том числе 2 553 тяжелых КВ и 12 527 средних Т-34 [1, с. 598]. Итого: 3 911 КВ и 15 541 Т-34 за два года, причем, этот объем производства был обеспечен в таких „условиях“, которые в феврале 1941 г. Жуков со Сталиным могли увидеть только в кошмарном сне: два важнейших предприятия (крупнейший в мире танковый завод No 183 и единственный в стране производитель танковых дизелей завод No 75) пришлось под бомбами перевозить из Харькова на Урал, а два огромных ленинградских завода (No 185 им. Кирова и No 174 им. Ворошилова) оказались в кольце блокады. Нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что в нормальных условиях советская промышленность тем более смогла бы обеспечить к концу 1942 г. (как это было запланировано) полное укомплектование и перевооружение новыми танками всех 29 мехкорпусов, для оснащения которых требовалось „всего“ 3 654 танка КВ и 12 180 танков Т-34.

Покончив со спорами и прогнозами, перейдем к оценке того, что было в натуре. К началу боевых действий в составе 20 мехкорпусов, развернутых в пяти западных приграничных округах, числилось **11 029** танков [3]. Еще **более двух тысяч** танков было в составе трех мехкорпусов (5, 7, 21) и отдельной 57-й тд, которые уже в первые две недели войны были введены в бой под Шепетовкой, Лепелем и Даугавпилсом. Таким образом, Жукову и иже с ним пришлось начинать войну, довольствуясь всего лишь **ЧЕТЫРЕХКРАТНЫМ** численным превосходством в танках. Это если считать сверхскромно, т. е. не принимая во внимание танки, находившиеся на вооружении кавалерийских дивизий и войск внутренних округов. Всего же, по состоянию на 1 июня 1941 г., в Красной Армии было **19 540 танков** (опять же не считая легкие плавающие Т37/Т38/Т40 и танкетки Т-27) и не считая **5 197** пушечных бронемобилей [1, с. 601].

Распределены имевшиеся в наличии танки по мехкорпусам были крайне неравномерно. Были корпуса (1, 5, 6), укомплектованные практически полностью, были корпуса (17, 20), в которых не набиралось и сотни танков. Столь же разнородным был и состав танкового парка. В большей части мехкорпусов новых танков (Т-34, КВ) не было вовсе, некоторые (10, 19, 18) были вооружены крайне изношенными БТ-2/БТ-5 выпуска 1932-1934 гг. или даже легкими танкетками Т-37/Т-38. И в то же самое время, были мехкорпуса, оснащенные сотнями новейших танков.

На первый взгляд, понять внутреннюю логику такого формирования трудно. По крайней мере, никакой связи между порядковым номером и степенью укомплектованности не обнаруживается. Так, 9-й мехкорпус Рокоссовского, формирование которого началось еще в 1940 г., имел на вооружении всего 316 (по другим данным – 285) танков, а развернутый весной 1941 г. 22-й мехкорпус к началу войны имел уже 712 танков [3].

Но стоит только нанести на карту приграничных районов СССР **места дислокации** мехкорпусов, как замысел предстоящей „Грозы“ откроется нам во всем своем блеске.

Семь самых мощных, превосходящих по числу и (или) качеству танков любую танковую группу вермахта мехкорпусов Красной Армии были расположены накануне войны следующим, очень логичным образом.

Главный удар должны были наносить войска Юго-Западного фронта на

Краков-Катовице. Вот почему на самой вершине „львовского выступа“ развернулись три мехкорпуса (4, 8, 15), насчитывающие 2627 танков, в том числе 721 КВ и Т-34. Всего же в составе войск Юго-Западного фронта было восемь (!!!) мехкорпусов.

Вспомогательный удар на Люблин и Варшаву должны были нанести войска левого крыла Западного фронта – и в лесах у Белостока, рядом с лентой варшавского шоссе, мы находим 6-й мехкорпус (1 131 танк, в том числе 452 новых КВ и Т-34). И еще три других мехкорпуса затаились в глухих местах тесного „белостокского выступа“.

Во второй эшелон Юго-Западного и Западного фронтов, в район Шепетовки и Орши, выдвигались другие два „богатыря“ – 5 МК (1 070 танков) и 7 МК (959 танков).

Перед войсками Южного (Одесский округ) и Северо-Западного (Прибалтийский округ) фронтов ставились гораздо более скромные задачи: прочно прикрыть фланги ударных группировок и не допустить вторжения противника на территорию округов. Вот почему в их составе мы находим всего по два корпуса, укомплектованные наполовину от штата, причем старыми танками.

Все просто, ясно и совершенно логично. Некоторой загадкой выглядит только местоположение именно того мехкорпуса, с рассказа о котором мы и начали эту часть книги.

1.3. „И пошел, командою взметен...“

Первый по номеру, „возрасту“ и укомплектованности мехкорпус перед войной находился в составе Северного фронта (Ленинградского округа). Почему и зачем? Хотя Ленинградский округ и входит традиционно в перечень „западных приграничных округов СССР“ – какая же это „западная граница“? С запада округ граничил с советской Прибалтикой, а до границ Восточной Пруссии от Ленинграда 720 км. Приграничным же Ленинградский округ был только по отношению к четырехмиллионной Финляндии.

Ленинградский военный округ превращался во фронт с названием „Северный“. На первый взгляд и это довольно странно. Логичнее было бы его назвать „ленинградским“, „балтийским“, на худой конец – „карельским“. Но в империи Сталина случайности случались крайне редко.

„В середине июня 1941 г. группа руководящих работников округа, возглавляемая командующим округа генерал-лейтенантом М. М. Поповым, отправилась в полевую поездку под Мурманск и Кандалакшу“, – вспоминает один из участников этой поездки, Главный маршал авиации (в те дни – командующий ВВС округа) А. А. Новиков [39]. Мурманск – это не просто „север“, это уже заполярный север. Далее товарищ маршал с чувством глубокого возмущения описывает, как Попов и другие советские генералы наблюдают за столбами пыли, которые подняли над лесными дорогами выдвигающиеся к границе финские войска. Другими словами, „полевая поездка“ командования округа (фронта) проходила в непосредственной близости от финской границы. Разглядывание „лесных дорог“ на сопредельной территории (на военном языке это называется „рекогносцировка“) так увлекло командующего, что **в Ленинград генерал-лейтенант Попов вернулся только 23 июня**, и весь первый день советско-германской войны фронтом/округом командовал прибывший из Москвы в качестве представителя Ставки К. А. Мерецков [18].

Конечно, можно предположить, что поездка генерала Попова в Мурманск была связана с подготовкой войск округа к отражению будущего гитлеровского вторжения. Увы, это не так. Наступления немцев в Заполярье никто не ожидал, о чем весьма красноречиво свидетельствуют воспоминания подполковника Х. Райзена, командира бомбардировочной группы II/KG30, о первом налете на Мурманск 22 июня 1941 года:

„...мы не встретили ни истребительного, ни зенитного противодействия. Даже самолеты, осуществлявшие штурмовку на малой высоте, не

были обстреляны... вражеской авиации буквально не существовало, немецкие машины действовали над советской территорией совершенно без помех..." [19].

Да и странная какая-то хронология событий получается: генерал Попов до начала боевых действий уезжает в Мурманск, чтобы готовить город к „обороне от немцев“, но сразу же покидает его, как только немецкое нападение становится свершившимся фактом...

Можно и про переброску 1-й танковой дивизии написать, что ее целью было „укрепление обороны Мурманска“. Можно. Бумага все стерпит. Но зачем же держать советских генералов за полных дураков? Если они хотели перевезти танковую дивизию к Мурманску – так и везли бы, Кировская железная дорога как раз до Мурманска и доведена. **Какая была нужда за 260 км до места назначения сворачивать налево и выгружать дивизию в безлюдной и бездорожной лесотундре?**

Да и как могла дивизия, оснащенная легкими танками БТ, укрепить оборону Советского Заполярья? Обратимся еще раз к воспоминаниям командира 1-й тд генерала В. И. Баранова:

„...действия танкистов усложняла сильно пересеченная местность. Бездорожье, скалы и крутые сопки, покрытые лесом, лощины и поляны, заросшие кустарником и усеянные валунами, озера, горные речки, топкие болота... О применении танков хотя бы в составе батальона не могло быть и речи. Бои велись мелкими группами, взводами и даже машинами из засад...“ [7].

На такой „противотанковой местности“ быстроходный БТ неизбежно терял свое главное качество – подвижность. А других особых достоинств за этой боевой машиной с противоположным бронированием и легкой 45-мм пушкой никогда и не числилось. Так неужели танковую дивизию везли за тридевять земель только для того, чтобы разорвать ее там на мелкие группы и „действовать отдельными машинами из засад“? Для „укрепления обороны“ гораздо проще и эффективнее было бы в тех же самых эшелонах перебросить в Заполярье десяток тяжелых артиллерийских полков РГК, да и поставить в засады не легкие танки, вооруженные „сорокапяткой“ (осколочный снаряд которой весил 1,4 кг), а тяжелые гаубицы калибра 152 или, еще лучше – 203 мм. Вот они бы и встретили врага снарядами весом в 43-100 кг, от которых и среди гранитных валунов не укроешься.

И тем не менее, 1-я танковая приехала именно в Алакуртти (именно в те дни, когда советские генералы разглядывали в бинокли лесные финские дороги) не случайно и совсем не по дурости, а в соответствии с **изумительно красивым Планом**. К обсуждению этого Плана мы подойдем чуть позднее, а сейчас снова обратимся к событиям 17 июня 1941 г.

Именно в этот день, когда 1-я тд начала погрузку в эшелоны, уходящие в Заполярье, командный состав 10 МК убыл на штабные учения. Провести эти учения руководство округа решило на севере Карельского перешейка, в районе Выборга, рядом с финской границей. В 9 часов утра 21 июня что-то изменилось, учения были неожиданно прерваны, а всем командирам было приказано немедленно вернуться в свои части [17].

В два часа ночи 22 июня 1941 г. (в то самое время, когда эшелоны с 1-й танковой дивизией приближались к станции выгрузки) на командный пункт 21-й тд 10-го мехкорпуса, в поселок Черная речка под Ленинградом, прибыл сам генерал-лейтенант П. С. Пшенников – командующий 23-й, самой крупной из трех армий Северного фронта. Генерал-лейтенант лично поставил командиру 21-й тд полковнику Бунину задачу готовить дивизию к выступлению.

В 12-00 22 июня в дивизии объявлена боевая тревога с выходом частей в свои районы сбора по тревоге [17]. На следующий день, **в 6 часов утра 23 июня** в 21-й танковой дивизии получен боевой приказ штаба 10 МК о выступлении в район Иля-Носкуа (ныне г. Светогорск Ленинградской области), **в нескольких километрах от финской границы**. В распоряжении автора не было текста „Журнала боевых действий“ других дивизий 10 МК (24-й танковой и 198-й моторизованной), но судя по тому, что они вышли из района постоянной дислокации в Пушкине и Ораниенбауме в то же самое время, что и 21-я тд, и двинулись в том же направлении, можно предположить, что 22 июня 41 г. и они получили аналогичные приказы от командования корпуса и 23-й армии.

Самое время познакомиться теперь поближе и с этим мехкорпусом. 10-й мехкорпус (командир – генерал-майор И. Г. Лазарев), был оснащен и подготовлен к ведению боевых действий значительно хуже 1 МК. В разных

источниках приводятся разные цифры укомплектованности 10 МК танками: от 469 до 818 единиц [3, 8]. Такая неразбериха в цифрах, по всей вероятности, связана с тем, что на вооружение корпуса было принято множество танков Т-26 и БТ ранних выпусков, которые перед началом войны ускоренно списывались в преддверии поступления новой техники.

В большей степени это замечание относилось к 24-й танковой дивизии 10-го мехкорпуса, сформированной на базе 11-го запасного танкового полка и принявшей от него сильно изношенную учебную материальную часть: 139 БТ-2 и 142 БТ-5 (всего 281 танк выпуска 1932/1934 годов). Когда 24-я тд начала выдвижение в исходный для наступления район, из 281 имеющегося в наличии танка 49 были оставлены в месте постоянной дислокации как неисправные, после чего из вышедших в поход 232 танков до лесного массива в районе Светогорска дошло только 177 танков.

Во всех отношениях лучше обстояли дела в другой танковой дивизии 10 МК. 21-я танковая дивизия была сформирована на базе 40-й Краснознаменной танковой бригады, заслужившей свой орден за мужество и мастерство, проявленные в боях на Карельском перешейке. К началу войны 21-я тд имела по списку 217 легких танков Т-26 [8]. И марш эта дивизия выполнила гораздо организованнее. В журнале боевых действий 21-й танковой читаем:

„...на марше имелось место отставания отдельных танков и машин, которые службой замыкания дивизии быстро восстанавливались и направлялись по маршруту“ [17].

Что касается третьей дивизии 10 МК – 198-й моторизованной, то она имела всего несколько десятков исправных танков, и, по сути дела, была обычной стрелковой дивизией с необычно большим количеством автотранспорта.

Все познается в сравнении. К этому золотому правилу, так старательно забытому коммунистическими „историками“, мы будем обращаться еще не один раз. Разумеется, в сравнении с 1 МК (1 039 танков и 4730 автомашин самого разного назначения, от бензоцистерн до рефрижераторов и душевых кабин, новейшие гусеничные тягачи и новейшие гаубицы в артполках) 10 МК выглядит просто безоружным. Но воевать-то собирались не со своим соседом по округу, а с каким-то другим противником...

В тот же самый день и час, когда огромные, грохочущие и изрядно дымящие колонны танков, броневиков, гусеничных тягачей 10-го мехкорпуса двинулись через Ленинград на Выборг, утром 23 июня 1941 г. по ленинградскому шоссе из Пскова в Гатчину (Красногвардейск) двинулась и главная ударная сила Северного фронта: две дивизии (3-я танковая и 163-я моторизованная) из состава 1 МК.

„Мчались танки, ветер поднимая, наступала грозная броня...“

Только в каком-то странном направлении мчались. **Не на войну – а от войны. Или все-таки на войну, но на другую?**

А в это время на самых дальних (пока еще – дальних) западных подступах к Ленинграду назревала большая беда.

С первых же часов войны в Прибалтике, в полосе обороны Северо-Западного фронта, ход боевых действий отчетливо приобретал характер небывалого разгрома. Вот как описывают советские военные историки события тех дней в монографии „1941 год – уроки и выводы“:

„...последствия первых ударов противника оказались для войск Северо-Западного фронта катастрофическими. Войска армий прикрытия начали беспорядочный отход... Потеряв управление, командование фронта не смогло принять решительных мер по восстановлению положения и предотвращению отхода 8-й и 11-й армий...“ [3].

Стоит отметить, что на противника „беспорядочный отход“ войск Северо-Западного фронта произвел впечатление заранее запланированного отступления! Начальник штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер записывает 23 июня 1941 г. в своем „Военном дневнике“:

„...об организованном отходе до сих пор как будто говорить не приходится. Исключение составляет, возможно, район перед фронтом группы армий „Север“, где, видимо, действительно заранее был запланирован и подготовлен отход за реку Западная Двина. Причины такой подготовки пока установить нельзя...“ [12].

Да, не хватало у немецких генералов фантазии на то, чтобы представить

себе наши реалии...

Вернемся, однако, к описанию этих событий, данному российскими историками:

„...26 июня положение отходивших войск резко ухудшилось... 11-я армия потеряла до 75% техники и до 60% личного состава. Ее командующий генерал-лейтенант В. И. Морозов упрекал командующего фронтом генерал-полковника Ф. И. Кузнецова в бездействии... в Военном совете фронта посчитали, что он не мог докладывать в такой грубой форме, при этом Ф. И. Кузнецов сделал ошибочный вывод, что штаб армии вместе с В. И. Морозовым попал в плен и работает под диктовку врага... Среди командования возникли раздоры. Член Военного совета корпусной комиссар П. А. Диброва, например, докладывал, что начальник штаба генерал-лейтенант П. С. Кленов вечно болеет, работа штаба не организована, а командующий фронтом нервничает..." [3].

Пока в штабе Северо-Западного фронта (С.-З. ф.) искали „крайнего“, 26 июня 1941 г. в районе Даугавпилса **сдался в плен начальник Оперативного управления штаба С.-З. ф.** генерал-майор Трухин (в дальнейшем Трухин активно сотрудничал с немцами, возглавил штаб власовской „армии“ и закончил жизнь на виселице 1 августа 1946 года) [20, с. 164].

Для правильного понимания дальнейших событий очень важно отметить, что Верховное командование в Москве трезво оценивало ситуацию и не питало никаких иллюзий по поводу того, что разрозненные остатки неуправляемого С.-З. ф. смогут сдержать наступление немецких войск.

Уже 24 июня (т. е. на третий день войны!) было принято решение о создании оборонительной полосы на рубеже реки Луга – 550 км к западу от границы, 90 км до улиц Ленинграда [21]. Вместе с тем, 25 июня Ставка приняла решение о проведении контрудара против 56-го танкового корпуса вермахта, прорвавшегося к Даугавпилсу. В стремлении хоть как-то задержать наступление немцев на естественном оборонительном рубеже реки Западная Двина командование РККА привлекло к участию в этом контрударе совершенно некомплектованный 21-й мехкорпус (плановый срок завершения формирования этого корпуса был назначен на 1942 г.) и даже 5-й воздушно-десантный (!) корпус, не имевший для борьбы с танками ни соответствующего вооружения, ни должной подготовки. Другими словами, брешь в разваливающемся фронте обороны пытались заткнуть всем, что было под руками.

И вот в этой-то обстановке самый мощный на северо-западном ТВД 1-й мехкорпус (который даже после отправки 1-й тд в Лапландию еще имел **в шесть раз больше танков**, чем 21-й мехкорпус Лелюшенко!), разбивая дороги гусеницами сотен танков, уходил на север, в Гатчину, т. е. в прямо противоположном от линии фронта направлении!

К слову говоря, сами немцы были весьма обескуражены необъяснимым для них исчезновением „псковской танковой группы“. Сперва им показалось, что 1 МК ушел от Пскова на юг. Гальдер 22 июня 1941 г. отмечает в своем дневнике:

„...русская моторизованная псковская группа... обнаружена в 300 км южнее предполагавшегося ранее района ее сосредоточения..."

Затем – следующая версия (запись от 24 июня):

„...из всех известных нам оперативных резервов противника в настоящее время неясно пока лишь местонахождение псковской танковой группы. Возможно, она переброшена в район между Шяуляем и Западной Двиной..."

На следующий день, 25 июня, Гальдеру доложили, что „...1-й танковый корпус противника переброшен из района Пскова через Западную Двину в район южнее Риги..." [12].

Не будем слишком строги в оценке работы немецкой военной разведки. Им просто в голову не могло прийти, где на самом деле надо искать 1-й мехкорпус. Да и не было у них разведывательных самолетов с таким радиусом действия, который бы позволил зафиксировать передвижения танковых частей Северного фронта. Вот если бы был у них разведывательный спутник, то с его „борта“ открылось бы поистине фантастическое зрелище.

От границы Восточной Пруссии к Западной Двине двумя длинными колоннами в северо-восточном направлении двигались два немецких танковых корпуса из состава 4-й танковой группы: 41-й под командованием Рейнгардта и 56-й под командованием Манштейна. Далее на огромном трехсоткилометровом пространстве

шла обычная мирная (если смотреть на нее из космоса) жизнь. А еще дальше к востоку, **в том же самом северо-западном направлении**, в таких же клубах пыли и дыма двигались два советских мехкорпуса: 1 МК – от Пскова к Ленинграду, 10 МК – от Ленинграда к Выборгу.

И что совсем уже удивительно – марширующие советские и воюющие немецкие дивизии двигались почти с одинаковой скоростью!

Корпус Манштейна прошел 255 км от границы до Даугавпилса (Двинска) за четыре дня. Средний темп продвижения – 64 км в день.

Корпус Рейнгадта прошел от границы до городка Крустпилса на Западной Двине за пять дней. Средний темп продвижения – 53 км в день.

А танковые дивизии 10-го мехкорпуса вышли в указанный им район сосредоточения северо-восточнее Выборга, в 150 км от Ленинграда, только к концу дня 24 июня. Двое суток на марш от Пскова до Гатчины (200 км по прямой) потребовалось и дивизиям элитного 1-го мехкорпуса.

Строго говоря, темп продвижения советских танковых дивизий был все же в полтора раза выше.

Но немцы ведь не просто маршировали, а (как принято считать) еще и „преодолевали ожесточенное сопротивление Красной Армии...”

Неспособность механизированных частей к организации форсированного марша было первым неприятным сюрпризом, с которым столкнулось командование Северного фронта. Низкие темпы отнюдь не были связаны с особой тихоходностью советских танков (БТ и по сей день может считаться самым быстроходным танком в истории), а с безобразной организацией службы регулирования движения и эвакуации неисправных машин. В специально посвященном этому вопросу приказе командира 1-го мехкорпуса от 25 июня 1941 года [8] отмечалось, что машины следовали в колоннах стихийно, перегоняя друг друга, останавливаясь по желанию шоферов на незапланированных стоянках, создавая пробки. Сбор отставших и ремонт неисправных машин отсутствовал.

Не многим лучше обстояли дела и в 10-ом мехкорпусе. Протяженность маршрута выдвижения 24-й танковой дивизии составила 160 километров, которые она преодолела за 49 часов! Средняя скорость марша – 3,5 км/час (если помните, Д. Павлов предполагал, что мехкорпуса будут не просто маршировать, а наступать с темпом в 15 км/час!). В 21-ой танковой дивизии танки израсходовали в ходе двухдневного марша по 14-15 моточасов, что явно свидетельствует о том, что даже в этой, наиболее подготовленной и лучше оснащенной, дивизии половина „марша" состояла из стояния в пробках и заторах.

Как бы то ни было, к 25-26 июня все части и соединения 1-го и 10-го мехкорпусов развернулись в указанных им районах на огромном пространстве от Гатчины до Заполярья, привели в порядок после многодневного марша людей и технику, выслали к финской границе (а как стало сейчас известно из воспоминаний живых участников событий) и ЗА финскую границу разведывательные группы и...

И ничего не произошло. **Сухопутные** (подчеркнем это слово жирной чертой) силы Северного фронта (14-я, 7-я, 23-я армии в составе пятнадцати стрелковых, двух моторизованных, четырех танковых дивизий и отдельной стрелковой бригады) **застыли в томительном и необъяснимом бездействии**.

1.4. На рассвете 25 июня 1941 года...

В то время, как войска Северного фронта (Ленинградского ВО) совершали эти загадочные перегруппировки, боевые действия в Прибалтике продолжали развиваться все в том же, т. е. катастрофическом, направлении. Только в районе Даугавпилса отчаянно смелый удар танкистов 21-го мехкорпуса Лелюшенко на пару дней затормозил продвижение врага. На всех остальных участках немцы почти беспрепятственно переправлялись через Западную Двину, выходя на „финишную прямую" Режица-Псков-Ленинград.

Единственным резервом, которым могло немедленно воспользоваться советское командование, были очень мощные силы авиации Ленинградского округа. Мосты и переправы через Западную Двину находились в зоне досягаемости 2, 44, 58 (район Старой Руссы), 201, 202, 205 (район Гатчины) бомбардировочных авиаполков [23]. Понимало ли советское военное командование ту огромную роль, которую может сыграть авиация в удержании стратегически важного водного рубежа? Еще как понимало! Несколько дней спустя, когда в Белоруссии, в полосе разгромленного Западного фронта, немцы начали переправляться через Березину, сам Нарком обороны Тимошенко отдал приказ, в соответствии с которым к разрушению переправ через Березину привлекли буквально все, что могло летать. От легких бомбардировщиков Су-2 до тяжелых и неповоротливых, как речная баржа, ТБ-3.

Приказ Тимошенко требовал бомбить непрерывно, с малых высот. Немецкие историки называли те дни „воздушным Верденом". Наша авиация несла страшные потери. Полки дальних бомбардировщиков ДБ-3, для действия с малых высот никак не пригодные, таяли, как свеча на ветру. Гибли летчики и штурманы дальней авиации – профессионалы с уникальным для ВВС Красной Армии уровнем подготовки. Такой ценой заплатила Ставка за возможность выиграть несколько дней для переброски в Белоруссию резервов из внутренних округов. И, заметим, никто из позднейших историков и военных специалистов никогда не критиковал это жестокое, но оправданное обстановкой решение Наркома...

Вернемся, однако, в Прибалтику. Могли ли ВВС Северного фронта нанести ощутимый удар по переправам на Западной Двине (Даугаве)? Накануне войны в составе шести вышеупомянутых бомбардировочных авиаполков был 201 СБ в исправном состоянии. Кроме того, к участию в массированном авиаударе можно было привлечь и три бомбардировочных авиаполка (35, 50, 53) из состава 4-й авиадивизии (район г. Тарту в Эстонии), оперативно подчиненной с началом боевых действий Северному фронту. Это еще 119 исправных бомбардировщиков [23].

Расстояние в 400-450 км от аэродромов, на которых базировались эти части, до Западной Двины позволяло использовать „устаревшие" бомбардировщики СБ с максимальной бомбовой нагрузкой. Более того, в отличие от той трагической ситуации, что сложилась в небе над Березиной, бомбардировщики можно было прикрыть на всем протяжении маршрута до цели и обратно новейшими истребителями МиГ-3 из состава 7, 159 и 153 истребительных полков. Этих новейших было, по мнению советских историков, совсем мало: всего лишь 162 МиГа в исправном состоянии. Это, действительно, меньше, чем хотелось бы, но в полтора раза больше численности единственной на всем северо-западном ТВД истребительной эскадры люфтваффе JG 54 (98 исправных „Мессершмиттов" Bf-109 F по состоянию на 24 июня 1941 г.) [24].

Если и этого окажется недостаточно, то в составе Северного фронта были еще 10, 137 и 72 бомбардировочные авиаполки в районе Мурманска и Петрозаводска, которые можно было бы достаточно быстро перебазировать на юг, к Ленинграду.

Может быть, и это не так много, как хочется, но в составе 1-го Воздушного флота люфтваффе, прокладывавшего дорогу немецким дивизиям группы армий „Север", было всего 210 исправных бомбардировщиков (по состоянию на утро 24 июня 41 г.) [24]. Примечательно, что в сводке No 3 штаба Северо-Западного фронта, составленной в 12 часов 22 июня, было сказано, что „противник еще не вводил в действие значительных сил ВВС, ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов..." [61]. Оценка вполне объяснимая, если принять во внимание то, что реальное число исправных боевых самолетов всех типов (330 единиц) в составе 1-го Воздушного флота люфтваффе оказалось ровно **в десять раз меньше того, которое ожидало увидеть на этом направлении высшее руководство РККА**. По крайней мере, именно такой вывод можно сделать из материалов рассекреченной только в 1993 г. знаменитой оперативно-стратегической „игры", проведенной Генштабом в январе 1941 г. [108].

Следующий вопрос – способно ли было командование ВВС Северного фронта к организации такого широкомасштабного авиационного наступления? Критерий истины – практика. Практика показала – еще как способно!

На рассвете 25 июня 1941 года все вышеперечисленные авиационные

соединения, а также крупные силы авиации Северного и Балтийского флотов нанесли мощный внезапный удар по врагу.

Вот как описывает эти события Главный маршал авиации СССР А. А. Новиков:

„...рано утром 25 июня я был на узле связи, размещавшемся в полуподвальном помещении здания штаба округа. Последние приготовления, уточнение данных, короткие переговоры с командирами авиасоединений, и на аэродромах заревели моторы. Воздушная армада из 263 бомбардировщиков и 224 истребителей и штурмовиков устремилась на врага... Налет длился несколько часов, одна группа сменяла другую... Впервые в истории наших ВВС к одновременным действиям привлекалось такое количество боевой техники, причем на всем фронте: от Выборга до Мурманска... Эта первая в истории советской авиации многодневная операция убедила нас...” [39].

Ну и так далее.

Только удар этот пришелся вовсе не по немцам! Воздушная армада устремилась на... Финляндию. Сотни тонн бомб обрушились на мосты, дороги, заводы и железнодорожные станции, города и аэродромы по всей территории страны, „от Выборга до Мурманска“, как без тени смущения пишет товарищ маршал. *„Состоявшиеся воздушные налеты против нашей страны, бомбардировки незащищенных городов, убийства мирных жителей – все это яснее, чем какие-либо дипломатические оценки показали, каково отношение Советского Союза к Финляндии”, –* заявил депутатам парламента премьер-министр Финляндии Юкко Рангель [26]. Вечером 25 июня финский парламент объявил, что Финляндия находится в состоянии войны с СССР.

Предоставим финским историкам право и дальше дискутировать по поводу того, стало ли нападение с воздуха причиной вступления Финляндии в войну или оно было просто использовано в качестве благовидного предложения финским руководством, мечтавшем об отмщении за трагедию „зимней войны“ 39–40 гг. Мы же постараемся сопоставить то, что произошло на рассвете 25 июня на советско-финской границе, с тем, что началось ранним утром 22 июня того же года на другой границе, советско-германской.

Читателя, которого оскорбляет любое сравнение Сталина с Гитлером, можно сразу утешить: различий будет больше, чем совпадений. Абсолютно тождественными были только те подлые приемы, которыми воспользовались оба тирана, и те „гнилые отмазки“, которыми попытались заморочить мировую общественность советские и фашистские пропагандисты.

Так же, как и Германия, Советский Союз не предъявлял своей будущей жертве никаких претензий по части несоблюдения ею мирных договоров и до последнего часа поддерживал с ней нормальные дипломатические отношения. Будущую жертву агрессии пытались убаюкать лживыми проявлениями дружбы и взаимопонимания. Так, всего **за три дня до начала массированных бомбардировок** (вечером 22 июня 1941 г.) посол СССР в Хельсинки Павел Орлов заявил о том, что советское правительство будет **уважать нейтралитет Финляндии!** [26]. И только после того, как агрессия стала свершившимся фактом, нацистские и коммунистические брехуны затянули песню про „вынужденный, упреждающий удар“.

На этом все сходство и заканчивается. Дальше начинаются одни только различия.

В первой волне авианалетов на советские аэродромы в Прибалтике на рассвете 22 июня 41 г. приняло участие всего лишь 76 бомбардировщиков и 90 истребителей люфтваффе [25, с. 270].

Финляндию бомбили гораздо основательнее. Оно и понятно – было чем бомбить (см. выше состав авиации Северного фронта). Немецкая авиация перебазировалась на приграничные аэродромы за несколько недель (или даже дней) до начала боевых действий. Летчики люфтваффе действовали над новой, малознакомой территорией. Сталинские соколы летели по знакомым до мелочей маршрутам: за время первой (зима 39/40 гг.) финской войны советская авиация выполнила более 80 тысяч боевых самолетов-вылетов. Немцам предстояло сокрушить авиацию противника, многократно превосходящего их в численности. Советские ВВС могли действовать, практически не обращая внимания на противодействие нескольких десятков финских истребителей.

Совершенно различными оказались и политические последствия 22 июня и 25 июня. Вероломное нападение на СССР было квалифицировано Международным

Нюрнбергским трибуналом как тягчайшее преступление гитлеровского режима. Советский Союз участвовал в работе Нюрнбергского трибунала, но отнюдь не в качестве одного из обвиняемых... Немецкие историки проделали в послевоенные годы огромную работу по раскрытию механизма подготовки и развязывания мировой войны. Их советские „коллеги“ действовали гораздо ловчее.

В большинстве популярных военно-исторических книжек (к числу этих „книжек“ придется отнести и вузовские учебники по истории СССР и КПСС) нет даже малейшего упоминания про польхавшие огнем пожаров финские города. В тех же весьма малочисленных работах, в которых упоминается история с июньскими бомбардировками Финляндии, этим атакам советской авиации дается совершенно удивительное толкование. Оказывается, это был имеющий сугубо оборонительные цели „удар по аэродромам врага“. Открываем, например, солидную монографию М. Н. Кожевникова [27] и читаем в ней дословно следующее:

„...в целях ослабления авиационной группировки врага и срыва готовившегося налета на Ленинград Ставка приказала подготовить и провести массированные удары по аэродромам Финляндии и Северной Норвегии, где базировались авиачасти 5-го воздушного флота Германии и финская авиация...“

Вот это класс! Вот это работа мастера! Всего одна маленькая буква „и“ - и все становится с ног на голову.

На аэродромах оккупированной немцами весной 1940 г. Норвегии были немецкие авиачасти, в том числе и вышеупомянутая бомбардировочная группа II/KG30. Они действительно, с первого дня войны бомбили город и порт Мурманск, Кировскую железную дорогу.

На финских аэродромах никакой немецкой авиации не было, а защищать город Ленина от нее надо было совсем в других местах - на юго-западных подступах к нему. На финских аэродромах базировалась финская авиация, которая вплоть до 1945 г. имела приказ Маннергейма не совершать никаких полетов над Ленинградом [152]. Приказ этот строго соблюдался и тогда, когда линия фронта начавшейся 25 июня 1941 г. второй советско-финской войны проходила в нескольких минутах полета тихоходного бомбардировщика до Дворцовой площади. Но и до начала этой войны финская авиация, в силу своей малочисленности и технической отсталости, серьезных проблем для Красной Армии не создавала. Вот почему финские аэродромы не были ни единственным, ни самым главным объектом для ударов советской авиации.

В плане прикрытия от мобилизации и развертывания войск Ленинградского ВО задачи авиации округа (фронта) были сформулированы предельно ясно:

„...п. б. Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным жд. узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника...“ [ВИЖ.- 1996.- Но 6].

Другими словами, уничтожение финской авиации было предусмотрено, но **только как одна из составных частей** совсем не оборонительных планов, ибо „задержать развертывание сил противника“ можно только в одном случае. Если противник начинает развертывание уже после вашего нападения.

А товарищ Кожевников при помощи союза „и“ легко и просто свалил все в одну кучу. Финскую и немецкую авиации, финские и занятые немцами норвежские аэродромы, абсолютно законные в условиях начавшейся войны СССР с Германией налеты советской авиации на аэродромы люфтваффе в Северной Норвегии (если только такие налеты вообще были) с массированной бомбардировкой страны, нейтралитет которой сталинское правительство обязалось соблюдать.

Недоверчивый читатель уже чувствует подвох. Сейчас автор опять сошлется на какие-то „источники“, из которых следует, что немецкой авиации в Финляндии не было. А что это за „источники“, и можно ли этим источникам верить?

Вопрос действительно серьезный. Речь идет о войне и мире. Поэтому сошлемся на такой „источник“, подделать который нельзя.

„Двадцать второго июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, и нам объявили...“ Так все и было, как поется в этой бесхитростной песне. Киев бомбили, и Минск, и Каунас, и Ригу, и Севастополь, и Одессу... **А почему же не бомбили Ленинград?** Да разве можно сравнить военное, экономическое, политическое значение всех этих городов с одним только Ленинградом?

Товарищ Сталин, выступая 17 апреля 1940 г. на совещании высшего комсостава РККА [140], говорил, что в Ленинграде сосредоточена третья часть военной промышленности СССР. В этом ему можно верить. Свою промышленность он знал лучше многих наркомов, которых стрелял раз в два года. Кроме того, Ленинград – это еще и важнейший железнодорожный узел, и база военно-морского флота, и главная судостроительная страна. Как же немцы могли забыть о нем?

А они о нем и не забывали. Потому-то танковые корпуса Манштейна и Рейнгарда, не считаясь с потерями, и рвались через Западную Двину к Пскову, потому-то Гитлер и снял с московского направления и повернул в августе 41 г. на Ленинград еще один, 39-й танковый корпус, что значение города на Неве для немецкого командования было вполне очевидно. И когда вслед за наступающим вермахтом на новгородские и псковские аэродромы смогли перебазироваться авиагруппы 1-го Воздушного флота люфтваффе, они начали остервенело бомбить Ленинград.

Так что, уважаемый читатель, если Вы хотите доподлинно узнать, базировалась ли 25 июня на финских аэродромах немецкая авиация, то просто спросите у старых ленинградцев – бомбили ли их город в ИЮНЕ 1941 года?

Вернемся снова к мемуарам Главного маршала авиации:

„...к отпору врагу готовились и наземные войска округа. Все тогда были твердо уверены, что войскам округа придется действовать лишь на советско-финской границе – от Баренцева моря до Финского залива. Никто в те дни даже не предполагал, что события очень скоро обернутся совсем иначе, чем мы планировали перед войной...”

Вот так. Если бы не досадная помеха со стороны Гитлера, то советские войска снова начали бы „действовать” на всем протяжении финской границы, от Балтийского до Баренцева моря. Мемуары А. А. Новикова были опубликованы в 1970 году. Задолго до „Ледокола”... Не будем придирааться к словам маршала. Человеку свойственно ошибаться. Скажешь, бывало, правду, а потом гоняешься за этим воробьем. Давайте лучше посмотрим, что писали в те дни центральные советские газеты, каждое слово в которых проверялось дюжиной явных и тайных цензоров.

24 июня „Известия” сообщили (правда, пока еще со ссылкой на „шведские источники”) о том, что „среди подавляющего большинства населения Финляндии царит недовольство правящим режимом”. Вот так вот. Третий день идет война, „последствия первых ударов противника оказались катастрофическими”, а „Известия” озабочены недовольством заграничных „братьев по классу”...

28 июня, когда все подготовительные мероприятия были завершены, ставший уже привычным по предыдущим „освободительным походам” угрожающий рык раздался совершенно отчетливо:

„...дряхлый, забрызганный кровью Маннергейм вытащен из нафталина и поставлен во главе финских фашистов, ...холопы германского фашизма получают по заслугам...”

Вся эта риторика буквально дословно повторяла заголовки „Правды” от 26–29 ноября 1939 г., когда эта достойнейшая газета изъяснялась таким языком:

„...шут гороховый на посту премьера, ...проучить зарвавшихся вояк, ...взбесившиеся собаки будут уничтожены...”

29 июня 1941 г. в „Известиях” появляется большая статья „На границе”. Через каждую строчку в ней повторялась мысль о том, что „освободительный поход” в Финляндию будет вскорости продолжен:

„...мы снова приехали в места, памятные по тем боевым дням, когда белофинские части в смятении отходили под сокрушительными ударами...”

...на большой поляне среди высокого соснового бора стояли участники недавних походов...

...их спокойная уверенность в победе основана на опыте суровых боев на Карельском перешейке.

Для многих молодых бойцов **это уже третья кампания** (подчеркнуто автором)...

... Я участвовал в боях с белофиннами. Сейчас, как и в те дни, у меня и у всех людей моего подразделения только одно желание, одна мысль...”

Одним словом, „принимай нас, Суоми-красавица...”

Один из самых ярких, запоминающихся эпизодов в трилогии В. Суворова – это та глава в книге „Последняя республика“, где он рассказывает, как моделировал „зимнюю войну“ 39–40 гг. на английском суперкомпьютере. Помните, задал В. Суворов машине такие исходные данные, как снег в полтора метра, температура под минус 35, железобетонные доты с многометровым перекрытием – и она, испуганно поморгав лампочками, ответила, что без атомной бомбы „линию Маннергейма“ прорвать нельзя. Лучше и не пробуйте.

Жаль, очень жаль, что не воспользовался Суворов моментом и не спросил супермашину, что она думает–понимает про июньское (1941 г.) наступление Красной Армии на финском фронте: толщина снежного покрова – ноль целых, толщина несуществующего бетона на отсутствующих дотах – хрен десятых, температура ласкового северного лета – плюс 20.

У наступающих трехкратное превосходство в артиллерии, абсолютное господство в воздухе.

В ближнем оперативном тылу Красной Армии – огромный город с мощной ремонтной, производственной, госпитальной базой. Северный фронт располагал по меньшей мере восьмикратным численным превосходством в танках над вероятным противником. По меньшей мере. Так как, кроме 1-го и 10-го механизированных (танковых) корпусов, в каждой из пятнадцати стрелковых дивизий округа был свой разведбат, вооруженный легкими плавающими танками – как нельзя лучше подходящими для боевых действий среди озер Карелии. Только этих танков в составе ЛенВО по состоянию на 1 июня 1941 г. насчитывалось 180 единиц [1, с. 475, 482, 597]. Примем во внимание и то, что большую часть из 86 финских танков составляли трофейные советские Т-26 и БТ, захваченные во время „зимней войны“. Их техническое состояние не вызывает сомнения, если учесть полное отсутствие запчастей, да и то состояние, в котором они были захвачены.

Так чем же, если не атомной бомбой, могли остановить финны триумфальный марш Красной Армии на Гельсингфорс?

Ситуация на Северном фронте, где малочисленный и выжидательный противник не смог помешать войскам Ленинградского округа провести мобилизацию и развертывание сил в плановых объемах и сроках, была в известном смысле уникальной. **В то время, как на западной границе наступление вермахта 22 июня 1941 г. прервало плановый ход мобилизации и развертывания Красной Армии, Северный фронт продолжал действовать строго по предвоенным планам.** Раскрученный 17 июня 1941 г. маховик не смогло остановить ни гитлеровское вторжение, ни даже прорыв немцев за Западную Двину. Не обращая внимания на эти „досадные помехи“, командование Северного фронта продолжало шаг за шагом разыгрывать отработанный сценарий вторжения в Финляндию. Вот почему боевые действия на фронте начавшейся 25 июня 1941 г. второй советско-финской войны **могут служить своего рода моделью несостоявшейся „Грозы“.**

Некоторые авторы писали, и многие читатели согласились с ними в том, что летом 1941 г. Красная Армия (если бы немцы ее не опередили) могла дойти до Берлина. От Выборга до Хельсинки гораздо ближе. И противник несравненно слабее. И первый удар нанесла Красная Армия.

Но дойти – не удалось. А ведь как красиво все было задумано...

1.5. „Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...“

Для того, чтобы оценить по достоинству красоту Плана, нам потребуется карта – не карта сражений Великой Отечественной, а карта железных и автомобильных дорог Скандинавии.

План войны привязан к дорогам. Так это было во времена Ксеркса и Батя, так же все осталось и в веке двадцатом. Более того, зависимость армий 20-го

столетия от материально-технического обеспечения (боеприпасы, горючее) еще более повысила значимость транспортных коммуникаций при планировании и проведении операций.

Финляндия может считаться „малой страной“ только по численности населения. По площади занимаемой территории Финляндия превосходит Австрию, Венгрию, Бельгию, Данию и Голландию вместе взятые.

Так же, как и в России, заселена и освоена эта территория крайне неравномерно. Густая сеть железных дорог на юге страны становится все более разреженной в центре, пока не превращается в одну единственную нитку, которая в северной точке Ботнического залива, у города Кеми, раздваивается: одна ветка уходит на запад в Норвегию, связывая финские дороги с незамерзающими норвежскими портами; другая уходит на восток к границе с советской Карелией. Там же, через Рованиemi, Кемиярви и Салла проходит единственная в этом районе „сквозная“ автомобильная дорога, связывающая западную (морскую) и восточную (советскую) границы. Еще дальше, к северу от Рованиemi, через сотни километров заболоченной тайги и тундры идет автомобильная дорога к Петсамо – самому северному городу Финляндии. Петсамо – это крупнейшие в Европе никелевые рудники, это броневая сталь и жаропрочные сплавы для авиационных моторов, это важнейшая статья экспорта довоенной Финляндии. Правда, сегодня это российский город Печенга.

А теперь нанесем на эту карту район выгрузки 1-й танковой дивизии (Вы еще помните, с чего все начиналось?) – и простой, как все гениальное, замысел вторжения в Финляндию откроется Вам во всей красе.

Всего один удар мощным танковым кулаком (а по численности танков дивизия Баранова почти в два раза превосходила танковый корпус Манштейна!) от Алакуртти на Кемиярви, и 1-я танковая вырывается из лесной чащобы на твердую автомобильную дорогу. Силы финской армии в этом регионе были слишком малы для того, чтобы остановить советскую танковую лавину: в районе Кусамо находилась только одна 6-я пехотная дивизия, а за 200 км от полосы предполагаемого наступления, в Сумосисалми, еще одна финская дивизия, причем общая численность этих двух дивизий, сведенных в 3-й корпус под командованием генерал-майора Х. Сииласвуо, составляла к концу июня всего 10 тысяч человек (в полтора раза меньше штатной численности советской стрелковой дивизии) [28].

Далее, продвигаясь по шоссе через Рованиemi, 1-я танковая выходит к Ботническому заливу, перерезает железную дорогу в Кеми – и вся оперативная обстановка меняется на глазах. Петсамо, отрезанный от всего мира, можно спокойно переименовывать в Печенгу – для этого в районе Мурманска развернута 14-я армия (14, 52, 104, 122 стрелковые дивизии). Финский никель навсегда потерян для германской промышленности, а финская армия наглухо отрезана от немецких войск, уже находящихся или еще могущих быть в будущем переброшенными в Норвегию.

Разумеется, каким бы слабым ни был противник, наступление на глубину в 300 км никогда не будет „легкой прогулкой“. Потому-то в Алакуртти и отправили прекрасно подготовленную, полностью укомплектованную, имеющую большой боевой опыт дивизию с командиром, для которого эта война должна была стать третьей по счету.

Правды ради отметим, что в теории существовала и возможность „прямого морского сообщения“ между Германией и Финляндией через финские порты в Ботническом заливе. При этом стратегическое значение железнодорожной ветки через Кеми в Норвегию как будто бы снижалось. Но все предвоенные планы исходили из того, что Краснознаменный Балтийский флот имеет достаточно сил и средств (включая базу на финском полуострове Ханко) для того, чтобы намертво закрыть Финский и Ботнический заливы для немецкого флота.

Для „яростного похода“ по шоссе через Рованиemi к Ботническому заливу скоростной БТ, способный, сбросив гусеницы, разогнаться до 60-70 км/час, был лучшим из имеющихся на тот момент инструментов войны. Появление советской танковой дивизии в Алакуртти настолько явно раскрывало содержание и цель Плана, что с этой переброской тянули до 17 июня, а затем – произвели ее в экстренном порядке, побросав в псковском военном лагере десятки танков. И все для того, чтобы танковая армада появилась на финской границе в „самый последний момент“.

Отработка этого мудрого и комплексного (безо всяких кавычек) плана началась уже осенью 1940 г., т. е. через полгода после заключения в марте 1940 г. мирного договора с Финляндией. 18 сентября Тимошенко (нарком обороны) и Мерецков (начальник Генштаба РККА) подписали документ No 103203: „Соображения по развертыванию вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией“.

Сразу же отметим, что среди этих „соображений“ нет ни одного слова о Германии! Безо всякой связи с возможным использованием финской территории немецкой армией советское командование ставит такие задачи: „...вторгнуться в центральную Финляндию, разгромить здесь основные силы финской армии и овладеть центральной частью Финляндии..., одновременно с главным ударом нанести удар в направлении на Рованиemi-Кеми, с тем чтобы выходом на побережье Ботнического залива отрезать северную Финляндию и прервать непосредственные сообщения центральной Финляндии со Швецией и Норвегией...“ [16, с. 253].

Главный удар предполагалось нанести по двум направлениям: через Савонлинна на Миккели и через Лаппееранта на Хейнола. И что примечательно – в июне 1941 г. именно в центре предполагаемой полосы главного удара, напротив г. Иматра, был сосредоточен 10 МК. А для наступления через Рованиemi на Кеми планировалось развернуть 21-ю армию в районе Алакуртти – т. е. точно там, где 22 июня 1941 г. выгружали 1-ю танковую дивизию...

Полтора месяца спустя после подписания „Соображений“ на встречу с Гитлером в Берлин отправился глава Советского правительства Молотов. Переговоры продолжались два дня – 12 и 13 ноября 1940 г. Из стенограммы переговоров следует, что обсуждение „финского вопроса“ заняло добрую половину всего времени! Правда, обсуждение это происходило в форме диалога двух глухих. Молотов, с монотонностью заевшей грампластинки, повторял один и тот же набор аргументов: вся Финляндия по секретному протоколу передана в сферу интересов Советского Союза, поэтому СССР вправе приступить к „окончательному решению“ в любое удобное для него время. Гитлер же, все более и более срываясь в истерику, отвечал на это, что он не потерпит никакой новой войны в районе Балтики, так как эта новая война даст англичанам и повод, и возможность для вмешательства, а Германия нуждается в бесперебойных поставках железной руды из Швеции [69, с. 41-47, 63-71]. Стороны ни о чем конкретно не договорились и с чувством глубокого недоверия расстались друг с другом.

Затем наступило 25 ноября 1940 г. В этот день Молотов передал послу Германии графу Шуленбургу проект соглашения об условиях создания Пакта четырех держав, т. е. нацистской Германии, фашистской Италии, милитаристской Японии, „неизменно миролюбивого“ Советского Союза [69, с.136]. В тот же день нарком Тимошенко направил командованию ЛенВО директиву о подготовке войны с Финляндией. Первые слова этого документа звучали так:

„В условиях войны СССР только против Финляндии (подчеркнуто автором) для удобства управления и материального обеспечения войск...“

Далее в директиве ставилась задача „разгромить вооруженные силы Финляндии, овладеть ее территорией... и выйти к Ботническому заливу на 45-й день операции“. Хельсинки собирались занять на „25-й день операции“. Детальную разработку всех составляющих плана операции требовалось завершить к 15 февраля 1941 г. [16, с. 418-423].

Работа закипела. Уже в марте 1941 года заместитель наркома обороны генерал армии Мерецков провел с командованием ЛенВО многодневную оперативную игру, в ходе которой отрабатывались исключительно наступательные темы. Документальные подтверждения этого были опубликованы совсем недавно, но еще в старые добрые времена официальная „История ордена Ленина Ленинградского военного округа“ рассказывала, как „поучительно проходили полевые поездки на Карельском перешейке и Кольском полуострове, в ходе которых изучался характер современной наступательной операции...“ Ну а Петсамо советские генералы и вовсе считали почти что Печенгой. Тогдашний начальник штаба 14-й (мурманской) армии Л. С. Сквирский вспоминает, что в феврале 1941 г, узнав о том, что с Финляндией ведутся переговоры о дележе акций никелевых рудников, он очень удивился: „зачем покупать, если мы вскоре и без того возвратим себе рудники?“ [33].

То, что Советский Союз в очередной раз собирался выступить в роли

вероломного агрессора, не удивительно. Странно и удивительно другое. Полностью отобомблизованные к концу июня 1941 г. войска ЛенВО (Северного фронта) были уже выведены в районы развертывания, советская авиация продолжала начатые на рассвете 25 июня яростные бомбардировки Финляндии, а наземная операция все никак не начиналась. Почему?

До сих пор наше повествование базировалось на твердом основании фактов и документов.

В этом эпизоде мы переходим на зыбкую почву догадок и гипотез. Читатель имеет полное право пропустить окончание этой главы за „отсутствием улик“, но автор не видит никакого другого объяснения бездействию войск Северного фронта в последние дни июня 1941 г., кроме ареста Мерецкова и ухода Сталина с работы.

Война войной, а „органы“ работали. Набравшая обороты и почти уже никем не управляемая машина террора и беззакония продолжала захватывать в свои жернова все новые и новые жертвы.

На второй день войны, 23 июня 1941 г., волна арестов докатилась до самой вершины военного руководства: был арестован генерал армии, заместитель Наркома обороны, в прошлом – начальник Генштаба РККА К. А. Мерецков, которому накануне (21 июня 1941 г.) решением Политбюро ЦК было поручено „общее руководство Северным фронтом“.

Но Кирилл Афанасьевич Мерецков – не чужой человек в Ленинградском округе. С 1939 г. он был командующим ЛенВО, затем, во время финской войны, Мерецков возглавил 7-ю армию, ставшую главной ударной силой Красной Армии в боях на Карельском перешейке.

А теперь переведем все эти обстоятельства на язык протокола. Получается, что командование Северного фронта состояло в июне 1941 г. из выдвиненцев, сослуживцев и просто друзей „разоблаченного врага народа“. Смерть дышала им в затылок. И не та славная смерть на поле боя, к которой должен быть готов каждый полководец, а страшная гибель в пыточной камере или расстрельном подвале. И неминуемая в этом случае расправа с родными и близкими – вдобавок.

Можно ли осуждать генералов Попова и Никишева (командующего и начштаба Северного фронта) за то, что в такой ситуации они не стали проявлять личную инициативу, тем более в таком деликатном вопросе, как переход границы сопредельного государства?

У них был приказ – ввести в действие план прикрытия. Они его выполнили – в полном объеме, точно и в срок. Как и положено по Уставу.

У них не было приказа – отказаться от предвоенного плана вторжения в Финляндию и срочно перебросить все механизированные соединения навстречу наступающим на Ленинград немцам – и они не отвели ни одного танка с финской границы.

Бомбардировка Финляндии была предусмотрена заранее (в плане прикрытия были „поименно“ названы 17 объектов первоочередных бомбовых ударов) – и они ее успешно провели.

А вот по поводу перехода границы уже на этапе сосредоточения и развертывания войск в п. 8 Плана прикрытия было сказано довольно расплывчато:

„...при благоприятных условиях ... по указанию Главного Командования быть готовым к нанесению стремительных ударов по противнику...“ [ВИЖ.- 1996.- № 6].

Вероятнее всего, поэтому Попов и ждал, когда большое начальство само решит, сложились ли уже „благоприятные условия“, или надо еще погодить.

Да только большое начальство в это время было занято совсем другими делами.

Начальник Генерального штаба Г. К. Жуков первые дни войны провел на Западном фронте, пытаясь организовать наступление войск огромного Юго-Западного фронта (в том, что из этого вышло, мы будем подробно разбираться в Части 3), а его первому заместителю, начальнику Оперативного управления Генштаба Ватутину, поручено было спасти положение на Северо-Западном фронте.

Ответственного за северный участок фронта Мерецкова в этот момент

избивали резиновыми дубинками и обливали следовательской мочой. Новый представитель Ставки на северо-западном направлении был назначен только 10 июля. За неимением ничего лучшего, Сталин поручил это дело маршалу Ворошилову. Правда, скоро выяснилось, что главком Ворошилов – это гораздо хуже, чем ничего, но это будет потом.

Нарком обороны маршал Тимошенко, заместитель наркома обороны маршал Буденный, бывший (и будущий) начальник Генштаба маршал Шапошников собрались в конце июня в штабе Западного фронта под Могилевым, и думать про какие-то иматры, рованиемы и прочие суомисалми им было совершенно некогда. 27-28 июня танковые группы Гота и Гудериана, соединившись восточнее Минска, замкнули кольцо окружения вокруг 3, 10 и 4 армий Западного фронта. Шестисоттысячная группировка советских войск была разгромлена и большей частью взята в плен. 1 июля 1941 года немецкие танки вышли к Березине. Это означало, что третья часть пути от границы до Москвы была уже пройдена, и пройдена всего за восемь дней!

А что же делал в это время Самый Главный Начальник?

А самый главный, хотя и не получил даже обычного среднего образования, **все уже понял**. Может быть, потому так быстро и так правильно понял, что его „университетами“ была подпольная работа в подрывной организации, однажды уже удачно развалившей русскую армию прямо во время мировой войны. Сталин конкретно знал, как рушатся империи и исчезают многомиллионные армии. Поэтому всего семь дней потребовалось ему для того, чтобы понять, в чем причина неслыханного разгрома. Открываясь в этот момент истина оказалась непомерно тяжелой даже для этого человека с опытом сибирской ссылки, кровавой бойни гражданской войны и смертельно опасных „разборок“ с Троцким в 20-е годы.

В ночь с 28 на 29 июня Сталин уехал на дачу, где и провел в состоянии полной прострации **два дня – 29 и 30 июня**, не отвечая на телефонные звонки и ни с кем не встречаясь.

Последствия этого трудно понять современному россиянину, которого приучили к тому, что Первый Президент суверенной России по несколько месяцев „работал на даче с документами“.

Вот только сталинские порядки очень сильно отличались от ельцинских. Сталин вникал во все и командовал всем. С его подписью выходили решения о замене направляющих лопаток центробежного нагнетателя авиадвигателя АМ-35 или об исключении из состава возимого ЗИПа танка Т-34 „брезента и одного домкрата“. Без его согласия не решались вопросы балетных постановок в Большом театре и замены в песне слов „и летели наземь самурай“ на слова „и летела наземь вражья стая“ (после подписания 13 апреля 1941 г. договора о нейтралитете с Японией). Вот почему двухдневное отсутствие Сталина в Кремле не могло не парализовать работу всего высшего эшелона власти.

Хотите – верьте, хотите – нет, но приказ на переход границы с Финляндией поступил в 10-й мехкорпус 23-й армии Северного фронта только после того, как соратники уговорили Вождя Народов вернуться на рабочее место.

В полночь с 1 на 2 июля 1941 г. 21-я танковая дивизия получила боевой приказ:

„...в 6-00 2.07 перейти границу в районе Энсо и провести боевую разведку..., установить силы, состав и группировку противника. Путем захвата контрольных пленных установить нумерацию частей противника...

...по овладении ст. Иматра – станцию взорвать и огнеметными танками зажечь лес. В случае успешного действия и захвата рубежей Якола-Иматра – удерживать их до подхода нашей пехоты...” [17].

1.6. Разгром

Читаешь текст этого приказа и думаешь: как быстро, как неотвратимо

меняются времена и нравы! Вот раньше – какая была лепота:

„Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем...“

„Я хату покинул, ушел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...“

Это – стихи. А вот и текст боевого приказа No 01 от 15 сентября 1939 года:

„...армии Белорусского фронта переходят в наступление с задачей содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов...“ [1, с. 113].

И что же? Не прошло и двух лет – и на тебе: ни мирового пожара, ни восставших из ада рабочих и крестьян. Все просто и по-деловому: станцию на сопредельной территории – взорвать, лес – зажечь...

Правда, ни того ни другого сделано не было. В „Журнале боевых действий 21-й танковой дивизии“ читаем, что „разведотряд полностью свою задачу не выполнил, до Иматра не дошел, лес противника не зажег, лишь установил, что этот участок обороняется незначительными силами противника...“

Оцените, уважаемый читатель, насколько командиры 1941 года были порядочнее советских „историков“ последующих десятилетий. Уж у них-то (историков наших) противник всегда был „многократно превосходящий“. Всегда и везде. Так, в созданной коллективным гением группы военных историков монографии „Битва за Ленинград“ [Под ред. Зубакова В. Е. – М.: Воениздат, 1964] финские войска, при равном с нашими числе дивизий, оказались почему-то в два раза более многочисленными (220 тысяч против 114 тысяч)...

Вечером первого дня наступления, в 23-30 2 июня 41 г., в штаб 21-й тд прибыл начальник Автобронетанкового управления штаба 23-й армии генерал-майор Лавринович и поставил новую (а фактически – прежнюю) боевую задачу:

„...с 6-00 3.07 начать наступление на Иматра с задачей – овладеть Иматра и перешейками между озерами Ималан-Ярви, Саймаа, удерживая последний до подхода стрелковых частей“.

Наступление танковой дивизии должны были поддержать огнем четыре артиллерийских дивизиона 115-й стрелковой дивизии.

К полудню **3 июля** части заняли исходное положение для наступления. Тут же произошел и первый сбой во взаимодействии:

„Артиллерия задержалась с подготовкой и начала ее только в 13-00, выпустив за час 50-55 снарядов...“

Другими словами, каждое орудие сделало за час один-два выстрела. Надо полагать, такой „огневой шквал“ скорее предупредил „белофиннов“, нежели подавил их оборону. В 14-00 два полка (мотострелковый и танковый) 21-й танковой дивизии перешли границу и начали наступление. Дабы избежать обвинений в предвзятости, приведем ПОЛНОСТЬЮ все описание этого наступления, как оно изложено в „Журнале боевых действий“:

„...С переходом госграницы противник сначала оказывал слабое сопротивление, и наши части быстро продвигались вперед. К 18-00 3.07 передовые роты вышли на северные скаты высоты 107,5, где были встречены организованным огнем противника и отошли несколько назад...“

К 22-00 3.07 положение стабилизировалось на рубеже: лесная тропа юго-восточнее высоты 107,5, два домика севернее Якола, высота 39,5 4-я рота 2-го батальона мотострелкового полка встретила сильное сопротивление противника, перешедшего в атаку, и к 22-00 3.07 с боем отошла за нашу госграницу, потеряв три танка сторевшими и один подбит.

Решением командира дивизии дальнейшее наступление было остановлено и послано боевое донесение в штаб 23-й армии на разрешение выйти из боя. Этого разрешения мы ждали до 2-00 4 июля, в 2-25 прибыл начштаба 10 МК полковник Заев с приказом дивизии выйти из боя и сосредоточиться в районе Яски. В 2 ч. 30 мин. противник, скрытно обойдя фланги наших частей, перешел в контрнаступление по всему участку дивизии. Контрнаступление началось сильным автоматпулеметным огнем при поддержке минометов и артиллерии. В такой обстановке командир дивизии **смело** (так в тексте) принимает решение на выход из боя. Выход из боя был проведен по следующему плану...

К 4-00 4 июля части организованно вышли из боя. Противник три раза

переходил в атаку, но всегда терпел поражение и с большими потерями отбрасывался..."

Вот и все.

Лесная тропа, два домика. Вот и весь маршрут Освободительного Похода-2. В шесть часов вечера 3 июля танковая дивизия неуклюже потыкалась в финскую оборону, к 4 часам утра 4 июля „смело вышла из боя“, преследуемая не в меру разгорячившимися финскими парнями. Наконец, в 20-00 5 июля поступил „приказ об отправке дивизии ж. д. и автотранспортом в район Черная Речка“, т. е. в район предвоенной дислокации корпуса.

Этим все и закончилось. Превратить Финляндию в нищее российское Нечерноземье и на этот раз не удалось. Вероятно, если бы весь бензин, израсходованный на перегруппировку 10 МК от Ленинграда к Иматре и назад, просто вылили на сопредельную территорию – эффект был бы большим. По крайней мере, уж лес бы точно подожгли...

Дальше начался разгром.

Точнее говоря, разгром мехкорпуса (правда, пока еще в виде раздергивания единого броневое „ядро“ на мелкие „дробинки“) начался еще раньше.

Как только 10 МК оказался в „зоне досягаемости“ командования 23-й армии, оно (командование) повело себя как завмаг, на склад которого завезли редкий „дефицит“. Все Уставы, все Наставления, вся предвоенная теория о МАССИРОВАННОМ использовании танков в составе крупных механизированных соединений, все уроки немецкого „блица“ на Западе, многократно изученные на штабных учениях – все было немедленно похерено и забыто.

Десять броневых автомобилей в „распоряжение штаба армии“, пять танков „для действий совместно с 115-й стрелковой дивизией“, танковый батальон в составе 24-х машин „в распоряжение командира 43-й сд“, танковая рота в составе 10 машин „в распоряжение командира 19 стрелкового корпуса“, 15 танков в состав истребительных отрядов (т. е. полувоенных формирований из работников НКВД и местных жителей).

Кроме совершенно очевидного снижения ударной мощи мехкорпуса в таком использовании танков, есть и еще один, менее очевидный, момент.

Танк (любой танк – немецкий, советский, английский) той эпохи был очень капризным, малонадежным и малоресурсным техническим устройством. Достаточно сказать, что межремонтный моторесурс для танка БТ-7 был установлен в 200 часов, для Т-26 – в 150 часов. Минимально необходимые для боевого применения танков условия эксплуатации можно было создать только в рамках крупного соединения с мощной собственной ремонтной и эвакуационной базой. А о каком техническом обслуживании, о каком ремонте можно говорить применительно к оснащению и возможностям истребительного отряда НКВД или даже стрелковой дивизии, большая часть бойцов которой до призыва в армию не видели ни рельсов, ни паровоза?

В результате после первого же незначительного отказа 10-тонную дорогостоящую машину просто бросали в чистом поле.

Дальше – больше. Общее наступление финской „Карельской армии“ на Онежско-Ладожском перешейке началось только 10 июля 1941 г. Но за несколько дней до начала полномасштабных боевых действий финское командование, видимо, решило провести разведку боем на сортавальском направлении. В штабе 23-й армии это вызвало большой переполох.

Уже вечером 2 июля в штаб 21-й тд, наряду с приказом начать наступление на Иматру, поступило распоряжение отправить 41-й танковый полк этой дивизии железной дорогой на сортавальское направление, в район станции Элисенваара, при этом на погрузку танкового полка в эшелон было отпущено... 30 минут! Единственное, что облегчило выполнение погрузки в столь нереальные сроки,

так это то, что после всех предшествующих „перегруппировок“ в 41-ом танковом полку, еще не сделавшем ни одного выстрела по противнику, остался всего 41 танк. Вот в таком составе он и был отправлен в Элисенваару. На следующий день, 4 июля, на сортавальское направление перебросили целиком уже всю 198-ю мотострелковую дивизию из состава 10 МК. После этого про наступление 10-го мехкорпуса на Иматру можно было окончательно забыть.

Стоит отметить, что такое истерическое состояние, в которое пришло командование 23-й армии после первых же сообщений о переходе границы передовыми финскими отрядами, очень наглядно свидетельствует о том, что к „отражению натиска врага“ на Северном фронте никто и никогда не готовился. В войсках даже не было топографических карт собственной территории. Красноречивое подтверждение этому мы находим в воспоминаниях Голушко:

„...перед командиром батальона лежала схема-карта, предназначавшаяся, наверно, для туристов либо автолюбителей... ничего иного в распоряжении комбата не было. Подразделение давно ушло из района, для которого имелась военная топографическая карта...“ [9].

Этот эпизод с „давно ушедшим“ из района запланированных боевых действий подразделением происходит во время отступления к Кексгольму (Приозерску), т. е. не далее чем в 60 км от советско-финской границы!

В тот же злополучный день, 4 июля 1941 г., командующий 23-й армией генерал-лейтенант Пшенников распорядился создать не предусмотренную никакими уставами „Армейскую танковую группу“, для укомплектования которой был окончательно разукомплектован 10-й мехкорпус: из 21-й тд забрали 54 танка, из 24-й тд - 102 танка (правда, главным образом - устаревшие БТ-2). [8].

Такая активность, проявленная командованием 23-й армии 4 июля, имела простое объяснение. Именно в этот день из Генерального штаба РККА поступило, наконец, распоряжение о выведении 10 МК из состава 23-й армии и передислокации этого мехкорпуса на юго-западные подступы к Ленинграду, на немецкий фронт [8].

Вопреки широко распространенным слухам о том, что „при Сталине в стране был порядок“, генерал-лейтенант не позволил генералу армии Жукову „отныкать“ у него (Пшенникова) мехкорпус целиком и „заначил“ без малого половину танков 10-го мехкорпуса.

В ходе многодневного обратного марша от финской границы к оборонительной линии на реке Луга (более 250 км) часть оставшихся в корпусе танков вышла из строя. В результате 9 июля было решено свести 90 наиболее исправных танков в один сводный танковый полк, а остальные 98 танков распределили по стрелковым подразделениям. Вот на этом история 10 МК практически и закончилась...

Еще раньше, 29 июня 1941 года, начальник Генштаба Г. К. Жуков приказал вывести 1 МК из состава Северного фронта и передать его в распоряжение командования Северо-Западного фронта [5]. Огромные танковые колонны снова двинулись в путь - на этот раз точно назад, от Гатчины к Острову. 163-я моторизованная дивизия ушла еще дальше на запад, к латвийскому городу Резекне (160 км от Пскова), где она и была 3 июля смята и разгромлена немецкими танками из корпуса Манштейна.

После того, как главные ударные силы Северного фронта ушли с финской границы на запад, а авиация фронта покинула небо Карелии, будучи перенацелена на борьбу с наступающими на Псков и Ленинград немецкими танковыми дивизиями, **10 июля 1941 года** началось наступление финской армии на Онежско-Ладожском перешейке.

Как известно, товарищ Сталин очень низко оценивал наступательные возможности финской армии. Так, выступая 17 апреля 1940 г. на совещании начальствующего состава РККА, великий вождь и учитель сказал дословно следующее:

„...финская армия очень пассивна в обороне... Дурачки, сидят в дотах и не выходят, считают, что с дотами не справятся, сидят и чай попивают... А наступление финнов гроша ломаного не стоит. Вот за 3 месяца боев, помните ли вы хоть один случай серьезного массового наступления со стороны финской армии?“ [140].

Трудно понять, кого товарищ Сталин хотел обмануть - себя или своих

слушателей, когда он высмеивал финскую армию за то, что она не бросилась в контрнаступление против десятикратно превосходящего противника. Но летом 41 года, когда силы сторон были примерно равны, финны и сами не стали чаек попивать, и другим не дали.

Под испытанным руководством „дряхлого, вытщенного из нафталина Маннергейма" (старого генерала царской армии, 30 лет верой и правдой служившего Российской империи, участника русско-японской и первой мировой войн) финские войска заняли весь Онежско-Ладожский перешеек и в начале сентября вышли на рубеж соединяющей эти два озера реки Свирь. 30 сентября финны овладели Петрозаводском – столицей Карело-Финской (да, именно так, с прицелом на лучшее будущее, переименовали ее 31 марта 1940 г.) автономной „республики".

Наступление финнов на Карельском перешейке началось еще позже, только 31 июля 1941 г.

Пять дней спустя Пшенников был снят с поста командарма, но и это уже не помогло. Не помогли и железобетонные доты Сортавальского, Кексгольмского и Выборгского укрепрайонов. К концу лета финская армия вышла на рубеж старой границы, существовавшей на Карельском перешейке до „зимней войны" 1939 г. При этом в районе Выборга были окружены и разгромлены 43-я, 115-я и 123-я стрелковые дивизии 23-й армии, а командир 43-й сд, генерал-майор В. В. Кирпичников оказался в финском плену (28 июня 1950 г. он был расстрелян за то, что „потерял управление войсками, выдал финнам секретные данные о советских войсках, клеветал на советский строй и восхвалял финскую армию", в июне 1957 г.- реабилитирован посмертно) [ВИЖ.- 1992.- № 12.- С. 116].

Несмотря на то, что темп наступления противника был весьма низким (ни особенности местности, ни техническая оснащенность пехотной финской армии не позволяли ей действовать по немецкому образцу) **в плену у финнов оказалось 64 188 человек** [31, 32].

Это – численность пяти стрелковых дивизий Красной Армии.

Тяжелая техника и вооружение 23-й армии были потеряны практически полностью. Так, выпущенный в 1993 году Генеральным штабом (теперь уже российской армии) статистический сборник „Гриф секретности снят", сообщает, что до 10 октября 1941 г. советские войска в Карелии и на Кольском полуострове потеряли 546 танков [35]. Эта цифра даже превышает суммарное количество танков, оставшихся в распоряжении командования Северного фронта после передислокации 10-го мехкорпуса и 1-й танковой дивизии 1-го мехкорпуса на немецкий фронт. Возможное объяснение этой арифметической „нестыковки" заключается в том, что в тылу Северного фронта работал (и отправлял в войска новые танки KB) огромный Кировский завод в Ленинграде.

Несколько отвлекаясь от основной темы, заметим, что всего в трех стратегических операциях, происходивших на северном фланге войны (Прибалтийской, Карельской и Ленинградской) за время с 22 июня по 10 октября 1941 г. Красная Армия потеряла (по данным из того же сборника) **4 561 танк** [35, с. 368], что **в семь с половиной раз** превосходит первоначальную численность 4-й танковой группы вермахта, действовавшей в составе группы армий „Север" на северо-западном направлении.

В конце августа 1941 г. Кейтель направил Маннергейму письмо, в котором предложил финнам совместно с вермахтом взять штурмом Ленинград. Одновременно финнам предлагалось продолжить наступление южнее реки Свирь с целью соединения с немцами, наступающими на Тихвин. Но на эти предложения президент Финляндии Рюти и главнокомандующий Маннергейм ответили 28 августа отказом. После этого 4 сентября 1941 г. в ставку Маннергейма был послан в качестве „главноуговаривающего" начальник главного штаба вооруженных сил Германии генерал Йодль – но результат был тем же самым [34]. Финны забрали то, что они считали своим, – и дальше не сделали ни шагу.

Принято говорить, что „история не знает сослагательного наклонения". Зря это. Анализ нереализовавшихся альтернатив очень часто позволяет точнее и глубже понять суть того, что произошло в действительности.

В реальной истории финская армия вернулась на линию границы 1939 г. (а на Онежско-Ладожском перешейке – и за эту линию) в результате кровопролитной войны. А все могло бы быть совсем не так. Так вот, что мог получить и что бы

потерял Советский Союз, если бы он сам, широким „жестом доброй воли“, вернул Финляндии эти захваченные в ходе „зимней войны“ территории?

Экономическая значимость этих районов не ахти как велика – леса и клуквы в России и без того хватает.

Обсуждать такие категории, как „авторитет на мировой арене“ или „общественное мнение“, мы не будем. Нет предмета для обсуждения. Авторитет был такой, что СССР к тому времени уже исключили из Лиги Наций, причем именно из-за агрессии против Финляндии. Единственным союзником Союза во всем мире была братская Монголия (давно уже превращенная в советский протекторат). Что же до „общественного мнения“, то оно в сталинской империи отличалось исключительной покладистостью.

Обсуждать можно только военно-политические последствия такого решения.

С вероятностью, близкой к 100%, можно предположить, что социал-демократическая Финляндия отказалась бы от вынужденного и противоестественного союза с фашистской Германией (который в этом случае терял для Финляндии всякий смысл и цель) и превратилась бы в нейтрального соседа Советского Союза. Результаты такого поворота событий могли бы быть **тигантискими**.

Во-первых, в Прибалтику можно было бы перебросить (причем перебросить заблаговременно, не дожидаясь разгрома Северо-Западного фронта) огромные силы: два мехкорпуса, пятнадцать стрелковых дивизий, многочисленные авиационные и артиллерийские части Ленинградского ВО.

В целом группировка советских войск в Прибалтике могла бы быть увеличена почти в два раза.

В дальнейшем, в июле-августе 41 г., на немецкий фронт (а не на фронт никому не нужной финской войны) могли бы быть отправлены те резервы, которые в реальной истории пришлось отправить в Карелию. А именно: 88, 265, 272, 291, 314 стрелковые дивизии, 3-я ленинградская дивизия народного ополчения, множество отдельных полков НКВД и морской пехоты [30]. Смогли бы немцы в этом случае дойти до пригородов Ленинграда?

Во-вторых, при любом развитии оборонительной операции на юго-западных подступах к Ленинграду, даже при столь катастрофическом, которое имело место в действительности, **блокада Ленинграда была бы абсолютно невозможна**.

Ленинград расположен НЕ на полуострове. Его в принципе нельзя блокировать „с одной стороны“. Имея Финляндию в качестве – нет, не союзника, а всего лишь нейтрального соседа – Ленинград можно было бы снабжать сколь угодно долго по железной дороге через Петрозаводск-Сортавала. Даже если бы немцы смогли пройти еще 250 км по лесам и болотам от Тихвина до Петрозаводска (чего в реальной истории им сделать не удалось), то и в этом случае удушить Ленинград голодом было бы невозможно: главный союзник СССР – богатая и крайне щедрая в тот момент Америка заплатила бы финнам за поставки продовольствия для Ленинграда. В крайнем случае – привезла бы через порты нейтральной Финляндии и Швеции свои продукты.

Конечно, морская дорога в условиях войны крайне ненадежна, но ведь довели же до Мурманска морскими конвоями союзников более 5 миллионов тонн всякого добра. А для того, чтобы спасти от голодной смерти два миллиона ленинградцев, с лихвой хватило бы и одного миллиона тонн тушенки (или памятного ветеранам американского яичного порошка)

В-третьих, при наличии бесперебойного железнодорожного сообщения с „большой землей“ мощнейшие танковые, артиллерийские, авиационные заводы Ленинграда могли бы исправно работать для фронта и для победы. Всю войну. Кто посчитает, сколько солдатских жизней можно было бы сохранить этим?

Да, дорого, очень дорого обошлась советскому народу сталинская авантюра с „освобождением финских братьев от ига капитала“.

1.7. Первый маршал

Как Вы, вероятно, уже догадались, запланированный поход 1-й танковой дивизии к берегам Ботнического залива так и не состоялся. Помешали немцы. 29 июня 1941 г. с территории оккупированной Норвегии перешел в наступление на Мурманск отдельный горно-егерский корпус вермахта под командованием генерала Эдварда Дитля.

Это было элитное соединение вермахта, специально подготовленное и оснащенное для боевых действий на Крайнем Севере. Весной 1940 г. именно горные егеря Дитля сыграли решающую роль в боях с англичанами при вторжении в Норвегию. Несмотря на сравнительную малочисленность (две дивизии, 28 тысяч человек личного состава) корпус Дитля должен был решить задачу стратегической важности: захватом Мурманска и заполярного участка Кировской железной дороги лишить Советский Союз доступа к незамерзающим портам.

Два дня спустя, 1 июля 1941 г., перешел в наступление на Кандалакшу 36-й армейский корпус в составе 169 пехотной дивизии и дивизии СС „Норд“. Задачей этого соединения вермахта был выход к железной дороге с целью отрезать обороняющие Мурманск части 14-й армии и Северного флота от остальной страны.

План войны привязан к дорогам, особенно если речь идет о боевых действиях в заполярной лесотундре. Именно поэтому район развертывания 36-го немецкого корпуса оказался как раз на линии дороги Рованиemi-Салла (вдоль которой должна была ворваться в Финляндию 1-я танковая дивизия 1-го мехкорпуса). За эту ошибку, за пренебрежение к противнику и безобразную работу разведки немцам пришлось немедленно заплатить. Даже в крайне неблагоприятных условиях, на совершенно „противотанковой“ местности 1-я танковая подтвердила свою репутацию первой.

В изложении современного финского историка (весьма, кстати сказать, сочувственно относящегося к бывшим союзникам Финляндии) эти события выглядят так:

„...действовавшая на южном фланге дивизия СС „Норд“ оказалась неспособной наступать вследствие совершенно недостаточного уровня боевой выучки и значительной слабости руководства со стороны офицеров СС. После первых боев дивизия была даже обращена в бегство, устремилась назад и не могла поддержать 169-ю пехотную дивизию...“

Крепко, видимо, „приложились“ к ним танкисты генерала Баранова, если эсэсовцы как-то разом потеряли и свою „боевую выучку“ и традиционную немецкую привычку слушаться командиров...

Развить успех не удалось. На календаре был уже июль 41 г., и начальник Генерального штаба Жуков потребовал немедленно загрузить 1-ю тд в железнодорожные эшелоны и отправить ее туда, откуда она и приехала - на южные подступы к Ленинграду. В скобках заметим, что этот приказ, поступивший в штаб 14-й армии уже 4 июля - в самом начале сражения за Мурманск, лишний раз подтверждает наше предположение о том, что предвоенная передислокация дивизии Баранова в Заполярье была связана с чем угодно, но только не с планами **отражения немецкого вторжения**.

И в этом случае взаимоотношения советских генералов немедленно перешли в „неуставную форму“. Командующий 14-й армии генерал-лейтенант В. А. Фролов отнюдь не поспешил выполнять распоряжение Генштаба, и 1-я танковая продолжала сражаться в Заполярье до середины июля.

Не будем спешить с оценками. У каждого генерала была своя правда. Жуков, отвечавший за оборону всей страны, прекрасно понимал, какие катастрофические последствия - в военном, экономическом, политическом плане - может иметь захват немцами Ленинграда. Поэтому Генштаб и спешил любыми средствами создать какой-то фронт обороны к востоку от Пскова и Нарвы.

А у генерала Фролова была своя правда. Он несколько не сомневался в том, что второго такого случая не будет, и полноценную танковую дивизию к нему на Кольский полуостров Ставка больше никогда не пришлет, поэтому и спешил максимально использовать благоприятное стечение обстоятельств.

С позиции знаний сегодняшнего дня этот драматический спор разрешить еще труднее. В июле 1941 г. Жуков, конечно, не мог предположить, что „англо-американские империалисты“ пришлют в помощь Сталину 17 миллионов тонн военных грузов. А в действительности на протяжении трех долгих лет войны потребности Красной Армии и оборонной промышленности по таким важнейшим позициям, как авиационный бензин, взрывчатка, алюминий,

автомобили и авторезина, поезда, локомотивы и рельсы, средства связи, антибиотики, покрывались главным образом за счет помощи от злейших врагов коммунизма. В связи с таким невероятным поворотом событий оборона Мурманска и железной дороги к нему превращалась в стратегическую задачу не меньшего значения, нежели оборона Ленинграда и Москвы, нефтепромыслов Баку и Грозного.

Не будет лишним отметить и то, что летом 1941 г. именно 14-я армия генерала Фролова оказалась **единственной армией** на всем фронте от Черного до Баренцева моря, которая **выполнила поставленную ей задачу**.

Наступление противника было остановлено в приграничной полосе, прорваться к Мурманску и Кировской железной дороге немцам не позволили, при этом элитный корпус Дитля понес огромные (более 50%) потери в личном составе. В середине октября 1941 г. остатки 2-й и 3-й горно-егерских дивизий вермахта были отведены с Кольского полуострова в тыл для реформирования.

Увы, об этом сегодня практически никто не вспоминает, а сам В. А. Фролов даже не был удостоен звания Героя Советского Союза – совершенно необычная ситуация для полководца Великой Отечественной в звании генерал-полковника.

Вернемся, однако, от высот большой стратегии к трагическим событиям июля 1941 г.

Неразбериха в управлении завершилась тем, что фактически ни один из вариантов использования 1-й тд как крупного ударного соединения не был реализован. Командование якобы „наступательной“ Красной Армии не решилось на организацию контрнаступления, и 1-ю танковую так же, как и весь 10-й мехкорпус в 23-й армии, „раздержали по частям“.

Мотострелковый полк и один танковый батальон из состава 1-го танкового полка остались воевать на Кандалакшском направлении в составе 14-й армии. Кроме того, выделенные в распоряжение командира 42-го стрелкового корпуса 14-й армии полсотни танков в августе 1941 г. свели в отдельный танковый батальон, успешно сражавшийся с немцами до 1943 года [8].

Тем временем Ставка снова потребовала (Директива No 00329 от 14 июля) „танковую дивизию из района Кандалакши немедленно перебросить под Ленинград“ [5]. И вот, наконец, **17 июля** 41 г., ровно через месяц после того, как „мирным“ июньским утром дивизия была поднята по боевой тревоге, эшелоны с 1-й танковой двинулись назад, на юг – к Ленинграду.

Но и на этот раз дойти до фронта войны с Германией им было не суждено.

10 июля 1941 г. Ставка (т. е. товарищ Сталин) создала Главное командование Северо-Западного направления, которое возглавил маршал Советского Союза, член Политбюро ВКП(б), зампред Совнаркома, один из пяти членов Государственного Комитета обороны (высшего органа государственной власти того периода) Клим Ворошилов.

Товарищ Ворошилов всю жизнь боролся с помещиками и капиталистами. Но в его вражде к миру капитала не было, как говорят американцы, „ничего личного“. Это была ненависть по приказу. По приказу же она могла в любой момент смениться крепкой боевой дружбой.

В августе 1939 г. нарком Ворошилов ведет переговоры с английским лордом сэром Реджинальдом Драксом, адмиралом английского флота и французским генералом Думенком о военном союзе против Гитлера. В сентябре того же 1939 г. нарком Ворошилов совместно с гитлеровским генералом Кестрингом обсуждает вопросы взаимодействия вермахта и Красной Армии в деле разгрома и оккупации Польши.

К концу Второй мировой войны Ворошилов и вовсе превращается во что-то вроде высокопоставленного „военного дипломата“. Сталин везет его с собой в Тегеран на встречу с Рузвельтом и Черчиллем, поручает ему вести переговоры о заключении мира с Венгрией и Румынией, принимать в Москве французскую военную делегацию во главе с генералом де Голлем, и т. д.

Но вот к „белофинским маннергеймовским бандам“ товарищ Ворошилов питал настоящую, неподдельную ненависть. Звонкие, увесистые оплеухи, которые финская армия навешала зимой 39-

40 г. „первому красному офицеру“, продолжали гореть на щеках Ворошилова. К тому же дело тогда вовсе не ограничилось одними только метафорическими „оплеухами“.

После того, как Красная Армия понесла в войне с „финляндской козьявкой“ потери большие, чем потери вермахта при оккупации половины Европы, Сталин 8 мая 1940 г. выгнал Ворошилова с поста наркома. И не просто выгнал, а дал подписать на прощание совершенно секретный „Акт о приеме наркомата обороны СССР тов. Тимошенко от тов. Ворошилова“ [42].

В этом удивительном документе было перечислено два десятка направлений работы оборонного ведомства, по каждому из которых констатировались „исключительная запущенность“ и подмена дела „бумажными отчетами“. Правда, Ворошилову оставили и звание, и членство, но бумага о том, что он разваливал оборону страны так тщательно и всесторонне, как не смог бы развалить ее и вражеский агент, пробравшийся в Кремль, лежала „на запасных путях“. И Клим Ефремович об этом знал и всегда помнил.

Желание „проучить зарвавшихся финских вояк“ и восстановить тем самым свою репутацию умудренного опытом полководца привели в 20-х числах июля 1941 г. маршала Ворошилова в Карелию. Оценить по достоинству этот визит можно только если вспомнить, что происходило в эти дни на юго-западных подступах к Ленинграду.

К концу июня 1941 г. группа армий „Север“ форсировала Западную Двину на всем протяжении от Даугавпилса до Риги. Вырвавшись на оперативный простор, немцы 6 июля, после двухдневного ожесточенного боя с 3-й танковой дивизией 1 МК, заняли город Остров. 9 июля практически без боя, на плечах панически бегущих 118-й и 111-й дивизий, немцы вошли во Псков. 10 июля Г. К. Жуков от имени Ставки шлет командованию С.-З. фронта (уже 4 июля прежний командующий был отстранен и в командование фронтом вступил генерал-майор П. П. Собенников) следующую директиву:

„...командиры, не выполняющие Ваши приказы и, как предатели, бросающие позиции, до сих пор не наказаны... как следствие бездеятельности командиров части Северо-Западного фронта все время катятся назад... Командующему, члену Военного совета, прокурору и начальнику 3-го управления фронта немедленно выехать в передовые части и на месте расправиться с трусами и предателями, на месте организовать активные действия по истреблению немцев, гнать и уничтожать их...“ [5, с. 62].

Увы, расправиться со всеми трусами и предателями не удалось: в середине июля 1941 г. бои шли уже в ста километрах от Ленинграда. На удержание фронта по реке Луга были брошены дивизии народного ополчения. Плохо вооруженные, почти необученные, набранные из никогда не державших в руках оружия студентов и преподавателей ленинградских вузов, ополченцы гибли на лужском рубеже. Гибли будущие, так навсегда и оставшиеся неизвестными, ученые, поэты, художники, погибала творческая элита нации – ради того, чтобы на несколько дней задержать натиск врага, дать командованию время на переброску резервов.

Обеспокоенный этим практически первым с начала войны срывом в реализации своих планов, Гитлер лично прибыл 21 июля в штаб группы армий „Север“ и потребовал от Лееба скорейшего взятия Ленинграда.

Именно в этот день **Ворошилов своей властью остановил идущие к Ленинграду эшелоны** и приказал выгрузить главные из оставшихся сил 1-й тд (а именно: 2-ой танковый полк в составе 4 КВ, 13 Т-28, 29 БТ-7, 57 БТ-5, 32 Т-26 и 19 бронемашин) в лесах у Ведлозера, в 70-80 км к западу от Петрозаводска [8]. Совместно с двумя мотострелковыми полками НКВД они должны были контратаковать и разгромить финнов.

Абсурдность этого решения заключена даже не в том, что на весах войны Ленинград и Петрозаводск имели очень разный вес.

К несчастью, маршал Ворошилов так и не понял, что дивизия легких танков – это не волшебная „палочка-выручалочка“, а инструмент. Инструмент, пригодный только для вполне определенной работы. Той самой, которую в войнах прошлых столетий выполняла казачья конная лава: гнать и рубить бегущих, захватывать штабы и склады, жечь обозы в тылу парализованного страхом врага. Другими словами, решать те же задачи, которые в июне 1941 г. выполнили дивизии 4-й и 3-й танковых групп вермахта на северо-западном направлении.

В скобках заметим, что и вооружены они были ничуть не лучше: из 1544 танков, с которыми начали Восточный поход 4-я и 3-я танковые группы, 1237 (80%) составляли легкие танки Pz.I, Pz.II, трофейные чешские Pz.38(t) с противоположным бронированием и гораздо более слабым (в сравнении с нашими

Т-26 и БТ) вооружением.

А на местности с такими названиями как Машозеро, Крошноозеро, Куккозеро, Ведлозеро, среди дремучего хвойного леса, болот и озер Карелии, танковая дивизия Баранова была обречена. Отчаянно сражающиеся финны из 1-ой пехотной дивизии полковника Паалу в ходе ожесточенных боев 23-27 июля остановили наступление советской армии. Судя по донесениям командиров 1-й тд, моторизованные чекисты отходили после первых же выстрелов, а финская пехота расстреливала наши танки из лесных засад, минировала редкие в этих местах дороги, в ход пошли и бутылки с бензином и толовые шашки.

Сам главком Ворошилов не стал, разумеется, дожидаться окончательных результатов своего командования. Он вскоре вернулся в Ленинград, где и отдал один из самых знаменитых своих приказов – об изготовлении нескольких десятков тысяч стальных наконечников для копий, которыми первый маршал собирался переколоть фрицев, когда они ворвутся в город Ленина.

10 августа командование Петрозаводской оперативной группы, усиленной 272-й стрелковой дивизией из резерва Ставки, попыталось было вновь организовать наступление, но результат был прежним. Использовать танки массировано, ударными группами советское командование так и не смогло. Отдельными взводами и ротами танковый полк раскидали на огромном пространстве восточной Карелии. Имели место случаи использования 50-тонных КВ для ...доставки донесений, в качестве курьерского „мотоцикла“. Множество танков из-за отсутствия в лесной глухомани бензина, солярки и запчастей пришлось зарывать в землю и использовать в качестве неподвижных огневых точек, а то и просто бросать. В конце месяца немногие уцелевшие в этом лесном побоище танкисты пешком, с остатками частей 7-й армии, отошли к Петрозаводску [8].

* * *

Вот так и закончился первый из длинной череды несостоявшихся контрударов Красной Армии лета 1941 г. Сегодня трагедию второй советско-финской войны мало кто помнит. Только увязшие в карельских болотах танки да пожелтевшие похоронки – много, много похоронок, десятки тысяч – остаются немymi свидетелями той ненужной, затерянной в темных водах советской истории войны.

Разумеется, нельзя отрицать того, что немецкое наступление в Прибалтике и стремительный выход 4-й танковой группы вермахта на юго-западные подступы к Ленинграду смешали все планы советского командования. Вторжение в Финляндию **пришлось остановить в самом его начале**, на разбеге. С другой стороны, судя по тому, КАК началось советское наступление, каких „успехов“ добились 1-й и 10-й межкорпуса за то время, которого вермахту хватило на рывок от границы до Пскова, достаточно трудно поверить в то, что ТАКАЯ армия могла гнать и громить немцев, форсировать полноводные Вислу и Одер, покорять Европу...

Вот здесь, уважаемый читатель, Вы вправе возмутиться. Что за разговор такой: „трудно поверить“? Что это у нас – театральная рецензия или исследование по военной истории?

Критика признана справедливой. В следующих частях нашего повествования речь пойдет уже о направлениях главного удара, о тех попытках наступления, развитию которого никто (кроме противника) не мешал.

Часть 2. ТРЯСИНА

2.1. Замысел

Вечером 22 июня 1941 г., а если говорить совсем точно, то в 21 час 15 минут Нарком обороны Тимошенко утвердил и направил для исполнения командованию западных округов (фронтов) Директиву No 3. В этом документе давалась краткая оценка группировки и планов противника: *„противник наносит главные удары из сувалкского выступа на Алитус и из района Замостье на фронт Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит-Шяуляй и Седлец-Волковыск ...”* и ставились ближайшие задачи на 23-24 июня:

„- концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки;

- мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиацией Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 армий окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24 июня овладеть районом Люблин” [5].

В скобках заметим, что уже один этот документ позволяет сделать обоснованный вывод о том, чего стоит многолетнее бахвальство славных „чекистов” о том, что документы немецкого командования ложились на стол Сталина на полчаса раньше, чем на стол Гитлера.

За шесть месяцев, прошедших с момента подписания Гитлером плана „Барбаросса”, советское военное руководство так и не узнало, что самый мощный удар вермахт будет наносить силами 2-ой танковой группы Гудериана по линии Брест-Слуцк-Минск. Это направление не упомянуто в Директиве No 3 даже как вспомогательное. А то, что наше командование расценило как *„вспомогательный удар в направлении Тильзит-Шяуляй”*, было в действительности началом наступления главных сил группы армий „Север” на Ленинград.

Совместные действия Северо-Западного и Западного фронтов так и не состоялись. Главные ударные силы Северо-Западного фронта: 12-й мехкорпус генерал-майора Шестопалова и 3-й (без 5-ой танковой дивизии) мехкорпус генерал-майора Куркина - были перенацелены не на юго-запад, в направлении Каунас-Сувалки (как это было предписано Директивой No 3), а на северо-запад, в направлении Шяуляй, где 24 июня и произошло крупное танковое сражение с главными силами 4-ой танковой группы вермахта. Что же касается 5 тд (3 МК), то она уже утром 23 июня была разгромлена в районе Алитуса и в дальнейших боевых действиях фронта практически не участвовала.

Таким образом, двусторонний удар по сувалкской группировке немцев превратился в наступление правого крыла одного только Западного фронта. Обстоятельства и причины разгрома, которым закончилось это наступление, мы и рассмотрим в этой части нашего повествования.

К тому времени, когда Директива No 3 была получена и расшифрована в штабе Западного фронта, военная ситуация качественно изменилась.

Немцы форсировали Неман. Точнее говоря, не форсировали, а переехали его по трем невзорванным мостам у Алитуса и Меркине. *„Вслед за отходившими подразделениями советских войск,- так пишет главный наш спец по начальному периоду войны, товарищ Анфилов,- по мостам через Неман проскочили и немецкие танки”*. Проскочили в количестве трех (7, 20, 12) танковых дивизий. К исходу дня 22 июня 1941 г. передовые части 3-й танковой группы вермахта

продвинулись вглубь советской территории на 60–70 км и устремились к Вильнюсу. Но каким бы сильным ни был наступательный порыв немцев, каким бы слабым ни было сопротивление войск 11-й армии Северо-Западного фронта – дороги и мосты имеют вполне определенную пропускную способность, а танки в колоннах движутся с интервалами в несколько десятков метров. В результате, когда утром 24 июня 7-я танковая дивизия вермахта заняла Вильнюс, а 20-я и 12-я танковые дивизии подходили к Ошмянам, арьегард танковой группы – 19-я танковая и 14-я моторизованная дивизии – еще только переправлялись через Неман [13]. Таким образом то, что военные историки обычно называют „немецким танковым клином“, в те дни представляло собой несколько „стальных нитей“, растянувшихся на 100–120 км вдоль дорог западной Литвы. При этом немецкая пехота, ходившая в прямом смысле этого слова пешком, со своими конными обозами и артиллерией на „лошадиной тяге“, еще только начинала наводить понтонные переправы через Неман.

Устав требует, чтобы подчиненный любого ранга и звания, при безусловном выполнении поставленной ему вышестоящим командиром задачи, проявлял разумную инициативу в выборе наиболее эффективных путей и методов выполнения приказа. Именно так действовал командующий Западного фронта, Герой Советского Союза, кавалер трех орденов Ленина и двух орденов „Красная Звезда“, генерал армии Д. Г. Павлов. В 23 ч. 40 мин. 22 июня он приказал своему заместителю, генерал-лейтенанту Болдину (к этому времени уже прибывшему из Минска в Белосток, в штаб самой мощной 10-ой армии Западного фронта) организовать ударную группу **в составе 6-го мехкорпуса, 11-го мехкорпуса, 6-го кавалерийского корпуса** и *„...нанести удар в общем направлении Белосток, Липск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом (т. е. западном) берегу р. Неман ... к исходу 24.06.41 г. овладеть Меркине“.*

Как видно, Павлов (отойдя от прямого следования „букве“ Директивы № 3) повернул острие наступления с северо-западного направления (от Гродно на Сувалки) прямо на север, вдоль западного берега Немана, от Гродно на Меркине. Замысел операции был гениально прост. Стремительный (два дня во времени и 80–90 км в пространстве) удар во фланг и тыл наступающей на запад пехоты противника, захват мостов и переправ через Неман – и мышеловка, в которую сама загнала себя 3-я танковая группа вермахта, захлопывается. Отрезанные от всех линий снабжения, лишённые поддержки собственной пехоты, немецкие танковые дивизии, прорвавшиеся к Вильнюсу, окружаются и уничтожаются.

В скобках заметим, что одиннадцать месяцев спустя, в мае 1942 года, в точности такая же по замыслу операция была проведена немцами. Тогда, в ходе ставшей печально знаменитой Харьковской наступательной операции, советские войска форсировали Северский Донец и вышли к пригородам Харькова. А в это время немецкая танковая армия Клейста форсировала ту же самую реку в районе города Изюм (в 100 км южнее Харькова) и, продвигаясь на север вдоль восточного, практически никем не обороняемого берега Северского Донца, перерезала коммуникации советских войск, оказавшихся в конечном итоге в „котле“ на западном берегу Донца.

Результатом стало окружение и разгром пяти советских армий, при этом более 200 тысяч бойцов и командиров Красной Армии оказались в немецком плену. Задуманная Павловым операция не могла завершиться столь масштабным успехом – просто потому, что в составе немецкой 3-й танковой группы не было ни 200, ни даже 100 тысяч человек. Но во всем остальном наступление ударной группы Западного фронта было, что называется, „обречено на успех“.

2.2. Обреченные на успех

Благодаря предусмотрительно вырисованной в сентябре 1939 г. „линии разграничения государственных интересов СССР и Германии на территории бывшего Польского государства“ [70] белостокская группировка советских войск, еще не сделав ни одного выстрела, уже нависала над флангом

и тылом немецких войск, зажатых на тесном „пяточке“ сувалкского выступа. Об этом позаботился Сталин. А природа (или сам господь Бог) позаботилась о том, чтобы река Неман повернулась у Гродно на 90 градусов, „освобождая“ таким образом дорогу наступающим от Белостока на Меркине советским танкам. Других крупных рек, за которые могла бы зацепиться обороняющаяся немецкая пехота, в этом районе просто нет.

Благодаря тому, что Павлов отказался от наступления на занятый немцами в 39 г. город Сувалки и решил окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника **на советской территории**, немцы были лишены возможности опереться на заранее подготовленную в инженерном смысле противотанковую оборону. Понятно, что на местности, которую немцы заняли день-два назад, у них еще не было и не могло быть ни минных полей, ни противотанковых рвов, ни железобетонных дотов.

В состав ударной группировки генерала Болдина (по принятой в РККА военной терминологии это была „конно-механизированная группа“, сокращенно – КМГ) было включено: **четыре танковые, две механизированные дивизии**, а также соответствующий по численности одной „расчетной дивизии“, **кавалерийский корпус**, имевшие на вооружении как минимум **1 310 танков и 370 пушечных бронев автомобилей**, всего 1 680 единиц бронетехники [78], более шести тысяч автомобилей и трехсот тракторов. Кроме того, 23 июня в группу Болдину для артиллерийской поддержки наступления был включен 124-й гаубичный полк резерва Главного командования в составе 48 тяжелых орудий.

Еще раз подчеркнем, что это минимальные из встречающихся в литературе цифр. Если же верить данным монографии „1941 год – уроки и выводы“ (выпущенной в 1992 году Генштабом Объединенных вооруженных сил СНГ), то число танков в дивизиях КМГ Болдина составляло **1597 единиц** [3], что более чем в полтора раза превышает численность самой крупной танковой группы вермахта!

Весьма показательно и сравнение состава КМГ Болдина с численностью советских танковых армий завершающего периода Великой Отечественной. Так, накануне крупнейшей Висло-Одерской операции, в январе 45 г. в 4-й танковой армии Лелюшенко числилось всего 680 танков и самоходных орудий, во 2-й Гвардейской танковой армии накануне штурма Берлина, 15 апреля 1945 г., числилось 685 единиц бронетехники, включая броневики и САУ, в 5-й Гвардейской танковой армии перед началом Восточно-Прусской операции (январь 45 г.) было всего 590 танков и самоходов [22].

Как видим, ни одна из советских танковых армий, завершивших в 1945 году „разгром фашистского зверя в его логове“, не имела и половины того количества бронетехники, которое было предоставлено в распоряжение генерала Болдина в июне 1941 года!

Вся эта гигантская стальная армада должна была обрушиться на пять пехотных дивизий вермахта: 162 пд и 256 пд из состава 20-го армейского корпуса и 8 пд, 28 пд и 161 пд из состава 8-го армейского корпуса. Причем реально к утру 24 июня в районе запланированного контрудара КМГ Болдина находились только **две пехотные дивизии** 20-го АК, а три дивизии 8-го АК уже форсировали реку Неман и наступали в полосе от Гродно до Друскининкай в общем направлении на г. Лида, продвигаясь на восток тремя почти параллельными маршрутами [61, 78]. Таким образом, КМГ при своем наступлении на север от Гродно на Меркине имела уникальную возможность уничтожить противника по частям рядом последовательных ударов во фланг и тыл.

Другими словами, в те первые дни войны сложится ситуация, **в точности соответствующая** (хотя нас всегда уверяли в противном) предвоенным расчетам советского командования:

„...по своим возможностям – по вооружению, живой силе, ударной мощи – танковый корпус соответствует пяти пехотным немецким дивизиям. А раз так, то мы вправе и обязаны возлагать на танковый корпус задачи по уничтожению 1-2 танковых дивизий или 4-5 пехотных дивизий.

Я почему говорю 4-5 с такой уверенностью? Только потому, что танковый корпус в своем размахе никогда не будет драться одновременно с этими пятью развернувшимися и направившими против него огневые средства дивизиями. По-видимому, он эти 5 дивизий будет уничтожать рядом ударов одну за другой...” [14].

Это – выдержки из доклада „Использование механизированных

соединений в современной наступательной операции", с которым генерал армии Павлов (в то время начальник Главного автобронетанкового управления РККА, т. е. „главный танкист" Красной Армии) выступал на известном декабрьском (1940 г.) Совещании высшего командного состава РККА.

Еще раз напомним, что по численности танков и личного состава КМГ Болдина примерно в полтора раза превосходила полностью укомплектованный по штатам военного времени мехкорпус (или „танковый корпус", как его называет в своем докладе Павлов), а по артиллерии – в два раза.

Так обстояло дело с количеством. Теперь постараемся оценить качество.

Главной ударной силой КМГ, да и всего Западного фронта в целом, был 6-ой мехкорпус генерал-майора М. Г. Хацкилевича. Как известно, большая часть мехкорпусов Красной Армии до начала войны не успела получить даже половины положенной по штату техники. Тем более впечатляюще выглядит на этом фоне ситуация в 6-ом мехкорпусе, который уже в середине июня имел танков больше, чем было запланировано на конец 1941 года! Об особом, элитном статусе 6 МК свидетельствует и наличие на его вооружении значительного числа новейших – на тот момент, безусловно, лучших в мире – танков Т-34 и КВ. В большинстве источников приводится цифра в **352 танка новых типов (114 КВ и 238 Т-34)**. Если эти цифры верны, то 6 МК занимал „второе место" среди всех мехкорпусов РККА, уступая по этому показателю только 4 МК Власова, в котором числилось 416 танков новых типов. Если же верить данным монографии „1941 г.- уроки и выводы", то в составе 6 МК к началу войны было 452 новейших танка, что выводит этот мехкорпус на бесспорное первое место во всей Красной Армии!

Для такого разнобоя в цифрах (приводимых авторами со ссылками на фонды рассекреченных военных архивов) есть очень простое объяснение. Отчетность в Красной Армии – как и в тысячах других учреждений – велась по состоянию на первое число каждого месяца. Меньшие цифры, вероятно, взяты именно из отчетов на 1 июня 1941 г. Но ведь первого июня круглосуточная работа советских военных заводов отнюдь не прекратилась, а отгрузка новейших танков с заводов в войска продолжалась и до 22 июня, и во все последующие дни. Тем более показательно, что из 138 танков Т-34, переданных промышленностью в войска с 1 по 22 июня 41 г., в Белосток (т. е. в 6-й мехкорпус) было отправлено 114 [8].

Не будем, однако, забывать и о том, что мехкорпус – это не только танки. Для обеспечения слаженной боевой работы танковых, мотострелковых и артиллерийских подразделений, бесперебойного снабжения их боеприпасами и горючим требовались многие тысячи автомобилей и тракторов (артиллерийских тягачей). Если говорить точно, то по штату в мехкорпусе полагалось иметь 352 трактора и 5165 автомобилей.

С этой „матчастью" в Красной Армии были тогда большие проблемы. Машин нигде не хватало. Довести укомплектованность частей и соединений до штатной предполагалось только после проведения открытой мобилизации – посредством передачи в армию из народного хозяйства 300 тысяч автомобилей и 50 тысяч тракторов. В результате „нештатной ситуации", случившейся 22 июня 41 г., большая часть мехкорпусов вступила в войну имея значительный (до 50–60%) некомплект транспортных средств. Но и в этом вопросе 6 МК был в лидерах. В корпусе было 294 трактора (почетное „второе место" среди всех мехкорпусов РККА), а по числу автомашин и мотоциклов (4 779 и 1 042 соответственно) 6 МК превосходил любой другой мехкорпус. Эти данные взяты из книг современных историков [1, 3]. Сам же командир корпуса генерал-майор Хацкилевич на декабрьском (1940 г.) совещании командного состава РККА приводил гораздо большие цифры:

„...мы подсчитали на наших учениях (даже когда выбрасывали по 2 500 машин из боевого состава, брали самое необходимое для жизни и боя), и то у нас в прорыв идет 6 800 машин, почти 7 000..."

Все это (да и сам факт выступления командира корпуса на совещании высшего комсостава, в присутствии Наркома обороны и командующих округов) весьма красноречиво свидетельствуют о роли и месте 6 МК в предвоенных планах советского командования.

Кстати, о месте. С лета 1940 г. и до начала войны этот, один из самых мощных мехкорпусов РККА, затаился в дебрях заповедных лесов восточнее Белостока. Затаился так тщательно, что хваленая немецкая авиаразведка даже

не смогла установить сам факт его присутствия. Утренняя сводка штаба 9-й армии (группа армий „Центр“) от 23 июня 1941 г. дословно гласит:

„...несмотря на усиленную разведку, в районе Белостока пока еще не обнаружено крупных сил кавалерии и танков...“

Разумеется, район дислокации 6-го мехкорпуса был выбран не случайно. Даже на современных картах автомобильных дорог из Белостока (теперь это снова Польша) можно выехать только в одну сторону – на запад, по шоссе на Варшаву. Дорог на восток, вглубь Белоруссии (а следовательно – и причин ожидать здесь наступление главных сил противника) как не было в 41-ом году, так нет и сейчас. Более того, из рассекреченного только в конце 80-х годов военно-исторического труда бывшего начальника штаба 4-й Армии Л. М. Сандалова „Боевые действия войск 4-й армии Западного фронта в начальный период Великой Отечественной войны“ [79] становится известно, что „в марте-апреле 1941 г. в ходе окружной оперативной игры на картах в Минске прорабатывалась фронтовая наступательная операция с территории Западной Белоруссии в направлении Белосток, Варшава... На последнюю неделю июня штаб округа подготавливал игру со штабом 4-й армии также на наступательную операцию...“ Да и к чему же еще было готовиться, если от тогдашней госграницы до Варшавы оставалось всего-то 80 км по автостраде...

Значительно хуже был укомплектован 11 МК, но и в нем числился 31 танк новых типов (3 КВ и 28 Т-34). Таким образом, всего на вооружении КМГ Болдина было **не менее 383** новейших дизельных танков с мощным вооружением (длинноствольная 76-мм пушка пробивала лобовую броню любых немецких танков на дистанции в 1 000–1 200 м) и надежной бронезащитой.

Что могла противопоставить этому немецкая пехота? Почти ничего. Основным вооружением противотанкового дивизиона пехотной дивизии вермахта была 37-мм пушка, способная пробивать броню в 30–35 мм на дистанции в 500 метров. Для борьбы с легкими советскими танками ВТ или Т-26 этого было вполне достаточно. Но после первых же встреч с нашими новыми танками немецкие солдаты дали своей противотанковой пушке прозвище „дверная колотушка“ (смысл этого черного юмора в том, что она могла только постучать по броне советской „тридцатьчетверки“). Наклонный 45-мм броневой лист нашего Т-34 немецкая 37-мм пушка не пробивала даже при стрельбе с предельно малой дистанции в 200 метров. Ну а про возможность борьбы с тяжелым танком КВ (лобовая броня 90 мм, бортовая – 75 мм) не приходится и говорить. Это 50-тонное стальное чудовище могло утюжить боевые порядки немецкой пехоты практически беспрепятственно, как на учебном полигоне.

Только летом 1940 г. немцы запустили в производство 50-мм противотанковую пушку, которая и поступила на вооружение вермахта в количестве 2 (две) штуки на пехотный полк, да и то еще не в каждой дивизии эти пушки были! Странно как-то на этом фоне смотрятся бесконечные причитания партийных пропагандистов о том, как „на Германию работала промышленность всей покоренной Европы“, а Сталин очень верил Гитлеру и занимался сугубо „мирным созидательным трудом“...

Мало того, что военно-политическое руководство фашистской Германии не предоставило своей армии никаких средств борьбы с новыми советскими танками. Оно еще и ухитрилось не заметить сам факт их появления на вооружении РККА! Только после начала боевых действий, 25 июня 1941 г. в дневнике Ф. Гальдера (начальника штаба сухопутных войск) появляется следующая запись:

„...получены некоторые данные о новом типе русского тяжелого танка: вес – 52 тонны, бортовая броня – 8 см... 88-мм зенитная пушка, видимо, пробивает его бортовую броню (точно еще неизвестно)... получены сведения о появлении еще одного танка, вооруженного 75-мм пушкой и тремя пулеметами...“ [12].

В мемуарах Гота и Гудериана первые сообщения о „сверхтяжелом русском танке“ (т. е. КВ) относятся только к концу июня – началу июля 1941 г.

Обсуждение вопроса о том, как военная разведка крайне агрессивного государства могла на протяжении полутора лет не замечать появления новых типов танков в серийном производстве у главного потенциального противника Германии, выходит за пределы нашей книги. Это тема для отдельного разговора. Постарались все: и Гитлер, категорически запретивший после подписания

Договора о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.) ведение разведывательной деятельности против СССР [19], и загадочный руководитель абвера адмирал Канарис (агент английской разведки по совместительству) и многие другие.

Для нашего же расследования достаточно отметить тот факт, что немецкие пехотные дивизии не только не получили средств борьбы с новыми советскими танками, но и само появление из чащи белорусских лесов огромных 50-тонных бронированных монстров должно было стать для них **страшной неожиданностью**.

Все познается в сравнении.

Каждый добросовестный школьник должен знать, что добиться успеха в Курской битве немцы надеялись, в частности, и за счет внезапного массированного применения новых тяжелых танков „Тигр” и „Пантера”. Этот тезис неизменно присутствует в любом тексте, посвященном битве на Курской дуге, которую советские историки называли (и по сей день еще называют) „крупнейшим танковым сражением Второй мировой войны”. Более того, из мемуаров немецких генералов выясняется, что и германское командование возлагало на применение новых танков огромные надежды.

Правда, вопрос о „внезапности” к лету 1943 г. был уже практически снят. Гитлер сам „наступил на горло собственной песне”, приказав, несмотря на все возражения Гудериана, отправить роту первых серийных „Тигров” под Ленинград. В сентябре 1942 г., в заболоченных лесах, „Тигры” были введены в бой и понесли большие потери, частью увязнув в трясине [65]. Таким образом новая техника была необратимо рассекречена.

Что же касается „массовости”, то в составе всей танковой группировки немецких войск на Курской дуге (16 танковых и 6 моторизованных дивизий, три отдельных танковых батальона и отдельная танковая бригада) насчитывалось всего 147 „Тигров” и 200 „Пантер”.

Итого **347** танков „новых типов” из общего количества в 2 361 танк.

Таковыми-то силами немецкое командование планировало окружить и уничтожить советские войска в составе пятнадцати общевойсковых и трех танковых армий (а также четырнадцати отдельных корпусов) на фронте в 550 км [ВИЖ.- 1993.- No 7].

Перед КМГ Болдина, в составе которой было полторы тысячи танков и бронемашин, в том числе **383** танка „новых типов” (Т-34 и КВ), стояла задача совсем другого, гораздо более скромного масштаба: нанести короткий (два-три дня во времени и 80-90 км в пространстве) удар по пехоте противника, а затем отойти в резерв командующего фронтом.

Эффект внезапности - важнейшее на войне условие успеха - усиливался еще и тем, что своевременно выявить факт сосредоточения в районе Белостока мощной ударной группировки немецкая разведка также не смогла. Только вечером 23 июня в донесении отдела разведки и контрразведки штаба 9-й армии вермахта отмечено „появление в районе южнее Гродно 1-й и 2-й мотомехбригад” [61].

Что сие означает? Никаких „мехбригад” в составе Западного фронта не было, среди шести танковых и моторизованных дивизий КМГ Болдина не было ни одной с номерами 1 или 2. Ясно только то, что в конце концов немцы не могли не увидеть движения огромных танковых колонн, но произошло это уже буквально за считанные часы до начала контрнаступления советских войск.

Но „разгром немецко-фашистских войск под Гродно и Вильнюсом” так и не состоялся.

2.3. Анатомия катастрофы

По большому счету, вообще ничего не состоялось.

„...вследствие разбросанности соединений, неустойчивости управления, мощного воздействия авиации противника сосредоточить контрударную группировку в назначенное время не удалось. Конечные цели контрудара (уничтожить сувалкинскую группировку противника и овладеть

Сувалками) не были достигнуты, имелись большие потери..."

Вот дословно все, что сказано о ходе и результате контрудара КМГ Болдина в самом солидном историческом исследовании последнего десятилетия – в многократно упомянутой выше монографии „1941 год – уроки и выводы“.

За фразой о „больших потерях“ скрывается тот факт, что все три соединения, принявшие участие в контрударе КМГ Болдина (6-ой и 11-ый МК, 6-ой КК) были полностью разгромлены, вся боевая техника брошена в лесах и на дорогах, большая часть личного состава оказалась в плену или погибла, немногие уцелевшие в течение несколько недель и месяцев выбирались мелкими группами из окружения и вышли к своим уже тогда, когда линия фронта откатилась ко Ржеву и Вязьме.

В предыдущих основополагающих трудах советских историков [12-томной „Истории Второй мировой войны“ и 6-томной „Истории Великой Отечественной войны“] и вовсе не было ничего, кроме невнятной констатации того факта, что контрудары советских войск, предусмотренные Директивой No 3, оказались безрезультатными.

В опубликованных в последние годы документах начала войны невозможно найти ничего более внятного, чем тексты таких вот приказов, которые летели из штаба Западного фронта:

„...почему мехкорпус (имеется в виду 6 МК) не наступает, кто виноват? Немедля активизируйте действия, не паникуйте, а управляйте. Надо бить врага организованно, а не бегать без управления... Почему вы не даете задачу на атаку мехкорпусов...“ [40].

В широко известных, ставших уже классикой, военно-исторических трудах немецких генералов (Типпельскирх, Бутлар, Блюментрит) о контрударе советских войск в районе Гродно – ни слова.

В мемуарах Г. Гота [„Танковые операции“] мы не находим никаких упоминаний о наступлении Красной Армии в районе Гродно. Похоже, командующий 3-й танковой группы вермахта так никогда и не узнал о том, что во фланг и тыл его войск нацеливалась огромная танковая группировка противника.

В хрестоматийно известном „Военном дневнике“ Ф. Гальдера некое упоминание о действиях группы Болдина появляется только в записях от 25 июня 1941 г.:

„...русские, окруженные в районе Белостока, ведут атаки, пытаются прорваться из окружения на север в направлении Гродно..., довольно серьезные осложнения на фронте 8-го армейского корпуса, где крупные массы русской кавалерии атакуют западный фланг корпуса...“

Но уже вечером того же дня (запись от 18-00) Гальдер с удовлетворением констатирует:

„...Положение южнее Гродно стабилизировалось. Атаки противника отбиты...“

В дальнейшем к описанию этих событий Гальдер нигде не возвращается, да и описание это выглядит достаточно странно – все же главной ударной силой КМГ были отнюдь не „крупные массы кавалерии“, а два мехкорпуса. А вот о „серьезных осложнениях“ на фронте 20-го армейского корпуса, который должен был первым встретиться с наступающими советскими танками, Гальдер вообще ничего не говорит...

Если бы мы писали фантастический роман, то сейчас самое время было бы рассказать о том, как из мрачной бездны белорусских болот поднялось НЕЧТО и поглотило без следа огромную бронированную армаду. Но жанр этой книги – документальное историческое расследование, и списать разгром на „нечистую силу“ нам никак не удастся.

Да и пропала КМГ Болдина отнюдь не бесследно.

По рассказам местных жителей, собранным энтузиастами из Минского поискового объединения „Бацькаўшчына“, „в конце июня 1941 район шоссе Волковыск–Слоним было завалено брошенными танками, сгоревшими автомашинами, разбитыми пушками так, что прямое и объездное движение на транспорте было невозможно... Колонны пленных достигали 10 км в длину...“ [8].

Фраза о многокилометровых колоннах пленных может показаться кому-то обычным преувеличением людей, ставших очевидцами гигантской катастрофы. Увы. Даже по данным вполне консервативного (в хорошем смысле этого слова)

исследования современных российских военных историков „Гриф секретности снят“, безвозвратные потери Западного фронта за первые 17 дней войны составили 341 тысячу человек, из которых не менее 60%, т. е. порядка **200 тысяч человек, оказалось в плену**. Стоит отметить, что эти цифры вполне совпадают с давно известными немецкими сводками, в соответствии с которыми в ходе сражения в районе Минск-Белосток вермахт захватил 288 тысяч пленных [ВИЖ.- 1989.- No 9].

Пролить свет на причины разгрома КМГ могли бы мемуары советских генералов - да только мало кому удалось их написать.

Командир 6-го кавкорпуса генерал-майор И. С. Никитин попал в плен и был расстрелян немцами в концлагере в апреле 1942 года [20, 124].

Командир 36-й кавдивизии 6-го кавкорпуса генерал-майор Е. С. Зыбин попал в плен, где активно сотрудничал с фашистами. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян 25 августа 1946 года. Он не реабилитирован и по сей день [20, 124].

Командир 6-го мехкорпуса Хацкилевич погиб 25 июня. Обстоятельства его гибели по сей день неизвестны. Несколько дней спустя у местечка Клепачи Слонимского района была подбита бронемашина, на которой офицеры штаба 6-го мехкорпуса пытались вывезти тело погибшего командира. При этом был смертельно ранен начальник артиллерии корпуса генерал-майор А. С. Митрофанов [8].

Командир 4-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майор А. Г. Потатурчев попал в плен, после освобождения из концлагеря в Дахау был арестован органами НКВД и умер в тюрьме в июле 1947 года. Посмертно реабилитирован в 1953 году [20, 124].

Командир 29-й моторизованной дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майор И. П. Бикжанов попал в плен, после освобождения до декабря 1945 г. „проходил спецпроверку в органах НКВД“. В апреле 1950 года уволен в отставку „по болезни“. Дожил до 93 лет, но мемуаров не печатал [20, 124].

Смогли выйти из окружения после разгрома КМГ, но вскоре погибли в боях командир 7-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майор С. В. Борзилов и командир 29-й танковой дивизии 11-го мехкорпуса полковник Н. П. Студнев [8].

Попали в плен и погибли в гитлеровских концлагерях заместитель командира 11-го мехкорпуса и начальник артиллерии 11-го мехкорпуса генерал-майоры П. Г. Макаров и Н. М. Старостин [20, 124].

Командир 204 моторизованной дивизии 11-го мехкорпуса, полковник А. М. Пиров пропал без вести [8].

Ну а судьба высшего командования Западного фронта была еще более трагична.

Командующий Западным фронтом, герой обороны Мадрида и прорыва „линии Маннергейма“ генерал армии Павлов 4 июля был арестован и 22 июля 41 г., ровно через месяц после начала войны (любил, любил товарищ Сталин театральные эффекты) приговорен к расстрелу.

По тому же „делу“, за „трусость, бездействие и паникерство, создавшие возможность прорыва фронта противником“ [67, 81] были расстреляны:

- начальник штаба фронта В. Е. Климовских;
- начальник связи фронта А. Т. Григорьев;
- начальник артиллерии фронта Н. А. Клич;
- командующий 4-й армией Западного фронта А. А. Коробков;
- заместитель командующего ВВС фронта Таурский.

Командующий ВВС Западного фронта, Герой Советского Союза, ветеран боев в Испании генерал-майор И. И. Копец застрелился сам в первый день войны, 22 июня 1941 г.

Внимательный читатель, наверняка, уже заметил отсутствие в этом скорбном списке расстрелянных генералов одной фамилии.

А ведь это действительно очень странно. И по воинскому званию (генерал-лейтенант) и по занимаемой должности (зам. командующего фронтом) И. В. Болдин стоял выше всех репрессированных, за исключением самого Павлова, конечно. И если все командование фронта было повинно в „преступном бездействии и развале управления войсками“, то как же смог остаться безнаказанным руководитель главной ударной группировки Западного фронта?

Оправдаться неопытностью Болдин никак не мог. В его послужном списке

было уже два „освободительных похода“ – в Польшу (сентябрь 1939 г.) и в Бессарабию (июнь 1940 г.)

Во время вторжения в Польшу в сентябре 1939 г. комкор Болдин командовал конно-механизированной группой Белорусского фронта, которая вела наступление по линии Слоним-Волковыск и после ожесточенного боя 20-21 сентября штурмом взяла г. Гродно. Так что для Болдина начало войны складывалось как в песне: „По дорогам знакомым за любимым наркомом мы коней боевых поведем...“

Скорее всего, разгадка счастливой судьбы Болдина очень проста. Своевременно вызвать его на расстрел чекисты просто не смогли: с конца июня по начало августа он находился в окружении и был для них недоступен. Ну а в августе 41 г., после разгрома большей части кадровой армии, после пленения десятков генералов (всего за шесть месяцев 41 г. в немецком плену оказалось 63 генерала), Сталин стал более сдержан в расстрелах оставшихся в строю командиров. Более того, после выхода из окружения Болдин был отмечен добрым словом в приказе Верховного, повышен в звании и назначен командующим 50-й армией (вскоре разгромленной под Брянском).

Тяжелейший психологический стресс не прошел бесследно. Главный мотив мемуаров Болдина – тупой и бездушный солдафон Павлов все испортил:

„...Отойдя от аппарата, я подумал: как далек Павлов от действительности! У нас было мало сил, чтобы контратаковать противника... Но что делать? Приказ есть приказ! [80].

Много лет спустя, уже после войны, мне стало известно, что Павлов давал моей несуществующей (по чьей вине „несуществующей“?) ударной группе одно боевое распоряжение за другим.

Зачем понадобилось Павлову издавать эти распоряжения? Кому он направлял их? (Похоже, Болдин так и не понял, что задача, которую он с позором провалил, была поставлена именно перед ним.) Возможно, они служили только для того, чтобы создавать перед Москвой видимость, будто на Западном фронте предпринимаются какие-то меры для противодействия наступающему врагу...“

Но и это еще „цветочки“. В очень серьезном документе, в докладной записке, поданной в ходе реабилитации Павлова и его „подельников“ в июле 1957 года, Болдин (к тому времени уже генерал-полковник) написал дословно следующее:

„...Павлов виноват в том, что просил Сталина о назначении на должность командующего войсками округа, зная о том, что с начала войны он будет командующим войсками фронта. Павлов, имея слабую оперативную подготовку, не мог быть командующим войсками фронта... Начальник штаба фронта Климовских виноват в том, что попал под влияние Павлова и превратился в порученца Павлова...“ [81, с. 194].

О том, кто же обладал „неслабой оперативной подготовкой“, Болдин скромно промолчал.

Многое становится понятней, если вспомнить о том, что до назначения на должность заместителя командующего Западным особым военным округом Болдин был командующим войсками Одесского военного округа. Согласитесь, быть первым руководителем в Одессе и стать замом в Минске – это две большие разницы...

Тем не менее, за отсутствием лучшего, обратимся к мемуарам Болдина. Чем (кроме изначальной „невыполнимости“ поставленной перед ним задачи) объясняет он разгром вверенных ему войск?

Болдин – незаурядный мемуарист. У него прекрасная, цепкая память, сохраняющая даже самые малозначимые подробности. Вот, описывая свой первый день на войне, он вспоминает и удушливую жару, и то, что вода во фляжке была теплой и не освежала пересохшее горло. Самым подробным образом, на десятках страниц, описывает Болдин историю своих блужданий по лесам в окружении.

А вот о главном – о подготовке, проведении и результатах контрудара – говорит очень кратко и скупо.

Итак, **первый день** войны, вечер 22 июня.

„...Командующий 10-й армии склоняется над картой, тяжело вздыхает, потом говорит:

- С чем воевать? Почти вся наша авиация и зенитная артиллерия разбиты. Боеприпасов мало.

На исходе горючее для танков... Уже в первые часы нападения авиация противника произвела налеты на наши склады с горючим. Они и до сих пор горят. На железнодорожных магистралях цистерны с горючим тоже уничтожены...

...на КП прибыл командир 6-го кавалерийского корпуса генерал-майор И. С. Никитин. Вид у него озабоченный.

- Как дела? - спрашиваю кавалериста.

- Плохи, товарищ генерал. Шестая дивизия разгромлена...

- Остатки дивизии где?

- Приказал сосредоточить в лесу северо-восточнее Белостока".

Без лишних комментариев сравним этот абзац с отрывком из воспоминаний начальника штаба 94-го кавполка той самой „разгромленной“ 6-ой кавдивизии В. А. Гречаниченко [83]:

„...примерно в 10 часов 22 июня мы вошли в соприкосновение с противником. Завязалась перестрелка. Попытка немцев с ходу прорваться к Ломже была отбита. Правее оборону держал 48 кавалерийский полк. В 23 часа 30 минут 22 июня по приказу командира корпуса генерал-майора И. С. Никитина части дивизии двумя колоннами форсированным маршем направились к Белостоку... К 17 часам 23 июня дивизия сконцентрировалась в лесном массиве в 2 километрах севернее Белостока...”

Второй день войны, 23 июня 1941 г.

„...к рассвету штабы 6-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов обосновались на новом месте в лесу в пятнадцати километрах северо-восточнее Белостока. Этот живописный лесной уголок стал и моим командным пунктом...”

Так точно. И в протоколе допроса Павлова есть подтверждение того, что все штабы, и без того уже находившиеся далеко от места боев (расстояние от Белостока до тогдашней границы составляет 100 км), ушли еще дальше:

„...во второй день части 10-й армии, кроме штаба армии, остались на своих местах. Штаб армии сменил командный пункт, отойдя восточнее Белостока в район Валпы...” [67].

Чем же занимались наши генералы, собравшиеся в живописном лесном уголке?

„Время уходит, а мне так и не удается выполнить приказ Павлова о создании ударной конно-механизированной группы. Самое неприятное (так в тексте) в том, что я не знаю, где находится 11-й мехкорпус генерала Д. К. Мостовенко. У нас нет связи ни с ним, ни с 3-й армией, в которую он входит...”

Потрясающее признание. Как заместитель командующего округом мог не знать района дислокации мехкорпуса? Мехкорпус - это не иголка в стоге сена. Их во всем округе было всего лишь шесть, а если не брать в расчет 17-й и 20-й мк, формирование которых только начиналось, то реально боеспособных мехкорпусов было ровно четыре.

Придется напомнить, что штаб 11-го мехкорпуса и 204-я мотодивизия дислоцировались в Волковыске (85 км восточнее Белостока), 29-я танковая дивизия - в Гродно (75 км северо-восточнее Белостока), а 33-я танковая дивизия - в районе местечка Индура (18 км южнее Гродно).

Другими словами, от „живописного лесного уголка в 15 км северо-восточнее Белостока”, в котором затаились Болдин с Никитиным, до дивизий 11-го мехкорпуса было примерно 60-70 километров. Но преодолеть это расстояние так и не удалось.

Вплоть до окончательного разгрома, произошедшего 26-27 июня, Болдин не только ни разу не был в расположении вверенных ему войск, но даже не смог установить какую-либо связь с 11-м мехкорпусом. На всякий случай напомним внимательному читателю, что в составе КМГ Болдина было два эскадрона связи, конный дивизион связи, три корпусные авиаэскадрильи и восемь (!) отдельных батальонов связи (обс).

Для самых дотошных можно указать и их номера: 4, 7, 124, 185 обс в составе 6-го мехкорпуса и 29, 33, 583 и 456 обс в составе 11-го мехкорпуса [8].

„...в довершение бед на рассвете вражеские бомбардировщики застигли на марше 36-ю кавалерийскую дивизию (ту самую, командир которой перешел на службу к немцам) и расстреляли ее.

Так что о контрударе теперь не может быть и речи... я сидел в палатке, обуреваемый мрачными мыслями...” [80].

Разумеется, Болдин нигде ни словом не обмолвился о том, какие конкретно силы и средства были включены в состав конно-механизированной группы, в

какой группировке и какими силами наступал противник, так что фраза о том, что „растрепанность“ одной кавдивизии сделала контрудар советских войск „совершенно невозможным“, не казалась читателям такой абсурдной, какой она является на самом деле.

А внимательный читатель наверняка уже заметил очень странную хронологию событий: по версии Болдина, 22 июня была „разгромлена“ 6-я кавдивизия, на рассвете 23 июня „расстрепана“ 36-я, других кавалерийских частей в составе КМГ просто не было, и вдруг после этого, 25 июня, начальник штаба сухопутных войск вермахта отмечает в своем дневнике, что в районе Гродно „крупные массы русской кавалерии атакуют западный фланг 8-го корпуса“ ???

Да, трудно полководцу водить войска, если он сидит в живописном лесу, за десятки километров от поля боя, заменив разведку слухами и мрачными мыслями...

„...позвонил Хацкилевич, находившийся в частях.

- Товарищ генерал, - донесся его взволнованный голос, - кончаются горючее и боеприпасы.

- Слышишь меня, товарищ Хацкилевич, - надрывал я голос, стараясь перекрыть страшный гул летавших над нами вражеских самолетов. - Держись! Немедленно приму все меры для оказания помощи.

Никакой связи со штабом фронта у нас нет. Поэтому я тут же после разговора с Хацкилевичем послал в Минск самолетом письмо, в котором просил срочно организовать переброску горючего и боеприпасов по воздуху...“ [80].

Многого не должно смущать читателя. Мы ничего не упустили. Именно этим - посылкой письма в Минск - и ограничились „все меры“, принятые первым заместителем командующего фронта.

Третий день войны.

...фактически находимся в тылу у противника. Со многими частями 10-й армии потеряна связь, мало боеприпасов и полностью отсутствует горючее... из Минска по-прежнему никаких сведений... Противник все наседает. Мы ведем бой в окружении. А сил у нас все меньше. Танкисты заняли оборону в десятикилометровой полосе. В трех километрах за ними наш командный пункт...“

И, наконец, **пятый день** войны.

„На пятые сутки войны, не имея боеприпасов, войска вынуждены были отступить и разрозненными группами разбрелись по лесам“ [80].

„Разрозненными группами разбрелись по лесам“ - признаться, не каждый советский генерал в своих мемуарах оказался способен на такую откровенность.

Вот, собственно, и все, что можно узнать об обстоятельствах разгрома из воспоминаний Болдина.

Перед нами стандартный набор предписанных советской исторической науке „обстоятельств непреодолимой силы“: не было связи, не было горючего, кончились боеприпасы.

Почему нет связи - вражеские диверсанты все провода перерезали.

Куда делось горючее - немецкая авиация все склады разбомбила.

Почему снаряды не подвезли - так письмо же до Минска не долетело...

Ненужные, мешающие усвоению единственно верной истины подробности: сколько было проводов, сколько было диверсантов, какой запас хода на одной заправке был у советских танков, сколько снарядов входит в один возимый боекомплект, какими силами немецкая авиация могла разбомбить „все склады“ и сколько этих самых складов было в одном только ЗапОВО - отброшены за ненадобностью. Отброшена за ненадобностью и та простая и бесспорная истина, что Вооруженные Силы как раз и создаются для того, чтобы действовать в условиях противодействия противника.

Пожалуй, самое интересное и ценное в мемуарах Болдина - **это то, чего в них нет.**

А для того, чтобы увидеть то, чего нет, откроем мемуары другого генерала, который в эти же самые дни июня 41-го руководил действиями крупного мотомеханизированного соединения.

Итак, Г. Гудериан, „Воспоминания солдата“:

„...22 июня в 6 час. 50 мин. я переправился на штурмовой лодке через Буг..., двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через реку Лесна..., при моем приближении русские стали разбегаться в

разные стороны..., в течение всей первой половины дня 22 июня я сопровождал 18-ю тд...

...23 июня в 4 час. 10 мин. я оставил свой командный пункт и направился в 12-й армейский корпус, из этого корпуса я поехал в 47-й танковый корпус, в деревню Бильдейки в 23 км восточнее Брест-Литовска. Затем я направился в 17-ю танковую дивизию, в которую и прибыл в 8 часов... Потом я поехал в Пружаны (70 км на северо-восток от границы), куда был переброшен командный пункт танковой группы...

...24 июня в 8 час. 25 мин. я оставил свой командный пункт и поехал по направлению к Слониму (это еще на 80 км вглубь советской территории)..., по дороге я наткнулся на русскую пехоту, державшую под огнем шоссе..., я вынужден был вмешаться и огнем пулемета из командирского танка заставил противника покинуть свои позиции...

...в 11 час. 30 мин. я прибыл на командный пункт 17-й танковой дивизии, расположенный на западной окраине Слонима (т. е. уже в глубоком тылу 10-й армии и КМГ Болдина), где, кроме командира дивизии, я встретил командира 47-го корпуса..." [65].

"Где, кроме командира дивизии, я встретил командира танкового корпуса..."

И происходит эта встреча трех генералов на полевом КП, в сотне метров от линии огня. Вот и вся разгадка того, **почему Красная Армия на собственной территории оказалась „без связи“, а немецкая армия на нашей территории - со связью.**

Партийные историки десятки лет объясняли нам, что связь на войне обеспечивается проводами и радиостанциями (которых в 41-м году якобы не было). А Гудериан просто и доходчиво показывает, что **проблема связи и управления войсками решается не проводами, а людьми!**

Командиру передовой 17-й танковой дивизии вермахта никуда не надо было звонить. Его непосредственный начальник - командир 47-го танкового корпуса - вместе с ним на одном командном пункте лично руководит боем, а самый среди них главный начальник - командующий танковой группы - по несколько раз за день, под огнем противника, на танке прорывается в каждую из своих дивизий. И если бы Гудериан предложил им засесть на пару дней в „живописном лесном уголке“ и посылать оттуда „письма самолетом в Берлин“, то в лучшем случае они бы восприняли это как шутку - глупую и неуместную на войне.

И это вовсе не злобное брюзжание дилетанта. Генерал-полковник Сандалов в своей книге воспоминаний [82] приводит такое высказывание Члена Военного совета 4-й Армии:

„...вновь заговорил Шлык: Огромным злом является отрыв крупных штабов от войск. Это приводит к потере управления боем..., штаб фронта находится где-то в районе Минска, более чем за триста километров от передовых войск. Штабы армий, чтобы не потерять связь (???) с ним, тоже располагаются в глубине, местами более чем на пятьдесят километров от линии фронта... А куда это к черту годится...“ Золотые слова. Правда, из дальнейшего текста воспоминаний Сандалова следует, что уже через несколько часов после этого разговора штаб армии в очередной раз перебазировался на восток. Ну а штаб Павлова уже 26 июня оказался под Могилевым - в 500 км от границы!

Что же касается проводов, то с ними на Западном фронте было не так уж и плохо. Согласно докладной записке начальника штаба фронта генерал-майора Климовских от 19 июня 1941 г., в распоряжении службы связи округа было 117 000 изоляторов, 78 000 крюков и 261 тонна проводов [2, с. 44].

В качестве иллюстрации к вопросу о реальной технической оснащенности Красной Армии можно привести один из многочисленных приговоров военного трибунала Западного фронта. Так, 15 сентября 1941 г. бывший командир 162-й сд полковник Колкунов был обвинен в том, что он:

„13 июля 1941 г. в момент выхода дивизии из окружения противника, вследствие трусости, отдал приказание зарыть в землю имущество связи, а именно:

1. 3 радиостанции - РСБ, 5АК, 6ПК;
2. 2 приемника КУБ-4;
3. 28 телефонных аппаратов УНА-И, УПР;

4. 4 коммутатора – Р-20, МБ-30, КОФ;
5. 2 номерника – 12Х2;
6. 23 килограмма кабеля однопроводного;
7. 8 килограммов кабеля двухпроводного;
8. 2 аппарата Морзе" [68].

И это в одной обычной стрелковой дивизии. Разгромленной и отступающей.

В большой статье с красноречивым названием „Истоки поражения в Белоруссии" [78] автор с горестным вздыханием сообщает читателям, что обеспеченность войск Запово средствами радиосвязи была очень, очень низкой:

„...полковыми радиостанциями – на 41%, батальонными – на 58%, ротными – на 70%".

Как это принято у нас, мешающие правильному воспитательному процессу факты – а сколько это в штуках на один полк или стрелковую роту – пропущены. Постараемся восполнить это досадное упущение. По штатному расписанию стрелковой дивизии от апреля 1941 г. в одном гаубичном артполку должно было быть **37 радиостанций** (на 36 гаубиц), в артиллерийском полку – **25 радиостанций** (на 24 пушки), **3 радиостанции** в стрелковом полку и по **5 радиостанций** в каждом стрелковом батальоне. Оцените и это словосочетание: „ротная радиостанция". Разве не говорит оно о высочайшем (для первой половины 20-го века) уровне технической оснащённости сталинской армии?

К слову говоря, в распоряжение танковых групп вермахта было выделено всего по одной роте диверсантов из состава пресловутого полка особого назначения „Бранденбург". В составе роты было 2 офицера, 220 унтер-офицеров и рядовых, в том числе 20-30 человек со знанием русского языка [ВИЖ.- 1989.- Но 5]. И такими-то силами немцы, как утверждает Болдин, уже ранним утром 22 июня 1941 г.: *„...на протяжении пятидесяти километров повалили все телеграфные и телефонные столбы",* – и это только в полосе одной 3-й армии!

На этом закроем (пока) книжку Болдина. Мы не станем обсуждать его полководческий талант, мы не смеем упрекнуть его в отсутствии личного мужества, но выступать в качестве свидетеля разгрома конно-механизированной группы Западного фронта генерал Болдин не может. Его там (на месте разгрома) просто не было.

К сожалению, и от реальных свидетелей трудно добиться внятного изложения если даже и не причин, то хотя бы обстоятельств катастрофы.

Возьмем воспоминания В. А. Гречаниченко (начальника штаба 94 кавполка 6-ой кавдивизии). Они полны живых, не придуманных картин страшного разгрома. Вот как описывает он то, что Болдин кратко обозначил словами „на пятые сутки войны, не имея боеприпасов, войска разрозненными группами разбрелись по лесам":

„...Мимо сплошным потоком двигались автомашины, трактора (как видно, не все горючее сторело на разбомбленных немцами складах), повозки, переполненные народом. Мы пытались останавливать военных, ехавших и шедших вместе с беженцами. Но никто ничего не желал слушать. Иногда в ответ на наши требования раздавались выстрелы (т. е. боеприпасы тоже еще оставались – для стрельбы по своим). Все уже утверждали, что занят Слоним, что впереди высадились немецкие десанты, заслоны прорвавшихся танков, что обороняться здесь не имеет никакого смысла. 28 июня, как только взошло солнце, вражеская авиация начала повальную обработку берегов Росси и района Волковыска. По существу, в этот день окончательно перестали существовать как воинские формирования, соединения и части 10 армии. Все перемешалось и валом катилось на восток...

...когда наша небольшая группа во второй половине дня 30 июня вышла к старой границе, здесь царил такой же хаос, как и на берегах Росси. Все перелески были забиты машинами, повозками, госпиталями, беженцами, разрозненными подразделениями и группами наших войск..." [83].

Но вот узнать – как и почему дошла наша армия до такого состояния – из мемуаров Гречаниченко трудно. Из его описания видно, как в первые дни войны его полк безостановочно и хаотично движется по лесным дорогам; в тексте мелькают названия безвестных польско-белорусских местечек: Сокулка, Крынки, Берестовицы, Сидра...

Первое соприкосновение с противником происходит только вечером 24-го:

„...в 21 час 24 июня эскадрон вошел в соприкосновение с противником в долине реки Бебжа южнее Сидры. Командир полка для поддержки головного отряда ввел в бой артиллерию. Противник не выдержал натиска и отошел за реку..." Здесь нет преувеличения. Именно в этот день, 24 июня, в дневнике Гальдера и появляется запись о „довольно серьезных осложнениях, возникших на фронте 8-го армейского корпуса, где крупные массы русской кавалерии атакуют западный фланг корпуса".

Кстати, об использовании кавалерии, да еще и среди белорусских болот, наши партийные „историки" рассуждали с горестным покачиванием головы, как о примере вопиющей отсталости Красной Армии и ее полной неготовности к ведению современной войны. Да вот незадача: в составе самой мощной, 2-й танковой группы вермахта, руководимой совсем даже не „отсталым" Гудерианом, тоже была кавалерийская дивизия! Причем поставил ее Гудериан почему-то на свой правый (южный то есть) фланг, в самую трясиину болот Полесья.

Уж как только не „боролись" с этой дивизией советские историки и мемуаристы! Болдин в своих воспоминаниях дошел до того, что поменял седла на парашюты и сообщил читателям о наличии в составе немецкой группы армий „Центр" не кавалерийской, а... „десантной" дивизии!

А ведь ларчик-то открывается очень просто.

Ни Гудериан, ни Павлов не собирались атаковать конной лавой по болоту. Лошадь в кавдивизиях Второй мировой войны выполняла роль **транспортного средства**, повышающего подвижность соединения (в сравнении с обычной пехотой) во много раз. А непосредственно в бой и немецкие, и советские кавалеристы шли, как правило, в пешем строю.

Конечно, никакая лошадь не может соревноваться с мотором в способности к непрерывному, многочасовому и многодневному движению. Поэтому, после того, как друг Рузвельт подарил товарищу Сталину без малого полмиллиона трехосных „студебекеров" с их фантастической надежностью и проходимостью, эра кавалерии в Красной Армии закончилась.

Хотя и не вдруг и не сразу. Так еще в июле 1944 г. в составе 1-го Украинского фронта для наступления на Львов-Сандомир были созданы две конно-механизированные группы под командованием генерал-лейтенантов С. В. Соколова и В. К. Баранова, и даже в освобождении Праги в мае 1945 г. приняли участие девять (!) кавалерийских дивизий. Ну а летом 1941 года ни у нас, ни у немцев еще не было достаточного количества автомашин повышенной проходимости, способных перемещать стрелковые подразделения по извилистым лесным дорогам вслед за наступающими танками, и наличие крупных сил кавалерии было **одним из значимых преимуществ** Красной Армии.

На практике эта очевидная „теория" выглядела так:

„...моторизованным соединениям предстояло в этот день продвигаться по холмистой песчаной местности, покрытой густым девственным лесом. Движение по ней (особенно автомашин французского производства) было почти невозможно... Машины все время застревали и останавливали всю следующую за ними колонну, так как возможность объезда на лесных дорогах полностью исключалась... Пехотинцы и артиллеристы вынуждены были все время вытаскивать застрявшие машины... Для командования было настоящим мучением видеть, как задыхаются его „подвижные" войска..."

Так командующий 3-ей танковой группы вермахта Г. Гот описывает в своих мемуарах события 23 июня 1941 г. За весь этот день, практически не вступая в бой, его моторизованные дивизии прошли не более 50-60 км.

„Расстояние в 75 километров мы прошли без привалов. В порядок маршевые колонны приводили себя на ходу. Было не до передыху. Уже к 17 часам 23 июня дивизия сконцентрировалась в лесном массиве в 2 километрах севернее Белостока... День клонился уже к вечеру, когда мы получили приказ двигаться далее в направлении Сокулки. Марш-бросок на 35 километров совершили быстро..."

А это - строки из воспоминаний Гречаниченко. Не трудно убедиться, что в лесной глухомани западной Белоруссии советская кавалерия по своей подвижности как минимум не уступала немецкой мотопехоте.

К тому же „конармейские наши клинки" давно уже перестали служить главным оружием красной кавалерии. Некоторое представление о структуре и вооружении кавкорпуса Красной Армии образца 1941 г. можно получить,

например, из мемуаров легендарного полководца Великой Отечественной генерала П. А. Белова (в первые месяцы войны он командовал 2-м кавкорпусом, развернутым на Южном фронте, в Молдавии):

„Для управления войсками имелся небольшой подвижный штаб, передвигавшийся верхом или на автомашине, авиазвено связи, дивизион связи и комендантский эскадрон. Тыловых учреждений в корпусе не было.

Каждая из двух кавалерийских дивизий состояла из четырех кавалерийских полков, танкового полка, артиллерийского дивизиона и 76-мм зенитно-артиллерийского дивизиона, эскадрона связи и саперного эскадрона с инженерно-переправочным парком.

В кавалерийском полку... имелись пулеметный эскадрон с 16 пулеметами на тачанках, батарея 76-мм облегченных полковых пушек и спецподразделения.

В танковом полку насчитывалось около 50 танков БТ и 10 броневых автомобилей.

В конно-артиллерийском дивизионе была батарея 120-мм гаубиц и три батареи 76-мм пушек.

ПВО корпуса составляли хорошо обученные 76-мм зенитные дивизионы кавалерийских дивизий и взводы счетверенных пулеметов в полках...

Согласитесь, на фоне этих фактов как-то совсем по-другому начинают восприниматься стенания наших профессиональных плакальщиков по поводу „неготовности Красной Армии к войне“...

Стоит отметить и то, что 6-ая кавдивизия, в составе которой воевал полк Гречаниченко, в сентябре 1939 входила в состав КМГ комкора Болдина и 22 сентября приняла из рук немцев „освобожденный“ Белосток, а вторая дивизия корпуса (36 кавалерийская) также участвовала в „освободительном походе“ в этих же местах: 19 сентября 36-я кавдивизия вместе с другими частями 3-й и 11-й армий штурмом взяла Вильно (Вильнюс).

А уж сколько наркомов и маршалов начинало свою военную карьеру в 6-й кавдивизии и в 6-ом кавкорпусе! Осенью 1919 г. командиром 6-й кд стал С. К. Тимошенко – будущий маршал, нарком обороны, дважды Герой Советского Союза.

В следующем, 1920 году помощником начштаба 6-й кд становится К. А. Мерецков – будущий маршал, Герой Советского Союза, начальник Генерального штаба РККА и заместитель наркома обороны в 1940-1941 гг.

В середине 30-х годов 6-м кавкорпусом командует Г. К. Жуков – будущий маршал, начальник Генерального штаба (после Мерецкова), четырежды Герой Советского Союза, а после смерти Сталина – министр обороны СССР.

Осенью 1939 г. 6-ой кавкорпус ведет в бой еще один будущий маршал – А. И. Еременко.

Начальником штаба артиллерийского полка в той же 6-й кавдивизии служил и будущий маршал К. С. Москаленко.

Даже с учетом „особой роли“ Первой конной в формировании высшего командного состава РККА нельзя назвать 6-ой кавкорпус иначе, как элитным соединением красной кавалерии. Остается только добавить, что начало войны с Германией этот незаурядный кавкорпус встретил в старинном польском городе Ломжа, т. е. прямо на границе с Германией!

Повторение – мать внушения. Коммунистические историки-пропагандисты столько тысяч раз рассказывали нам про то, как „накопивший двухлетний опыт ведения современной войны“ вермахт обрушился на „плохо подготовленные советские войска“, что в конце концов эта весьма спорная (точнее говоря – вздорная) гипотеза превратилась в непререкаемую аксиому. Но давайте попробуем воспользоваться головой и зададим ей простой вопрос: когда и где мог вермахт набраться этого самого „двухлетнего опыта ведения войны“?

Три недели боев в Польше, три-четыре недели активных боевых действий во Франции, неделя в Югославии. Вот и все. Даже чисто арифметически это **два месяца, а не два года!**

За исключением майских боев во Франции, вермахт имел дело с плохо вооруженным, малочисленным противником. Где же тут было набраться опыта танковой войны, войны машин и моторов? Менее ли значимым был опыт Халхин-Гола и трех месяцев финской войны? Да, у вермахта были еще ожесточенные бои при высадке в Норвегию, на Крите, в ливийской пустыне – но это все „бои местного значения“, в которых приняло участие всего три-четыре дивизии.

Разумеется, кадровые дивизии вермахта были обучены и подготовлены в лучших традициях прусской военщины. Но много ли их было – кадровых?

До начала Второй мировой войны Германия успела подготовить только **35 кадровых** пехотных дивизий. На их базе были сформированы так называемые „пехотные дивизии первой волны“ – элита вермахта. 22 июня 1941 г. в составе групп армий „Север“, „Центр“, „Юг“ таких дивизий было всего 24 – **одна пятая от общего количества** пехотных дивизий!

Теперь от этих общих соображений вернемся к трагической истории разгрома 6-й кавдивизии. Как мы уже знаем, дивизия эта – одна из лучших и старейших во всей Красной Армии. А какая подготовка, какой „двухлетний опыт ведения войны“ мог быть у противостоящих ей немецких пехотных дивизий с номерами 162 и 256? Обе созданы уже в ходе войны, обе после французской кампании отведены на восток, где и простояли в бездействии до 22 июня 1941 г. Да что уж говорить про немецкую пехоту, если даже в самой мощной танковой группе Гудериана из пяти танковых дивизий две (17-я и 18-я) были „новорожденными“. Первая из них была создана в октябре 1940 г. (т. е. уже после завершения боев в Польше и во Франции) на базе 27-ой ПЕХОТНОЙ дивизии, вторая – в том же месяце на базе 4-й и 14-й ПЕХОТНЫХ дивизий. В Балканской кампании эти дивизии не участвовали, так что 22 июня 41 г. стало для них первым днем войны...

Вернемся, однако, к мемуарам Гречаниченко:

„...25 июня немецкая артиллерия открыла массированный огонь на всю глубину боевого порядка полка. В воздухе на небольшой высоте непрерывно барражировала вражеская авиация... Уже в первые часы все наше тяжелое вооружение было выведено из строя, радиостанция разбита, связь полностью парализована. Полк нес тяжелые потери, был плотно прижат к земле, лишен возможности вести какие-либо активные действия. Погиб подполковник Н. Г. Петросянц.

Я принял на себя командование полком, а точнее – его остатками...”

Стоит отметить, что есть и несколько другие описания этих событий:

„...6-я кавалерийская дивизия с утра 25 июня в исходном районе для наступления (Маковляны, колхоз „Степановка“) подверглась сильной бомбардировке с воздуха, продолжавшейся до 12 часов дня. Кавалеристы были рассеяны и в беспорядке начали отходить в леса...” [8].

К концу дня 25 июня от всей 6-й кавдивизии остался отряд в 300 человек, который под командованием автора мемуаров и старшего лейтенанта (оцените воинское звание командира, принявшего на себя командование остатками полка!) Я. Гавронского из соседнего, 48-го, кавполка начинает безостановочный отход, практически не имея какого-либо соприкосновения с противником.

Вот и весь „краткий курс“ истории разгрома 6-ой кавдивизии.

Сильным и мужественным мужчинам свойственно быть добрыми и терпимыми к слабостям других людей. В. А. Гречаниченко – человек исключительного мужества. Именно ему командующий 3-й армией В. И. Кузнецов доверил 2 июля 1941 г. возглавить отряд прикрытия прорыва группы войск Западного фронта. Самому Владимиру Алексеевичу выйти из окружения не удалось, он стал партизаном и освобождение Белоруссии встретил в должности комиссара 1-ой Белорусской кавалерийской партизанской бригады.

Автор этой книги на звание мужественного мужчины не претендует. И у него, как у специалиста, знакомого с историей Второй мировой войны в ее конкретно-цифровом измерении, не может не вызвать недоумения размер потерь, понесенных 6-й кавдивизией. Практически за несколько часов артобстрела дивизия потеряла **более 90%** своего штатного состава! Разве могли **боевые потери** быть такими огромными?

Вскоре после окончания войны, в 1946 году „Воениздат“ выпустил книгу генерал-полковника Ф. А. Самсонова „Артиллерийское наступление“. Обобщая опыт боевых действий, автор приходит к средним „нормам“ в 150-200 орудий на 1 км фронта наступления и 50 тысяч снарядов калибра „выше среднего“ (122 мм) для подавления обороны пехотной дивизии. Это – в среднем. Фактически на завершающем этапе войны создавались гораздо большие плотности.

Одним из самых выдающихся примеров роли артиллерии при прорыве

вражеской обороны является Висло-Одерская операция Красной Армии (январь 1945 г.) Утром 12 января передний край обороны немецких войск был сметен массированным артогнем. Генерал Д. Д. Лелюшенко в своих воспоминаниях пишет:

„...лес был буквально как косой срезан осколками снарядов..., многие пленные были взяты в траншеях в неизменном состоянии, просто полусумасшедшими..., большинство солдат 574-го полка вермахта было убито или ранено...” [22].

Но для достижения такого результата советское командование создало в полосе прорыва чудовищную артиллерийскую плотность – **420 орудий на км фронта!** На каждом метре обороны немецких войск разорвалось (в среднем) по 15 снарядов крупного калибра. В полосе наступления 5-й Ударной армии за один час было израсходовано 23 килотонны боеприпасов – это мощность „хиросимской“ атомной бомбы [107, с. 96].

Ничего подобного в полосе наступления 20-го и 8-го корпусов вермахта в июне 41 г. не было и быть не могло. Полностью укомплектованная по штатам военного времени немецкая пехотная дивизия могла иметь на вооружении всего 74 пушки и гаубицы калибров 75-105 мм. В среднем на одну дивизию 20-го и 8-го корпусов приходилась полоса фронта в 15 км. Другими словами, переправив по понтонным мостам через Неман и Бебжу свои конные обозы с боеприпасами, немцы, даже с учетом привлечения корпусной артиллерии и разумного массирования средств на главных направлениях, могли располагать **максимум двумя десятками орудий на километр** фронта наступления с одним возимым боекомплектном снарядов.

Если бы такими огневыми средствами можно было уничтожать по одной дивизии за один день, то Вторая мировая не продолжалась бы шесть лет. Она бы закончилась за месяц – по причине полного взаимного истребления сторон...

2.4. Политдонесение политотдела

Столь же противоречивую и маловразумительную информацию имеем мы и об очень коротком боевом пути 11-го мехкорпуса. Тем не менее, то небольшое, что известно автору, позволяет предположить, что именно 11 МК – „слабое звено“ в составе КМГ Болдина – доставил немцам наибольшее беспокойство.

Любые упоминания об 11 МК в традиционной советской историографии сопровождаются горестными причитаниями:

„Укомплектован на 23% танками устаревших марок..., укомплектованность автотранспортом и тракторными тягачами составляла 15-20% от штатных норм..., укомплектованность офицерами – танкистами составляла 45-55% от штата...” Ну и так далее.

Все это – чистая правда. Вообще. Но перейдем к конкретным подробностям. Прежде всего заменим все эти „проценты неизвестно от чего“ абсолютными величинами.

Главное вооружение мехкорпуса – танки. В исторической литературе встречаются самые разные цифры: от 237 единиц [ВИЖ.– 1989.– No 4] до 414 [„1941 г.– уроки и выводы“]. Автор предлагает взять за основу цифру **331** – именно такое количество танков указано в документе, составленном непосредственными участниками событий. Речь идет об опубликованном в ВИЖ [1989.– No 9] „Политдонесении политотдела 11-го мехкорпуса Военному Совету Западного фронта от 15 июля 1941 г.“.

Обратите особое внимание, уважаемый читатель, на дату подписания документа. 15 июля 1941 года Павлов и его „подельники“ уже арестованы, но суд еще не состоялся. Оставшиеся на свободе командиры, имевшие прямое отношение к катастрофическому разгрому войск Красной Армии, со дня на день ждут „приглашения“ в расстрельный подвал. Это мы сегодня знаем, что поражение спишут на „внезапность нападения“ и „устаревшие

танки". Люди, на памяти которых был 1937 год, могли и должны были ожидать самого худшего, и это не могло не сказаться на духе и интонациях вышеупомянутого „политдонесения“, в котором нет ни капли „политики“, зато есть длинный перечень „уважительных причин“. Не нам судить комиссаров 1941 года, но принять во внимание эти обстоятельства для историка просто необходимо.

Танки в 11 МК, действительно, были самыми устаревшими: 242 танка Т-26, 18 огнеметных (не сказано на каком, но, возможно, на еще более древнем шасси), 44 танка БТ старой модификации (БТ-5). Новых танков – всего ничего: 24 средних Т-34 и 3 тяжелых КВ. К тому же „до 10-15% танков в поход не были взяты, так как они находились в ремонте“.

Итого: порядка **280 боеготовых танков**, из них почти все – легкие и устаревшие.

Может ли воевать танковое соединение, вооруженное таким „хламом“?

Генерал Болдин в своих мемуарах отвечает на этот вопрос как всегда ярко, коротко и образно: „Да и что можно требовать от Т-26? По воробьям из них стрелять...“ [80].

Имеем ли мы право не верить генералу, герою войны? Нет, не имеем. Мы видели Т-26 на картинке в журнале, а Болдин его видел на поле боя. Поэтому не будем (пока) умничать, а лучше продолжим чтение его (Болдина) мемуаров:

„...к вечеру 27 июня вышли на опушку леса. Видим недалеко три танка БТ-7... Увидев нас, танкисты поднялись. Старший доложил, что боеприпасов у каждой машины по комплекту, а горючего нет...“

И вот в этот самый момент:

„...проселочная дорога закурилась пылью, и на ней показалась вражеская колонна из 28 танков. Каждая минута дорога. Приказал танкистам открыть огонь. Наш удар оказался для гитлеровцев настолько неожиданным, что, пока они пришли в себя и открыли ответный огонь, мы уничтожили двенадцать (!!!) вражеских машин...“

Вдительный читатель, надеюсь, уже заметил подвох: БТ-7 это совсем не Т-26.

Да, танки разные, но пушка – одна и та же. И танк Т-26, и танки БТ-5/БТ-7, и пушечные бронев автомобили БА-10/БА-20 были вооружены одной и той же пушкой калибра 45 мм (в танковом варианте она называлась „20К образца 1932/38 года“). Более того, когда в 1933 году на Харьковском заводе No 183 им. Коминтерна (именно так назывался самый мощный танковый завод мира!) под пушку 20К разработали удачную конструкцию цилиндрической башни, то такой же башней в Ленинграде, на заводе No 174, стали комплектовать самую массовую модификацию танков Т-26.

Можно ли верить Болдину, который рассказывает об уничтожении 12-ти немецких танков за несколько минут огнем „антиворобьиных“ пушек 20К? Безусловно, можно.

Во-первых, потому что он видел это своими глазами.

Во-вторых, потому что это вполне соответствует тактико-техническим характеристикам наших пушек.

От „опушки леса“ до „проселочной дороги“ в лесных районах западной Белоруссии едва ли было более 500 метров. На такой дистанции стандартный бронебойный снаряд БР-240, выпущенный из пушки 20К, пробивал с вероятностью 80% броневую лист толщиной в 38 мм [93]. В июне 1941 года НИ ОДИН немецкий танк (включая так называемый „тяжелый танк“ Pz.IV самой последней серии F) не имел бортовой брони толще 30 мм, и, таким образом, фланговый огонь советских „сорокапятков“ был губителен для любого немецкого танка. Большую же часть танков вермахта – в общей сложности 65% состава четырех танковых групп – составляли Pz.I, Pz.II, Pz.38 (t) и Pz.III первых серий, имевшие лобовую броню не толще 30 мм, а бортовую – 15/20 мм. Такие танки наша 20 К могла бить и в лоб и в борт, „и в хвост и в гриву“, почти как воробьев...

Все познается в сравнении. Ума не приложу, почему советские „историки“ столько лет игнорировали это простейшее, очевидное правило?

Разумеется, 11 МК был слабым и „недоделанным“ – по сравнению, например, с 6-м мехкорпусом, в котором было 352 новейших КВ и Т-34, сотни БТ последней модификации и шесть тысяч автомашин.

Но воевать-то предстояло с немцами, а не со своими соседями по округу!

Вот с немцами, с их оснащённостью, с их вооружением, с их возможностями и надо сравнивать боевую мощь 11-го мехкорпуса.

В составе войск пяти западных военных округов было 20 мехкорпусов. Если исключить из этого перечня 17 МК и 20 МК, в которых было всего 63 и 94 танка соответственно (в Красной Армии про 94 танка говорили: „всего 94“), то остаётся **18 мехкорпусов**.

В составе сил вторжения вермахта было **17 танковых дивизий**. Вот с ними-то можно и нужно сравнивать наши мехкорпуса, в частности - 11 МК.

Выше мы уже отмечали, что немецкие танковые дивизии и корпуса не имели строго определённого состава. Поэтому возьмём для сравнения **самую крупную** танковую дивизию вермахта, какая только была на всем Восточном фронте. Это 7-я танковая под командованием генерал-майора фон Функа. Такое сравнение тем более уместно, что 7-я тд входила в состав той самой 3-й танковой группы вермахта, во фланг и тыл которой должна была бы нанести удар КМГ Болдина.

Главное вооружение танковой дивизии - танки. Их в 7-й тд вермахта было **265 единиц**.

А в нашем „неукомплектованном“ 11 МК - **331 танк**. Почему-то принято (среди советских пропагандистов принято) считать, что у немцев ничего никогда не ломалось, и число боеготовых танков всегда равнялось общему их числу. Даже если принять это абсурдное допущение, то и тогда 11 МК превосходил самую крупную танковую дивизию вермахта по количеству боеготовых танков.

Теперь от количества перейдём к качеству. На вооружении 7-й тд вермахта было:

- 53 танка Pz.II;
- 167 чешских танков Pz.38(t);
- 30 танков Pz.IV;
- 15 „командирских“ танков с пулеметным вооружением, из них 7 на базе Pz.38(t) [10].

Подробный сравнительный анализ тактико-технических характеристик советских и немецких танков начала войны приведен в Части 3 (там, где речь пойдет о встречном танковом сражении на Западной Украине). Пока же ограничимся только кратким указанием на то, что так называемый „тяжелый“ немецкий танк Pz.IV воистину „не шел ни в какое сравнение“ с нашим Т-34 и уж тем более - с монстром КВ.

Что же касается Pz.II и Pz.38(t), то это такой же хлам, как и наш устаревший Т-26. Маломощный бензиновый двигатель, узкие гусеницы, черепашня скорость (максимальная скорость по пересеченной местности у Pz.38(t) - всего 15 км/час, у Т-26 чуть больше - 18 км/час), тонкая противопульная броня. Разница только в том, что в отличие от сварных советских танков, броневые листы башни чешского Pz.38(t) были собраны на заклепках, головки которых при попадании вражеского снаряда отрывались и смертельно калечили экипаж. Именно танки Pz.38(t) понесли в Восточном походе самые большие потери - до начала 1942 г. не „дотянул“ ни один из тех 820 чешских танков, которые в июне 1941 г. перешли границу СССР.

Создается впечатление, что 11 МК и 7-я танковая дивизия вермахта обладали примерно равными (если не принимать во внимание наличие в 11 МК трех десятков новейших танков) боевыми возможностями. Нет, это поспешный и ошибочный по сути своей вывод.

11-й мехкорпус был значительно сильнее.

„Танк - это повозка для пушки“. В этом афоризме, авторство которого приписывается выдающемуся советскому конструктору артсистем Грабину, есть, конечно, доля преувеличения. Но совсем небольшая. Все параметры танка, какими бы важными они ни были сами по себе, вторичны по отношению к главному - вооружению. Танк создан не для езды и не для укрытия, а для уничтожения. Уничтожения огневых средств и живой силы, командных пунктов и узлов связи в тылу противника, разгрома транспортных колон и складов в оперативной глубине его обороны.

Так вот, для выполнения этих основных задач танковых войск 11 МК был

вооружен гораздо лучше, нежели 7-я тд вермахта. Под нашу танковую пушку 20К был разработан осколочно-фугасный снаряд весом в 1,4 кг. Это, конечно, очень легкий снарядик (в пять раз легче, чем у стандартной „трехдюймовки“), но все же какие-то цели на поле боя (пулеметное гнездо, минометная батарея, бревенчатый блиндаж) он мог поразить. А пушек 20К в составе 11-го мехкорпуса было: 286 на танках ВТ и Т-26 и еще 141 на пушечных бронеавтомобилях [78]. Всего **427 стволов**.

А на вооружении танков 7-й немецкой тд всего **167 танковых пушек** фирмы „Шкода“ А-7 (немецкое обозначение KwK-38). Это 37-мм пушка, и вес немецкого 37-мм осколочного снаряда (610 г) был в два раза меньше, чем у соответствующего снаряда советской 20К, что и обуславливало значительно меньшее поражающее действие по пехоте и укрытиям противника.

Что же касается легких немецких танкеток Pz.II, то снарядик установленной на них 20-мм пушки вообще не годился для борьбы с пехотой и артиллерией. Такой калибр – это калибр авиационных и самых легких зенитных орудий. Кстати, испытания советских авиапушек показали, что осколочно-фугасное действие 20-мм снарядов столь мало, что поразить незащищенную живую силу противника можно только при прямом попадании такого „снаряда“ в человека [84].

Разумеется, серьезная „работа“ по огневому подавлению противника должна была быть возложена не на легкие танки, а на входившую в состав танковых частей артиллерию. И вот тут-то главным образом и проявляется разница между советским мехКОРПУСОМ (пусть даже и недоукомплектованным) и немецкой ДИВИЗИЕЙ.

На вооружении артиллерийских полков (множественное число) 11 МК, не считая зенитной и противотанковой артиллерии, было:

- 16 гаубиц калибра 152-мм;
- 36 гаубиц калибра 122-мм ;
- 21 пушка калибра 76-мм [78].

А на вооружении одного-единственного артиллерийского полка немецкой танковой дивизии, полностью укомплектованной по штату осени 1940 г., могло быть только:

- 8 гаубиц калибра 150-мм;
- 24 гаубицы калибра 105-мм;
- 4 пушки калибра 105-мм.

Общий вывод очевиден: недоукомплектованный 11 МК по своей огневой мощи значительно превосходил самую крупную танковую дивизию немцев.

Наконец, в составе любого советского мехкорпуса было больше людей, нежели в любой немецкой танковой дивизии. Что и не удивительно: в корпусе три дивизии и множество отдельных корпусных частей. Конкретнее, в 11-м мехкорпусе по состоянию на 1 июня 1941 г. несло службу 21 605 человек личного состава, а максимальная штатная численность немецкой танковой дивизии была в полтора раза меньше. Причем, 21 605 человек было в 11 МК по состоянию на 1 июня 1941 г.

К 22 июня людей могло стать больше, так как в стране полным ходом шла скрытая мобилизация резервистов (всего на „большие учебные сборы“ до начала войны успели призвать 768 тыс. человек).

Единственное, в чем 11 МК уступал 7-й тд противника, так это в количестве автомашин, т. е. в способности мотопехоты, артиллерии и тыловых служб двигаться вслед за наступающим „танковым клином“. 15% от штатной численности – это „только“ 775 автомашин. Не густо. В два раза меньше, чем в полностью укомплектованной по штатным нормам танковой дивизии вермахта. И если бы 11-й мехкорпус действительно перешел в наступление от Гродно на Меркине-Алитус (70-90 км), как это было предписано приказом Павлова, то не обеспеченная транспортом „мотопехота“ неизбежно отстала. Бы...

Но в действительности никакого „тактического прорыва и превращение его в прорыв оперативный“ не было и в помине, гнаться за немцами не пришлось – они сами подошли к Гродно, и свой первый и последний бой 11 МК принял практически в районе довоенной дислокации.

В такой ситуации нехватка автомашин не могла быть столь фатальной. Более того, из вышеупомянутого „политдонесения“ мы узнаем, что на рассвете 22 июня командование корпуса приняло абсолютно верное решение:

„...по боевой тревоге все части вывели весь личный состав, имеющий вооружение и могущий драться, что составило 50-60 проц. всего состава, а остальной состав был оставлен в районе дислокации частей... Ввиду необеспеченности автотранспортом 204 мсд 1-й эшелон из района Волковыск (82 км по шоссе до Гродно) перебросила на автомашинах, а последующие перебрасывались комбинированным маршем. Через 7 часов (29-я тд через 3 часа и 33 тд - через 4 часа) после объявления боевой тревоги части корпуса заняли район сосредоточения..."

В дальнейшем мы увидим, что именно так - по принципу „лучше меньше, да лучше" - действовали Рокоссовский (9 МК), Фекленко (19 МК), Лелюшенко (21 МК), свернувшие свои неукмплектованные корпуса фактически в одну полноценную танковую дивизию.

Таким образом, выясняется, что советские историки были совершенно правы. Никакого „мехкорпуса" в районе Гродно не было. Под названием „11-й мехкорпус" к 10 часам утра 22 июня 1941 г. южнее Гродно сосредоточилась **дивизия легких танков**, по всем цифровым параметрам **превосходящая самую крупную танковую дивизию вермахта**.

Самая крупная 7-я танковая дивизия вермахта наделала много бед. Очень подробно, истинно „по-немецки" написанные мемуары командующего 3-й танковой группы Г. Гота [13] позволяют в деталях проследить боевой путь 7-й тд в первые дни и недели войны.

К полудню 22 июня захвачены мосты через Неман у Алитуса (45 км от границы), рано утром 23 июня в „исключительно тяжелом танковом бою" разгромлена подошедшая к Алитусу 5-я советская танковая дивизия (3-й мехкорпус), в полдень 23 июня „танковый полк 7-й тд вышел на дорогу Лида-Вильнюс (75 км восточнее Алитуса), колесные машины дивизии остались далеко позади" (но что примечательно - автор мемуаров вовсе не делает из этого вывод о том, что дивизия потеряла всякую боеспособность и пригодна только для охоты на воробьев), рано утром 24 июня „7-я тд после небольшого боя овладела городом Вильнюс..., танковый полк дивизии продолжал продвигаться на Михалишки (Михалишки - это уже Белоруссия, и уже 180 км к востоку от границы), далее „7-я тд, следовавшая в голове 39-го корпуса... почти без боя вышла 26 июня к автостраде Минск-Москва в районе Смолевичи" (это уже 30 км к востоку от Минска). Таким образом, за **пять дней дивизия прошла 350 км** по лесным дорогам Литвы и Белоруссии.

Затем 7-я тд, потерпев неудачу при попытке форсировать Березину у города Борисов, ушла на северо-восток, через Лепель к Витебску. 5 июля в районе Бешенковичи (175 км от Минска) 7-я тд „наткнулась" на подошедший из Московского военного округа полнокомплектный 7 МК (это тот самый мехкорпус, в составе которого воевал и попал в плен сын Сталина). Разгромив и отбросив к югу советский мехкорпус, 7-я и 20-я тд форсировали Западную Двину между Бешенковичами и Уллой, к 10 июля полностью овладели Витебском, после чего их дороги снова разошлись: 20-я тд ушла на северо-восток, к Велижу, а 7-я тд через Демидов во второй раз вышла на автостраду No 1, на этот раз в районе Ярцева (50 км восточнее Смоленска), преодолев таким образом **две трети расстояния от границы до Москвы**.

Три месяца спустя, 6 октября 1941 г., именно 7-я танковая в районе Вязьмы в третий раз вышла на автостраду No 1, замкнув таким образом кольцо окружения самого большого за всю войну „вяземского котла". Затем, в ходе кровопролитного московского сражения, 7-я тд прошла еще 245 км на восток, до Яхромы (45 км к северу от МКАД). Только там, у канала Волга-Москва она была (если верить знаменитому сообщению Совинформбюро от 13 декабря 1941 г.) разбита войсками 1-ой Ударной армии. Правда, по немецким данным, 7-я танковая воевала на восточном и западном фронтах еще до 1943 г.

Вывод: дивизия легких танков, оказывается, **может воевать**, может наступать, может вести успешный бой и с пехотой, и с танками противника, может форсировать полноводные реки и брать штурмом большие города. Извините за назойливость, но автор считает полезным еще раз напомнить, что весь этот путь 7-я тд вермахта прошла на легких чешских танках и трофейных грузовиках, которые на наших „дорогах" из средства передвижения мотопехоты превращались в предмет для толкания.

Уже за первые три недели войны 7-я тд прошла 700 км (считая по прямой) от границы до Ярцево, т. е. чуть больше расстояния от Гродно до Берлина.

Дошел ли до Берлина 11-й мехкорпус?

И ведь что странно - коммунистические историки неизменно **считали естественным, неизбежным и единственно возможным и то, и другое:** и то, что 7-я немецкая танковая дивизия уже 15 июля была у Ярцево, и то, что превосходящий ее по всем параметрам 11 МК закончил свое существование за три дня боев у Гродно.

Уважаемый читатель, я полностью разделяю Ваше возмущение тем, как написана эта глава. Длинное предисловие, длинный перечень танков и пушек, пространные рассуждения...

Где же обещанное „детальное описание“ контрударов?

Нету его. Одно из трех: или автор поленился хорошо поискать, или документы не сохранились, или никакого контрудара 11-го мехкорпуса, по большому счету, и не было. За неимением чего-то большего, вернемся к „политдонесению политотдела“. Весь ход боевых действий 11 МК описан в нем дословно так:

„...с момента налета немецких самолетов на Волковыск в 4-00 22.06 связи со штабом 3-й армии и штабом округа не было, и части корпуса выступили самостоятельно в район Гродно, Сокулка, Индур согласно разработанному плану прикрытия... (Многоточием мы заменили частности, к боевым действиям корпуса не относящиеся).

В связи с отходом стрелковых частей 4 ск вся тяжесть боевых действий легла на части 11 МК как по прикрытию отхода частей 4 ск, так и задержке продвижения немцев; мотострелковый полк 29 тд по приказу командарма-3 находился в его резерве по борьбе с авиадесантами в районе Гродно, и дивизия вела бой без пехоты и артиллерии, неся особенно большие потери от противотанковой артиллерии противника.

В течение 22 и 23.06 части корпуса вели бой на фронте Конюхи, Новый Двор, Домброво. Под давлением противника к 24.06 части корпуса отошли на фронт Гродно (Фолеш), Кузница, Сокулка, удерживая фронт западнее шоссе Гродно и жд Гродно-Белосток (30-70 км от границы).

В связи с быстрым отходом на восток от Гродно частей, действовавших севернее реки Неман, противник пытался форсировать реку Неман с выходом частям корпуса в тыл. Но все попытки немцев форсировать реку Неман были отбиты. Для удержания продвижения противника приказом армии было выброшено 26.06 два мотобатальона 204 мд через Лунно на рубеж реки Котры. 1-й стрелковый батальон по приказу командира корпуса был выброшен для удержания моста у Лунна (30 км к юго-востоку от Гродно).

Понесенные большие потери за время боев с 22 до 26.06 как личного состава, так и матчасти делали корпус малобоеспособным. В танковых дивизиях оставалось не более 300-400 человек (т. е. не более 5% от первоначальной численности личного состава.- Прим. авт.), а в моторизованной дивизии - по одному неполному батальону в полку, танков - до 30 шт. и до 20 бронемашин. Все небольшие тылы дивизий были сожжены или расстреляны авиацией противника, которая гонялась буквально за отдельными машинами.

Заместитель командира 11-го корпуса по политической части полковой комиссар Андреев".

Вот и все, что смог рассказать про гибель корпуса комиссар Андреев. Может быть, он и сам не все знал. Так, в мемуарах Г. Гота встречается упоминание о том, что 25-28 июня немецкая 19-я тд в районе Вороново-Трабы (120 км к северо-востоку от Гродно) „постоянно подвергалась атакам противника при поддержке 50-тонных танков... до 28 июня она отражала атаки с южного направления“. Скорее всего, это были танки КВ из состава 29-й тд, неизвестные экипажи которых уже после разгрома 11-го мехкорпуса продолжали свою войну...

Прежде всего, обратим внимание на то, чего в „политдонесении“ нет.

Во-первых, в нем нет даже малейшего подтверждения бредовых видений В. Суворова о том, как „советских танкистов перестреляли еще до того, как они добежали до своих танков, а танки сожгли или захватили без экипажей“. В момент пресловутого „внезапного нападения“ командира 11 МК, даже не имея связи (!) с вышестоящими штабами, просто достали из сейфов „красные пакеты“ с планами прикрытия и, как можно судить по документу,

практически без потерь вышли в предназначенные им районы развертывания.

Во-вторых, в тексте нет никаких внятных сведений о противнике, в боях с которым корпус за 4 дня потерял 9/10 личного состава и техники. Но и в этом аспекте комиссар Андреев оказался гораздо порядочнее позднейших историков и мемуаристов, которые наполнили свои макулатурные книжки описаниями каких-то „встречных боев с тяжелыми немецкими танками“, якобы имевшими место быть у Гродно.

В-третьих, командование 11 МК, похоже, ничего не знало ни о существовании КМГ Болдина, ни о том, что в нескольких десятках километров к югу от Гродно должен был действовать огромный и могучий 6-й мехкорпус.

Теперь о том, что в „политдонесении“ есть.

Плохо скрытые претензии к пехоте 4-го СК, которая открыла фронт и тем самым вынудила 11-й мехкорпус заниматься несвойственным ему делом по „прикрытию отхода“ и „задержке продвижения немцев“, скорее всего справедливы. В протоколе допроса Павлова читаем:

„...во второй половине дня 22 июня Кузнецов (командующий 3-й Армии) с дрожью в голосе заявил, что от 56-й стрелковой дивизии (одна из трех дивизий 4 СК) остался только номер...“ [67].

В донесении отдела разведки штаба 9-й немецкой армии (23 июня, 17 ч. 40 мин.) к числу „разбитых или не представляющих никакой боевой мощи соединений“ отнесены уже две из трех дивизий 4 СК: 56-я и 85-я [ВИЖ.- 1989.- No 7].

Наконец, 29 июня 1941 г. сдался в плен и сам командир 4-го стрелкового корпуса генерал-майор Егоров (в плену активно сотрудничал с немцами, расстрелян по приговору Верховного суда 15 июня 1950 г., не реабилитирован по сей день) [20, 124].

То, что 11-й мехкорпус понес „особенно большие потери от противотанковой артиллерии противника“, также подтверждается немецкими документами. В вышеупомянутом донесении разведотдела штаба 9-й армии вермахта читаем:

„...на участке Гродно контратаковали сильные танковые группы (29-я танковая дивизия и другие части)... 22 июня подбито 180 танков, из них только 8-я пехотная дивизия в боях за Гродно уничтожила 80 танков“.

Так как ни одно соединение 6-го мехкорпуса в боях 22 июня не участвовало, то это сообщение может относиться только к боевым действиям 11 МК. Теоретически такие потери возможны. 8-я пехотная – это кадровая дивизия вермахта „первой волны“, воевала она с первых дней Второй мировой, и стоявшие на ее вооружении 37-мм противотанковые пушки могли пробивать броню наших легких танков на дистанции в полтора километра. Теоретически.

Другое дело, всегда ли можно верить таким донесениям о потерях противника?

Все познается в сравнении. Одним из самых ярких, навсегда вошедшим в историю эпизодом сражения в Белоруссии, были бои на северных подступах к Минску, где на пути 39-го танкового корпуса вермахта встали 100-я и 64-я стрелковые дивизии 13-й Армии. Трое суток, в обстановке общего развала и хаоса, они сдерживали натиск врага. За мужество и массовый героизм, проявленные в этих боях, дивизии первыми в Красной Армии получили звание гвардейских (они стали, соответственно, 1-й и 7-й гвардейскими дивизиями). Так вот, в докладе о боевых действиях дивизии, который подписал 30 июня командир 100-й сд генерал-майор Руссиянов, было сказано, что дивизия уничтожила 101 (сто один) танк из состава 7-й немецкой танковой дивизии.

Да, той самой, которая по мнению Гота „почти без боя вышла 26 июня к автостраде Минск-Москва в районе Смоленичи“. Скорее всего, Руссиянов допустил неточность, а в действительности и его дивизия, и соседние 161-я и 64-я сд, вели бой с 20-й тд вермахта (про которую Гот пишет, что она „была вынуждена с тяжелыми боями прорываться через линию укреплений“.

Для справки: перед началом войны в 20-й тд числилось 229 танков, в том числе 121 чешский Pz.38(t), 31 немецкий Pz.II и даже 44 допотопные танкетки Pz.I с пулеметным вооружением и двигателем в 60 л. с. (вообще надо признать, что в танковой группе Гота был собран отборный хлам).

Что было написано в докладах командиров 64-й и 161-й дивизий, автор, к сожалению, не знает, но в мемуарах генерала армии С. П. Иванова (в те дни – замначштаба 13-й Армии) упомянуты десятки немецких танков, якобы

уничтоженных бойцами 64-й дивизии [45]. Тем не менее, ни 20-я, ни 7-я тд вермахта после июньских боев у Минска не исчезли, и говорить об их разгроме было еще очень и очень рано. Вот почему автор считает, что и к донесениям командиров немецких пехотных дивизий о том, как они за один день уничтожили 180 советских танков, надо подходить с разумным скептицизмом. Танки 11-го мехкорпуса были, конечно, потеряны, но не факт, что немецкие артиллеристы имеют право занести это на свой счет.

Завершая такое, очень невнятное, описание боевых действий 11-го мехкорпуса, отметим только два бесспорных факта:

- противнику пришлось заметить удар 11 МК;
- попытка перейти в наступление закончилась полным разгромом корпуса, потерей всей техники, большей части рядового и командного состава. 14 июля 41 г. южнее Бобруйска из окружения вышла лишь группа в несколько сот человек во главе с командиром 11 МК генерал-майором Мостовенко.

2.5. Доклад С. В. Борзилова

К счастью для историков, чуть лучше освещен боевой путь 6-го мехкорпуса. В недрах „архивного ГУЛАГа“ сохранился доклад командира 7-й танковой дивизии (6 МК) генерал-майора С. В. Борзилова в Главное автобронетанковое управление РККА от 4 августа 1941 г. [ВИЖ.- 1988.- No 11].

Об авторе этого документа необходимо сказать отдельно хотя бы несколько слов. Семен Васильевич Борзилов к началу советско-германской войны мог по праву считаться одним из наиболее опытных и прославленных танковых командиров Красной Армии. Во время финской войны комбриг Борзилов командовал той самой 20-й тяжелой танковой бригадой, которая прорвала „линию Маннергейма“ в районе „высоты 65,5“ (см. Часть 1). Командование Красной Армии высоко оценило роль 20-й танковой бригады и ее командира. Звания Героя Советского Союза были удостоены 21 танкист, в том числе и сам Борзилов.

К несомненной заслуге командира 20-й тб следует отнести и очень малые потери, понесенные личным составом вверенной ему части. За три месяца боев в тяжелейших природно-климатических условиях его бригада потеряла 169 человек убитыми и 338 ранеными [8]. Всего ничего – в сравнении с тем, что общие потери Красной Армии в той позорной сталинской авантюре превысили 330 тысяч человек [35].

Доклад Борзилова, несмотря на малый объем, содержит столько ценнейшей информации, что его стоит процитировать очень подробно:

„...на 22 июня 1941 года дивизия была укомплектована в личном составе: рядовым на 98 проц., младшим начсоставом на 60 проц., и командным составом на 80 проц. Материальной частью: тяжелые танки – 51, средние танки – 150, БТ-5/7 – 125, Т-26 – 42 единицы (таким образом, в одной только дивизии Борзилова было двести новейших танков Т-34 и КВ с противоснарядным бронированием), ...части дивизии находились в основном районе дислокации м. Хоро-Новоселки-Жолтки и готовились к учению на 23 июня 1941 года, которое должно было проводиться штабом армии (еще одно свидетельство того, что в конце июня 1941 г. в Западном Особом военном округе, уже официально преобразованном решением Политбюро ЦК от 21 июня 1941 г. в Западный фронт, готовились к крупной „игре“. Из других документов известно, что незадолго до начала этой „игры“ в танки мехкорпусов Западного ОВО были загружены снаряды, усилена охрана парков и складов. Было приказано „все делать без шумихи, никому об этом не говорить, учебу продолжать по плану“):

...22 июня в 2 часа был получен пароль через делегата связи о боевой тревоге со вскрытием „Красного пакета“ (еще одно подтверждение того, что боевая тревога на Западном фронте была объявлена ДО „внезапного нападения“. То же самое время получения приказа о вскрытии „красного пакета“ с оперативным планом – 2 часа ночи 22 июня – содержится и в

воспоминаниях командира 86 сд 10-й армии Западного фронта полковника Зашибалова), ...через 10 минут частям дивизии была объявлена боевая тревога и в 4 часа 30 мин. части дивизии сосредоточились на сборном пункте по боевой тревоге..., в 22 часа 22 июня дивизия получила приказ о переходе в новый район сосредоточения – ст. Валпа и последующую задачу: уничтожить танковую дивизию, прорвавшуюся в район Белостока... Дивизия, выполняя приказ, столкнулась с созданными на всех дорогах пробками из-за беспорядочного отступления тылов армии из Белостока... Дивизия, находясь на марше и в районе сосредоточения с 4 до 9 часов и с 11 до 14 часов 23 июня, все время находилась под ударами авиации противника. За период марша и нахождения в районе сосредоточения до 14 часов дивизия имела потери: подбито танков – 63, разбиты все тылы полков... (Сопоставимые потери понесла и 4-я танковая дивизия 6-го МК. В одном из немногих уцелевших донесений ее командира Потатурчева сказано, что к 18.00 24 июня дивизия сосредоточилась в районе Лебежаны, Новая Мышь, имея потери до 20-26%, главным образом за счет легких танков; тяжелые танки КВ, как указано в донесении, выдерживали даже прямые попадания авиабомб) [8].

...танковой дивизии противника не оказалось в районе Бельска, благодаря чему дивизия не была использована (в переводе с русского на русский это означает, что весь первый день войны дивизия просто бездействовала. На второй день она была направлена командующим 10-й армии Голубевым, вследствие панических донесений его подчиненных, на юг к Бельску, т. е. в прямо противоположном от Гродно направлении. Никаких танковых частей противника в полосе 10-й армии просто не было, потому и найти их Борзилов не смог. Это, однако, не помешало Болдину даже в его послевоенных мемуарах упомянуть „большое количество танков“, атаковавших южный фланг 10-й армии).

...24-25 июня дивизия, выполняя приказ командира корпуса и маршала т. Кулика, наносила удар с рубежа Старое Дубно- Кузница на Гродно (вот, наконец, и **первое упоминание** об участии 7-й тд в запланированном контрударе на Гродно), где было уничтожено до двух батальонов пехоты и до двух артиллерийских батарей противника, при этом части дивизии потеряли танков 18 штук сторевшими и завязшими в болотах...

(На этом и **заканчивается** описание контрудара 6-го мехкорпуса. Дальше начинается описание разгрома).

...к исходу дня 25 июня был получен приказ командира корпуса на отход за р. Свислочь. (Этот приказ, вероятно последний в своей жизни, Хацкилевич отдал, выполняя распоряжение командующего Западным фронтом Павлова, который 25 июня в 16 часов 45 минут приказал: „немедленно прервите бой и форсированным маршем, следуя ночью и днем, сосредоточьтесь в Слоним. О начале движения утром 26 и об окончании марша донесите. Радируйте о состоянии горючего и боеприпасов“. В свою очередь, Павлов принял такое решение на основании директивы Ставки и ее представителя в штабе Западного фронта маршала Шапошникова об отводе всех войск фронта на линию реки Щара, т. е. на 100-150 км на восток. Правду сказать, из дальнейшего становится очевидно, что приказ об отходе лишь „узаконил“ начавшееся беспорядочное бегство).

...По предварительным данным, 4-я тд 6-го мехкорпуса в ночь на 26 июня отошла за р. Свислочь, в результате чего был открыт фланг 36-й кавалерийской дивизии... В 21 час. 26 июня части 36-й кд и 29-й мотострелковой дивизии (6-го мехкорпуса) беспорядочно начали отход. Мног были приняты меры для восстановления положения, но это успеха не имело.

Я отдал приказ прикрывать отходящие части 29 мсд и 36 кд (здесь как видим, Борзилов дословно повторяет политдонесение 11-го мехкорпуса) и в районе м. Кринки сделал вторую попытку задержать отходящие части, где удалось задержать 128 мсп (это не вражеский, это наш полк из состава 6-го мехкорпуса все пытается задержать Борзилов) и в ночь на 27 июня переправился через р. Свислочь восточнее м. Кринки, что стало началом **общего беспорядочного отступления...**

...29 июня в 11 часов с остатками матчасти (3 машины) и отрядом пехоты и конницы подошел в леса восточнее Слонима, где вел бой 29 и 30 июня. 30 июня в 22 часа двинулся с отрядом в леса и далее в Пинские болота по маршруту Гомель-Вязьма...

...материальная часть вся оставлена на территории, занятой противником,

от Белостока до Слонима. Оставляемая матчасть приводилась в негодность. Материальная часть оставлена по причине отсутствия ГСМ и ремфонда..."

Да уж... Переведем дыхание и попытаемся для начала подвести самые простые, т. е. арифметические, итоги.

К началу боевых действий в 7-й тд было **368 танков**. Пресловутое „внезапное нападение" никакого ущерба дивизии Борзилова не нанесло. Еще до начала первых авианалетов дивизия покинула место постоянной дислокации и никаких ощутимых потерь 22 июня не понесла. В ходе наступательного боя 24-25 июня дивизия **потеряла только 18 танков**, да и то не все они были подбиты немецкой противотанковой артиллерией – несколько машин, как пишет комдив, просто увязли в болотах.

Борзилов в своем докладе не уточняет, какие именно танки были потеряны. Тем не менее, зная возможности противотанковой артиллерии немецких пехотных дивизий, можно с высокой достоверностью предположить, что основная ударная сила дивизии – новейшие танки Т-34 и КВ – остались в строю (на 90-мм броне тяжелого танка КВ снаряды **любых** немецких противотанковых пушек могли оставить только более или менее заметные вмятины).

Даже с учетом того, что 63 танка были потеряны на марше, к утру 26 июня – т. е. к началу разгрома – в 7-й танковой должно было оставаться ни много ни мало – **287 танков**. Ни одна из семнадцати танковых дивизий вермахта не имела 22 июня 1941 г. в своем составе такого количества танков (в среднем на одну дивизию приходилось по 192 танка, а в пяти дивизиях 1-й танковой группы Клейста числилось от 143 до 149 танков), ни одна не имела танков такого качества, как Т-34 и КВ, которых в дивизии Борзилова были сотни!

И уже через три дня отступления, практически без соприкосновения с противником (да и не могла немецкая пехота, при всем желании догнать отступающую моторизованную армию), ото всей 7-й танковой дивизии остается „отряд пехоты с тремя танками".

Что это – фантастика? Или просто история панического бегства деморализованной толпы, сметавшей на своем пути даже тех, кто пытался ее остановить?

Впрочем, в докладе Борзилова указаны и две объективные (на первый взгляд) причины разгрома дивизии и потери всей матчасти: **отсутствие ГСМ и беспрерывные удары авиации противника**.

В мемуарах Болдина, как помните, названы и причины, по которым его войска остались без горючего: немецкая авиация сожгла все склады и разбомбила все железнодорожные эшелоны с топливом.

Казалось бы – о чем тут еще спорить? Нет горючего – нет и боеспособного мехкорпуса. Но не будем спешить с выводами, а лучше зададим себе два простых вопроса.

Сколько складов с ГСМ на территории Белоруссии было в распоряжении танковых групп Гота и Гудериана в июне 1941 г.? Логичный ответ: если немецкая же авиация разбомбила все склады, то ни одного. Есть и правильный ответ – до одной трети всего потребляемого бензина немцы взяли со „сторевших складов" Западного фронта! [40].

Сколько эшелонов с горючим поступило в распоряжение немецких танковых дивизий в июне 1941 г.? Даже не открывая ни одного справочника, можно дать точный ответ: ни одного. Дело в том, что немецкие вагоны по нашей широкой колее не ходят, а „перешивка" на узкую европейскую колею в июне 41 г. еще и не начиналась.

И тем не менее, уже к концу июня 2-я танковая группа вермахта вышла к Бобруйску (500 км от района исходного развертывания), а 3-я танковая группа прошла 450 км по маршруту Сувалки-Вильнюс-Минск-Борисов. При этом ни Гот, ни Гудериан ни единым словом не упоминают в своих мемуарах о каких-либо проблемах с обеспечением частей горючим! И это при том, что запас хода немецких танков был в полтора – два раза меньше, чем у наших Т-34 и БТ.

А удивляться тут совершенно нечему. Танки в глубокой наступательной операции **заправляются не на „складах", и уж тем более – не из железнодорожных цистерн**.

„...Я оглашу очень маленькую справку. Всего, чтобы боевые машины обеспечить на 500 км марша, нужно для заправки 1200 т горючего. Исходя из этой нормы, на сутки боевой работы при марше в 125 км, обеспечение боевых

машин на сутки потребует 300 т...

...во всяком случае горючего должно браться столько, чтобы полностью обеспечить выполнение двух-, четырехдневной работы и поставленной задачи... Кроме полной заправки в машинах, мы рекомендуем на каждую машину в бидонах и бачках брать не менее ползаправки...

...нечего стесняться и брать на верх танка бидоны и бочонки. Если мы раньше боялись, что бидоны с бензином при попадании зажигательных пуль будут загораться, то теперь дизельное топливо не горит и зажечь его невозможно никакой зажигательной пулей... Это дает нам право положить некоторую толику дизельного топлива в танки и иметь возможность наиболее продуктивно питать себя горючим..." [14].

Это не запоздалые советы дилетанта. Это цитата из многократно упомянутого нами доклада Павлова на декабрьском (1940 г.) Совещании. Цифра в 1 200 тонн не покажется нам такой огромной, если вспомнить, что по штату мехкорпусу полагалось иметь в своем составе 5 165 автомашин разного назначения, в том числе - по 139 топливных автоцистерн в каждой из двух танковых дивизий.

Павлов предлагал брать при вводе мехкорпуса в прорыв горючее в расчете на 2-3 полные заправки танков. Это вызвало справедливые возражения. Генерал-майор Куркин (в то время - командир 5-й танковой дивизии, а в начале войны - командир 3 МК Северо-Западного фронта) позволил себе возразить генералу армии:

" Это не наша творческая мысль, а приказ Народного комиссара так решил вопрос, что мы сейчас будем иметь 4-5 заправок горючего на колесных машинах..."

То есть не на складах, а непосредственно в походных колоннах!

А теперь переведем эти самые "заправки" в более понятные каждому километры.

Самый устаревший из имевшихся в дивизии Борзилова танк Т-26 имел запас хода на одной заправке равный 170 км. Самый мощный и современный КВ - те же самые 180 км (тяжело таскать 50 тонн стали). Скоростные БТ и средние Т-34 имели запас хода примерно по 300 километров.

Уточним: это минимальные цифры и относятся они к движению танков по пересеченной местности. При движении по дорогам запас хода возрастает в полтора-два раза.

Таким образом, даже две "заправки" - это уже 350-500 км пути. А на пяти "заправках" корпус Куркина по хорошим европейским дорогам мог дойти до Парижа (всего-то 1 600 км от Каунаса).

Вернемся, однако, от планов Великого Похода к трагической реальности. По замыслу командования, 6 МК должен был нанести удар от Белостока на Гродно с выходом к исходу дня 24 июня в район переправ через Неман у Меркине-Друскиникай. Это 120 км по прямой. Даже с учетом боевого маневрирования эту задачу можно было выполнить вообще **нигде ни разу не заправляясь**, только за счет того горючего, которое было в баках танков.

Фактически, 7-я танковая дивизия, беспорядочно кружась по маршруту Белосток-Валпа-Сокулка-Волковыск-Слоним, прошла никак не более **250 км**. Главным образом - по дорогам, а вовсе не по лесам и болотам. Бросить при этом всю технику *"по причине отсутствия ГСМ"* можно было бы только при одновременном сочетании следующих двух неблагоприятных условий:

- до 10 часов вечера 22 июня (т. е. до начала марша) танки все еще не были заправлены горючим "под пробку" и вышли на марш с полупустыми баками;

- топлива в округе, 10-й армии и в мехкорпусе просто не было или все его запасы на окружных складах и в тылах дивизии уничтожила вездесущая немецкая авиация.

Могут ли соответствовать действительности такие предположения?

Начнем с первого. В соответствии с "Планом действий войск по прикрытию отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск округа", утвержденным Павловым в начале июня 1941 г., *"...потребность в горючем обеспечивается за счет: двух заправок, хранящихся в частях (одна в баках машин, вторая в таре), трех заправок для боевых машин и шести заправок для транспортных, хранящихся на окружных складах"* [ВИЖ.- 1996.- № 3].

Конечно, не все приказы исполняются точно и в срок, бывают и случаи

преступного разгильдяйства, но едва ли это могло относиться к Борзилову, бригада которого еще в финскую войну была отмечена за образцовую организацию службы материально-технического обеспечения [8].

Теперь о наличии горючего на окружных складах. Из уже упомянутого „Плана прикрытия...“ мы узнаем, что в районе несостоявшегося контрудара КМГ Болдина, в треугольнике Белосток- Гродно-Волковыск, находилось 12 (двенадцать) стационарных складов горючего.

Конкретно: NoNo 920, 922, 923, 924, 1018, 1019, 1040, 1044 в полосе 10-й армии и 919, 929, 1020, 1033 в районе дислокации 11-го мехкорпуса (Гродно-Мосты-Волковыск).

Расстояния между этими складами не превышали 60-80 км. Даже для ветхой „полупушки“ это не более двух часов езды.

Но, может быть, склады-то были, а бензина на них и не было?

Еще в самые что ни на есть „застойные годы“ Военно-исторический журнал, издаваемый Министерством обороны СССР, сообщал читателям, что:

„...к 29 июня на территории Белоруссии, занятой противником, осталось более 60 окружных складов, в том числе ... 25 складов горючего... Общие потери к этому времени составили: боеприпасов - свыше 2 000 вагонов (30% всех запасов фронта), горючего - более 50 000 т (50% запасов)...“ [ВИЖ.- 1966.- No 8].

Известный психологический парадокс заключается в том, что стакан со 100 мл жидкости одни люди называют „полупустым“, а другие - „наполовину полным“. Коммунистические же „историки“ (в отличие от просто людей) всегда говорили и писали о потерянных „50% запаса горючего“, но никогда не обращали внимание доверчивых читателей на то, что даже 29 июня в распоряжении войск Западного фронта все еще оставалась половина предвоенных запасов горючего, т. е. порядка 50 000 тонн бензина и солярки.

Это по меньшей мере **в десять раз превышало потребность** в горючем для четырех полностью укомплектованных мехкорпусов **на 500 км марша** (см. выше).

Но четырех полностью укомплектованных мехкорпусов (т. е. 4 000 танков) в округе не было даже и 22 июня. По разным источникам, количество танков, находившихся в составе войск ЗапОВО к началу войны, не превышало 2 500 единиц. К 29 июня 1941 г. число „потребителей“ топлива в округе катастрофически уменьшилось. Как же им могло не хватить 50 000 тонн горючего?

Но если проблемы с горючим еще можно как-то объяснить многодневными хаотичными маршами по дорогам, запруженным беженцами и беглецами, то как же КМГ Болдина, **так и не вступившая в бой с главными силами противника**, могла остаться без боеприпасов?

Минимальный боекомплект танка БТ - 132 снаряда, 147 снарядов в танке Т-26, 116 снарядов в КВ, 77 снарядов в „тридцатьчетверке“.

Совокупный боезапас танков 6-го мехкорпуса составлял порядка **105 тысяч снарядов**.

Это - минимум, и это **только в танках**. А еще в корпусе было 229 пушечных броневых автомобилей и 335 „стволов“ пушек, гаубиц и минометов различных калибров [78]. Если бы все это на самом деле обрушилось в течение двух дней на две пехотные дивизии вермахта, то вряд ли они смогли бы после этого куда-то наступать. С темпом 20-30 км в день.

Впрочем, если бы даже ста тысяч снарядов не хватило для того, чтобы, по крайней мере, затормозить продвижение 30 тысяч немецких солдат, то можно было и добавить.

„На окружных складах было накоплено около 6 700 вагонов боеприпасов различных видов“.

Это строка из уже упомянутого исследования „Тыл Западного фронта“ [ВИЖ.- 1966.- No 8]. Современные военные историки уточняют, что это совсем не так много, как может показаться дилетантам - всего лишь 85% от нормы, установленной Генеральным штабом [3].

Установленной на первые **два месяца** боевых действий. Как же этого могло не хватить на пять дней?

Вот тут, прижатые к стенке, коммунистические „историки“ привычно вытаскивают свою любимую, свою универсальную, волшебную „палочку-выручалочку“.

2.6. Огонь с неба

Авиация. Всемогущая немецкая авиация. Это она уничтожила тысячи советских танков, сожгла все автоцистерны, разбомбила 6 700 вагонов с боеприпасами, разрушила 60 окружных складов с горючим и снарядами, „растрепала“ 36-ю и разгромила 6-ю кавдивизии, да при этом еще и успевала „расстреливать“ буквально каждую нашу машину” (так сказал в своем последнем слове на суде командующий 4-й Армии генерал Коробков) и своим страшным гулом мешала Болдину отдавать приказы по телефону и прочая, прочая, прочая...

Всякий раз, когда нашим военным „историкам“ приходится объяснять очередной разгром, развал, очередную потерю людей и техники, невыполнение приказов и срыв всех планов, появляется она – „несокрушимая и легендарная“ немецкая авиация.

Из всех мифов о начале войны этот – одновременно и самый абсурдный и самый укорененный. Любая Марьяванна с кафедры новейшей истории, не умеющая отличить патрон от понтона и танк от трака, рассказывает своим студентам про то, что „немецкая авиация с первых дней войны захватила господство в воздухе“, с той же нерассуждающей уверенностью, с какой она объясняет своим внукам про то, что надо слушаться маму с папой.

Спорить со всеобщим заблуждением трудно, но – попробуем.

Для начала послушаем людей, знающих войну и военную авиацию не понаслышке.

„...25 июня советские войска в составе 11-го и 6-го механизированных корпусов нанесли по противнику контрудар в районе Гродно. Из Могилева позвонили, чтобы наша дивизия всем составом приняла участие в этой операции. Вечером от прибывшего к нам представителя штаба фронта узнаю: кроме нас контрудар поддерживают полки 12-й бомбардировочной и 43-й истребительной дивизий, а также 3-й корпус дальнебомбардировочной авиации, которым командовал полковник Н. С. Скрипко (ныне маршал авиации). На этом участке фронта авиаторы совершили тогда 780 самолето-вылетов, уничтожили около 30 танков, 16 орудий и до 60 автомашин с живой силой. Успех воодушевил нас...” [49].

Чем, главным образом, примечательно это свидетельство? Даже не тем, что, оказывается, не одна только немецкая авиация висела в воздухе над районом несостоявшегося контрудара КМГ Болдина, а своей последней фразой.

Уничтожение **30 танков и 60 автомашин в результате 780 самолето-вылетов** оценивается автором мемуаров как крупный, воодушевляющий успех! При этом не будем забывать, что и цифры-то эти взяты „с воздуха“, т. е. из отчетов самих летчиков, а вовсе не из журналов боевых потерь немецких дивизий. Степень достоверности этих отчетов хорошо известна историкам авиации. Реальные потери противника были, конечно же, раза в два меньше. И это оценивается как большой успех? Кто же автор? Может быть, он разбирается в вопросах боевого применения авиации хуже Марьяванны?

Герой Советского Союза, командир 13-й бомбардировочной авиадивизии (13 БАД) генерал-майор Ф. П. Польшин еще до начала Второй мировой войны стал известен всему авиационному миру. Правда, в соответствии с принятыми тогда в Советском Союзе нормами сверхсекретности, Польшина знали заочно и без фамилии, просто как командира „того самого“ бомбардировочного соединения, которое 23 февраля 1938 г. разбомбило японскую авиабазу на острове Тайвань.

Беспримерный рейд протяженностью в 800 км над захваченной японцами территорией Китая был организован и проведен Польшинным так, что японская ПВО не только не смогла оказать какое-либо противодействие, но даже не обнаружила сам факт пролета 28 советских бомбардировщиков.

После войны в Китае, в которой Польшин с перерывами участвовал с 1933

года, он становится командующим ВВС 13-й армии во время финской войны. В ходе той войны советская военная авиация (численность которой на ТВД к февралю 1940 г. превысила 3 200 самолетов) выполнила 84 тысячи боевых вылетов. Эта цифра сопоставима с показателями применения авиации в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны (Курская битва - 118 тысяч вылетов с 5 июля по 23 августа 1943 г. и Сталинградская битва - 114 тысяч вылетов с июля 42 г. по февраль 43 г.) [60].

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война была для Полянина третьей по счету, и едва ли кто-то из командиров немецких бомбардировочных авиагрупп имел к этому дню больший, чем у него, боевой опыт.

Теперь прочитаем страницы воспоминаний маршала авиации (в те дни - командира вышеупомянутого 3-го дальнебомбардировочного авиакорпуса) Н. С. Скрипко [50].

Уже в 10 часов утра 22 июня его корпус получил приказ сосредоточить все силы для разгрома моторизованных колонн противника в районе Сувалки-Алитус. Первый бомбовый удар по частям 3-й танковой группы наши летчики нанесли 22 июня, в 15 часов 40 минут, в районе Меркине. Всего в тот день силами трех бомбардировочных авиаполков (96, 207 и 98-го) по танковым дивизиям Гота было выполнено **полторы сотни** боевых вылетов.

24 июня, как пишет в своих мемуарах Н. С. Скрипко, *„боевая задача 3-го авиакорпуса оставалась прежней - уничтожить немецкие танки и моторизованные части группы Гота, наступавшей непосредственно на Минск“*. В тот день его летчики выполнили **170** самолето-вылетов. 26 июня, когда немецкие танки вышли уже к северным окраинам Минска, летчики 3-го авиакорпуса выполнили **254** боевых вылета, поддерживая обороняющие Минск стрелковые дивизии. Именно в этот день, 26 июня 1941 г., атакуя колонну войск 3-й танковой группы на шоссе Молодечно-Минск в районе местечка Радошковичи, совершил свой бессмертный подвиг капитан Николай Францевич Гастелло - командир 4-й эскадрильи 207-го авиаполка, ветеран боев в Финляндии и на Халхин-Голе.

Как видим, советская авиация отнюдь не бездействовала. Ежедневно по моторизованным колоннам 3-й танковой группы Г. Гота наносились удары **сотнями самолето-вылетов**, но она (танковая группа вермахта) никуда при этом не исчезала, а продолжала, практически безостановочно, двигаться вперед. Более того, в мемуарах Гота нет почти никаких „следов“ этих бомбежек, кроме одной-единственной фразы в записи от 24 июня: *„в последующие дни действия авиации противника активизировались“*. Вот и все. На плохие дороги, пыль, лесные пожары, проливные июльские дожди Гот жалуется гораздо чаще и пространнее.

Воспитанный советскими писателями читатель все уже понял. Самолеты-то наши были *„безнадёжно устаревшими гробами“*, летчики - *„с налетом шесть часов“* (один только Полянин, наверное, летать умел, да и тот не летал, а командовал) - вот почему на Г. Гота удары советской авиации большого впечатления не произвели.

Правды ради надо отметить, что и люди с большими звездами поначалу имели схожее мнение об эффективности действий советской авиации в первые дни войны. Так, Ставка в Директиве No 00285 от 11 июля 1941 г. отмечала, что *„наша авиация действовала главным образом по механизированным и танковым войскам немцев. В бой с танками вступали сотни самолетов, но должного эффекта достигнуто не было, потому что борьба авиации против танков была плохо организована“* [5, с. 63]. Подписана эта Директива была начальником генштаба Жуковым.

В данном конкретном случае генерал армии Жуков ошибся. Причиной отсутствия *„должного эффекта“* была не только и не столько *„плохая организованность“*. В чем и пришлось убедиться уже через полтора месяца.

28 августа 1941 г. Верховный Главнокомандующий И. Сталин лично распорядился (приказ No 0077) *„с целью срыва операции танковой группировки противника на Брянском направлении провести в течение 28-31 августа операцию силами ВВС фронтов и авиации резерва ГК... всего в операции должно участвовать 450 боевых самолетов...“* [5, с. 146].

Операция *„танковой группировки противника“* - это тот самый поворот 2-ой танковой группы Гудериана с московского на киевское

направление, о целесообразности которого спорили в своих послевоенных мемуарах все уцелевшие немецкие генералы.

Указание товарища Сталина было перевыполнено. В воздушной операции (одной из самых крупных за весь начальный период войны) приняло участие **464 боевых самолета** (230 бомбардировщиков, 55 штурмовиков, 179 истребителей) [27].

За ходом операции по разгрому „подлеца Гудериана“ (именно так выражался в те дни командующий Брянским фронтом, любимец Сталина генерал-лейтенант Еременко) Ставка следила с неотступным вниманием. Руководить действиями авиации было поручено заместителю командующего ВВС Красной Армии генерал-майору И. Ф. Петрову.

4 сентября 1941 г. Сталин шлет на Брянский фронт следующую телеграмму: „Брянск. Еременко для Петрова. Авиация действует хорошо... Желаю успеха. Привет всем летчикам. И. Сталин“ [27].

На следующий день, 5 сентября, сталинский привет был дополнен решением Ставки по передаче в распоряжение группы Петрова еще двух штурмовых авиаполков и двух полков истребителей. Задача – прежняя: „разгромить и уничтожить Гудериана до основания“ [5, с. 164].

Всего за 6 дней операции советская авиация выполнила тогда около **4000 самолето-вылетов** [27].

Результат?

Разгромить и уничтожить до основания не удалось, 2-я танковая группа разбила войска Брянского фронта, затем – правого крыла Юго-Западного фронта и, пройдя с боями 300 км, замкнула 15-17 сентября кольцо окружения „киевского котла“. Более того, „подлец Гудериан“ на семнадцати страницах своих мемуаров, посвященных прорыву 2-й танковой группы вермахта в тыл Юго-Западного фронта, уделил действиям нашей авиации ровно **три слова**:

„...29 августа крупные силы противника при поддержке авиации предприняли с юга и запада наступление против 24-го танкового корпуса. Корпус вынужден был приостановить наступление 3-й танковой и 10-й мотодивизии...“ [65].

„Как же так?“ – недоуменно воскликнет читатель, представляющий войну по газетным статьям „к юбилею“, в которых летчики „Н-ского полка“ снова и снова щелкают немецкие танки, как семечки. „Четыре тысячи самолето-вылетов без заметного результата? Быть того не может!“

А все очень просто. Просто именно такой была **реальная эффективность авиационных вооружений той эпохи**. Уже в следующем, 1942-м, году по мере накопления опыта ведения боевых действий, эта самая „эффективность“ была конкретизирована в цифрах.

Оперативное управление Главного штаба ВВС КА в 1942 г. установило в ориентировочных расчетах „норм боевых возможностей“ штурмовика Ил-2, что для поражения одного легкого танка необходимо выслать 4-5 самолетов Ил-2, а для поражения одного среднего танка типа Pz.IV, Pz.III или StuG III потребуется уже **12-15** самолето-вылетов! [86, 87]. Другими словами, для уничтожения немецких танковых групп летом 1941 года требовались не сотни и даже не тысячи, а **десятки тысяч** „хорошо организованных“ самолето-вылетов. Причем, речь в нормативах шла о специализированном штурмовике Ил-2, а вовсе не о „горизонтальных“ (как их тогда называли) бомбовозах СБ или ДБ.

Даже выпускнику кулинарного техникума должно быть понятно, что для уничтожения танка в него надо сначала попасть, а попав – пробить его броню, да так пробить, чтобы „заброневое воздействие“ оказалось достаточным для поражения экипажа и механизмов. Чем и как мог это сделать боевой самолет 1941-го года?

Начнем с задачи номер один – с прицеливания.

Противотанковую пушку видел каждый. Если и не на поле боя, так хотя бы в парке культуры и отдыха. Длинный-предлинный ствол (это чтобы снаряд разогнался в нем до скорости в три скорости звука) опирается на массивную стальную станину. Для большей устойчивости все сооружение снабжено двумя длинными „лапами“, которые перед стрельбой упирают в землю. Наводчик артиллерийского расчета ничего другого не делает, кроме как наводит ствол на цель с помощью оптического прицела и винтов, которые так и называются – микрометрические.

На пьедестале у въезда в город Самару стоит штурмовик Ил-2. В пилотской кабине размещается один человек. Кроме прицеливания, у него в бою много других дел: ноги на педалях разворота, правая рука на ручке управления высотой и креном, левая рука управляет двигателем, непонятно уже, чем летчик выставляет нужный шаг винта, меняет режим работы нагнетателя, управляет створками радиатора, следит за обстановкой в воздухе, отдает приказы подчиненным (если он командир звена) и уворачивается от огня зениток.

Две скорострельные пушки ВЯ-23 находятся не на массивной станине, а на испытывающем сложную изгибно-крутильную деформацию крыле, прицеливание производится „всем корпусом“, по прицельным меткам на лобовом стекле.

Можно ли в таких условиях хоть куда-то попасть? Можно. Но только очень-очень редко. Так, при полигонных испытаниях (т. е. при отсутствии противодействия противника) в НИП авиационных вооружений ВВС „три летчика 245-го ШАП, имевшие боевой опыт, смогли добиться всего 9 попаданий в танк при общем расходе боеприпасов в 300 снарядов к пушкам ШВАК и 1 290 патронов к пулеметам ШКАС“.

Попасть в танк - это еще только начало. Надо пробить его броневую защиту. С этим проблем еще больше. Экспериментально было установлено, что наилучшие условия для прицеливания создавались при пологом пикировании под углом 30 градусов к горизонту с высоты 500-700 метров. При таких условиях снаряды даже в случае попадания в броню танка почти всегда давали рикошет.

„...из 62 попаданий в немецкие средние танки, полученных при полигонных стрельбах с воздуха, было только одно сквозное пробитие (в броне толщиной 10 мм), одно застревание сердечника, 27 попаданий в ходовую часть, не наносящие существенных повреждений, остальные попадания снарядов дали либо вмятины либо рикошеты...“

Самые лучшие (т. е. минимально - результативные) показатели были получены при полигонном обстреле **легких** немецких танков.

„...из 53 попаданий, полученных при выполнении 15 самолето-вылетов, только в 16 случаях было получено сквозное пробитие брони, в 10 случаях были получены вмятины в броне и рикошеты, остальные попадания пришлись в ходовую часть. При этом попадания 23-мм бронебойного снаряда в ходовую часть танка повреждений ему не наносили...“

Но и при обстреле легких танков „все 16 сквозных пробоин в броне танков пришлись на атаки под углом планирования 5-10°, высота подхода 100 м, дистанция открытия огня 300-400 м“ [85, 86, 87].

А при таких условиях время ведения огня сокращается до одной-двух секунд, что было практически неприемлемо для летчиков средней квалификации.

Чем же тогда летчики люфтваффе перебили тысячу танков 6-го и 11-го мехкорпусов? Может быть, это только у нас были такие плохие самолеты и слабые пушки, а уж у немцев-то все было иначе?

Совершенно верно. Авиационные пушки немцев обладали совсем другими параметрами. На фоне нашей 23-мм пушки Волкова-Ярцева основная в июне 1941 г. немецкая авиапушка MG-FF смотрится, как ушастый „Запорожец“ на фоне „шестисотого мерса“.

Наша ВЯ-23 изначально разрабатывалась как средство борьбы с защищенными наземными целями. Весьма тяжелое (по авиационным меркам) 66-килограммовое орудие разгоняло снаряд весом в **200 г** до скорости **900 метров в секунду**.

Стоявшая на вооружении немецких истребителей и штурмовиков пушка швейцарской фирмы „Эрликон“ MG-FF была гораздо меньше и в три раза легче. Но за все хорошее приходится платить. Низкий вес „эрликона“ был обусловлен малой дульной энергией (и эта пушка, и пришедшая ей на смену „Маузер“ MG-151 представляли собой крупнокалиберный пулемет, 13-мм патрон которого должен был разгонять 20-мм снаряд). Бронебойный снаряд „эрликона“ весил всего **115 г** и имел начальную скорость всего лишь **585 метров в секунду**, то есть обладал кинетической энергией (а именно за счет нее и происходит пробитие брони) в **четыре раза меньшей**, чем снаряд ВЯ-23.

„Дьявольское“ орудие, разработанное Волковым и Ярцевым, настолько опередило свое время, что уже после войны под баллистику и патрон ВЯ-23 были спроектированы самоходные зенитные установки, по сей день стоящие на вооружении многих армий мира! [84].

Разумеется, вооружение боевых самолетов Второй мировой не ограничивалось одними только легкими малокалиберными пушками. Были еще и

бомбы различных калибров (наиболее распространенными были осколочно-фугасные весом 100–250 кг). Разумеется, прямого попадания такой бомбы было достаточно для того, чтобы вывести из строя легкий или даже средний танк (тяжелый КВ, как было отмечено в донесении командира 4-й тд Потатурчева, выдерживал даже прямое попадание). Да только как, кидая неуправляемую бомбу, можно добиться этого самого „прямого попадания“, если в такую точечную и подвижную мишень, которой является танк, почти невозможно попасть даже из пушки? Точность бомбометания с обычных „горизонтальных“ (как их называли в отличие от пикирующих) бомбардировщиков очень сильно зависела от высоты полета, условий видимости, квалификации экипажа. В любом случае, попадание в круг диаметром в 200–300 метров считалось отличным результатом, доступным далеко не всем даже в спокойной обстановке учебного полигона. В бою, под огнем зениток противника, все становилось гораздо сложнее. Достаточно сказать, что многочисленные попытки разрушения мостов усилиями как советских, так и немецких бомбардировщиков чаще всего оказывались безрезультатными. Но ведь даже самый маленький железнодорожный мост гораздо больше самого большого танка. Причем мост, в отличие от танка, стоит на месте и никуда не движется.

Значительно более высокую точность бомбометания обеспечивали пикирующие бомбардировщики. Безусловно, самым удачным самолетом в этом классе был немецкий „Юнкерс“ Ju-87, этот знаменитый символ блицкрига, без которого не обходится ни один фото-кино-телесюжет о начале войны. Пилотируемый опытным и физически выносливым летчиком (перегрузка на выходе из пикирования доходила до 5–6 единиц) Ju-87 мог обеспечить точность бомбометания плюс-минус 30 метров.

Это великолепный – для борьбы с пехотой, артиллерией, автомобильными колоннами противника – показатель. Но для поражения среднего танка, а тем более тяжелого советского КВ с его 90-мм броней, недостаточно было уложить бомбу в 30 метрах от цели. Нужно именно прямое попадание, добиться которого даже пикирующий „Юнкерс“ мог только по редкой случайности. Что и подтверждается докладами самих немецких летчиков:

*„...в течение 4 октября Ju-87 совершили **202 боевых вылета** в районе Брянск – Спас-Деменск, уничтожив **22 танка**, 450 автомобилей и 3 хранилища топлива... 7 октября Ju-87 из StG2 группами по 25–30 самолетов непрерывно атаковали окруженные войска..., в течение одного дня они уничтожили около **20 танков**, 34 орудия и около 650 автомобилей...“*

Достоверность этих цифр такая же, как и у всех прочих военных сводок (приписки в отчетах люфтваффе цвели буйным махровым цветом), но стоит обратить внимание на соотношение „уничтоженных в отчете“ танков и автомобилей.

Вторая мировая была танковой войной. И обе стороны, разумеется, старались как-то повысить „противотанковые возможности“ своей боевой авиации.

К началу Курской битвы в Советском Союзе было развернуто серийное производство и отработана тактика применения ПТАБов – крохотных (весом в 1,5 кг) противотанковых авиабомб с кумулятивным зарядом, способным прожигать 60-мм броню (разработана в ЦКБ-22 под руководством И. А. Ларионова). Штурмовик Ил-2 брал в полет 192 ПТАБа в 4-х кассетах (по 48 штук в каждой). При сбрасывании с высоты 200 м общая площадь поражения занимала полосу 15x190 метров, в которой теоретически обеспечивалось гарантированное уничтожение любой бронетехники вермахта [87].

Немцы пошли совершенно другим путем. Они сняли с пикирующего „Юнкерса“ все бомбодержатели и подвесили под фюзеляжем огромную (по авиационным меркам) 37-мм зенитную пушку „Флак-18“, которая теоретически могла пробить специальным снарядом с карбид-вольфрамовым сердечником броню советской „тридцатьчетверки“.

В первые дни грандиозного сражения под Орлом и Курском обе стороны отчитались о невероятном успехе в применении новых вооружений.

7 июля стянутые к „Курской дуге“ все три эскадры пикировщиков (StG1, StG2, StG77) выполнили 946 боевых вылета, уничтожив при этом 44 советских танка, 20 орудий и 50 автомашин.

8 июля, выполнив **889 вылетов**, немецкие штурмовики уничтожили **88 танков**, 5 орудий и 40 автомашин. Таким образом, эта рекордная за всю войну

эффективность применения противотанковой авиации дошла до уровня советских стандартов в **10 вылетов на один уничтоженный танк**.

Массовое и фактически внезапное применение ПТАБов дало (судя по отчетам, дало!) еще более потрясающий результат. Летчики-штурмовики 3-го и 9-го авиакорпусов к исходу дня 6 июля доложили об уничтожении или повреждении ПТАБами до 90 единиц бронетехники противника. Утром 7 июля на обоянском направлении 1-й штурмовой авиакорпус двумя группами по 46 и 33 самолета нанес удар по очень крупному (до 350 единиц) скоплению танков противника.

Дешифровка фотоснимков поля боя показала наличие **200 (!!!)** подбитых немецких танков и САУ.

По другим отчетам, танковая дивизия СС „Мертвая голова“ якобы потеряла от ударов с воздуха 270 единиц бронетехники (танков, САУ и бронетранспортеров). Правда, всего в этой дивизии накануне Курской битвы числилось 130 танков, в том числе – 15 „Тигров“.

Уменьшив цифры в отчетах в четыре-пять раз (в противном случае нам придется признать, что в танковом сражении под Прохоровкой с обеих сторон участвовали только призраки танков), мы приходим к выводу, что результативность борьбы авиации с танками к концу войны все же значительно выросла. Но до перелома в противоборстве самолета с броней было еще очень далеко.

Опомнившись от первого шока, немецкие танкисты перешли к действиям в рассредоточенных походных и боевых порядках, что сразу же снизило эффективность применения ПТАБов.

А немецкое „чудо-оружие“ (пикирующий самолет с зенитной пушкой на борту) требовало пилота с исключительно высокой летной (выходить из пикирования надо было на высоте в 400-500 м, т. е. за две-три секунды до столкновения с землей) и стрелковой подготовкой. Не приходится удивляться тому, что в целом потери советских средних танков распределились за всю войну следующим образом: **от огня артиллерии противника – 88%, от мин – 8% и от авиации – только 4%!** [84, с. 110].

Потребовался кардинальный переворот в технике вооружений, связанный с появлением вертолета и управляемой ракеты, прежде чем авиация стала самым опасным противником танков. Но это уже совсем другая история других войн другой эпохи...

А в июне 1941 года единственным способом повышения эффективности воздушных атак против танков могло быть **только огромное массирование сил**. Примером такого массирования и являются описанные Польшининым события 26 июня, когда против 3-й танковой группы вермахта было брошено сразу пять авиадивизий! И достигнутый в тот день результат – 30 уничтоженных немецких танков – по праву мог считаться крупной удачей. Также огромным успехом, отмеченным приветствием самого Сталина, мог считаться доклад командующего Брянским фронтом Еременко об уничтожении **„100 танков, более 800 автомашин, 290 повозок, 20 бронемашин“** в ходе вышеупомянутой крупнейшей операции ВВС Красной Армии [27]. Скорее всего, за строкой этого доклада все-таки стояло уничтожение нескольких десятков танков и автомашин группы Гудериана...

Покончив с этим вынужденно-пространным отступлением от основной темы, перейдем к главному вопросу: какие же силы авиации мог „массированно“ применить противник против советских танков из состава конно-механизированной группы Болдина?

Знаменитая немецкая пунктуальность значительно облегчила жизнь будущим историкам. Состав, дислокация, техническое состояние ВВС Германии расписаны буквально по дням [24, 36, 38].

Итак, на левом (северном) фланге группы армий „Центр“, в полосе от Вильнюса до Гродно, наступление 3-й танковой группы и 9-й армии вермахта с воздуха поддерживал 8-ой авиакорпус люфтваффе под командованием генерала В. Рихтгофена. Скажем сразу: это было одно из самых лучших, самых опытных и знаменитых соединений люфтваффе. Входившие в состав 8-го корпуса авиагруппы воевали с первых часов Второй мировой войны, пройдя через польскую и французскую кампании, „битву за Британию“ и сражение за Крит. На восточный фронт их перебросили из зоны боев над Средиземным морем буквально

за считанные дни до начала вторжения.

Это правда. Точнее говоря, одна часть правды.

Другая, о которой советские „историки“ всегда забывали, заключается в том, что многомесячные непрерывные боевые действия приводили к совершенно неизбежным последствиям в части количества и технического состояния самолетов.

В конкретных цифрах это выглядело так. Бомбардировочная авиация 8-го АК состояла из трех авиагрупп „горизонтальных“ бомбардировщиков (I/KG2, III/KG2, III/KG3). При штатной численности авиагруппы люфтваффе в 40 самолетов, к утру 24 июня 1941 г. в этих трех группах в исправном состоянии находилось соответственно 21, 23 и 18 самолетов. С учетом четырех командирских машин всего в этот день 8-й авиакорпус мог поднять в воздух **66 бомбардировщиков**. Причем это были устаревшие и уже снятые с производства самолеты „Дорнье“ Do-17Z.

Главную ударную силу 8-го авиакорпуса люфтваффе составляли четыре группы пикирующих Ju-87 (II/StG1, III/StG1, I/StG2, III/StG2). На их вооружении было **103 исправных „юнкерса“**.

Так много их было утром 22 июня. Через два дня, к утру 24 июня, в составе четырех групп пикировщиков было, соответственно, 28, 24, 19 и 20 боеготовых самолетов. Всего, с учетом штабных машин, 96 самолетов [24, 36]. К концу дня 24 июня их осталось еще меньше. По крайней мере, 9 штук из состава StG1 были в тот день сбиты истребителями дивизии Захарова (43 ИАД) над Минском [63].

Вообще, тихоходный и слабо бронированный „лаптежник“ часто становился легкой добычей истребителей (особенно на выходе из пикирования, когда и летчик, и воздушный стрелок находились в полуобморочном состоянии). Так, командира группы III/StG1 гауптмана Г. Малке трижды сбивали за линией фронта в расположении советских войск. Дважды он сам выбирался обратно, а в третий раз, 8 июля 1941 г., его вывезла из-за линии фронта специальная поисковая группа. Уже 23 июня 41 г. над шоссе Каунас-Вильнюс был сбит в воздушном бою командир группы I/StG2 Хичхольм. Ну а имена десятков рядовых летчиков история просто не сохранила...

Для того, чтобы читатель мог по достоинству оценить это „многократное численное превосходство немецкой авиации“, отметим, что на вооружении советских бомбардировочных дивизий, принявших участие в описанной Полыниным операции, по состоянию на 1 июня 1941 г. числилось **453 бомбардировщика** в исправном состоянии. И это без устаревших тяжелых ТБ-3. Стоит также отметить, что максимальный вес бомбовой нагрузки немецкого Do-17Z составлял 1000 кг, нашего „устаревшего“ СБ - 1 600 кг, а нового ДБ-3ф - 2 500 кг.

Недоверчивый читатель уже подумал, наверное, о том, что попавший в полосу действий КМГ Болдина (и, следовательно, на страницы нашего повествования) 8-й АК люфтваффе был самым малочисленным и слабым. Отнюдь. Соединение пикирующих бомбардировщиков, входивших в его состав, было самым крупным на всем советско-германском фронте.

В составе 2-го авиакорпуса (южный фланг группы армий „Центр“) было только три группы пикировщиков (94 исправных „Юнкерса“ на утро 22 июня, 88 - к 24 июня 1941 г.) [24, 36].

И это все. В полосе наступления групп армий „Север“ и „Юг“ (Прибалтика, Украина, Молдавия) в первые дни войны вообще не было ни одного пикирующего Ju-87.

Мало того, что силы немецкой авиации, действовавшие на стыке Западного и Северо-Западного фронтов Красной Армии, были **ничтожно малы для того, чтобы перемолоть два советских мехкорпуса за три дня**. Не факт, что они вообще были в крупном масштабе привлечены к борьбе с конно-механизированной группой Болдина.

Перед ними стояли совсем другие задачи.

Главной задачей пикировщиков была огневая поддержка наступления танковых групп. Эта тактика показала свою высокую эффективность при вторжении во Францию, именно на этом взаимодействии и строились все оперативные планы лета 1941 года. Более того, такая тактика была единственно возможной в ситуации, когда две трети немецких танков были вооружены малокалиберными пушечками (или вовсе не имели артиллерийского вооружения).

Без огневой поддержки со стороны авиации им просто нечем было бы пробивать оборонительные полосы противника. Именно поэтому те два авиационных корпуса (2-й и 8-й), в составе которых были пикировщики Ju-87, действовали точно в полосах наступления двух „особо сильных танковых соединений" (так они были названы в плане „Барбаросса"), т. е. танковых групп Гота и Гудериана.

Но и на решении этой главной своей задачи командование люфтваффе не могло сконцентрироваться в полной мере, так как в первые дни войны с СССР у него была еще одна наипервейшая и наиглавнейшая задача: подавление многократно превосходящих сил советской авиации.

Все познается в сравнении. При наступлении на Западе в мае 1940 года немцы сосредоточили на фронте в 300 км (от Роттердама до Саарбрюккена) **27** истребительных авиагрупп, в составе которых было, по разным данным, порядка **1 250-1 350** „Мессершмиттов" [57].

Противостоящие им истребительные силы союзников (французская, голландская, бельгийская авиация, десять эскадрилий английских ВВС, переброшенных на север Франции) насчитывали самое большее **700-750 самолетов** [57]. Другими словами, на стороне люфтваффе было почти двойное численное превосходство, дополненное техническим превосходством Me-109 над большей частью истребителей союзников.

В такой ситуации бомбардировочные силы люфтваффе (**49** авиагрупп, **1985** самолетов всех типов, т. е. почти **7 самолетов на километр** фронта вторжения) могли заниматься своим „прямым делом". Впрочем, и 7 бомбардировщиков на километр - это совсем мало. Предвоенная советская наука предполагала, что в полосе наступления армии должны быть созданы плотности в 15-20 самолетов на километр фронта [14].

22 июня 1941 г. немцы развернули против Советского Союза **22** истребительные авиагруппы (66 эскадрилий), в составе которых было всего **1 036 самолетов**. Им противостояли советские ВВС, которые только в составе авиации западных округов имели **64** истребительных авиаполка (320 эскадрилий), имеющих на вооружении порядка **4 200 самолетов** [23]. Еще **763** истребителя было в составе авиации флотов. И это еще только вершина айсберга!

За спиной передовой группировки советской авиации были огромные резервы самолетов, авиачастей, летчиков. Достаточно сказать, что уже на четвертый день войны (25 июня) ВВС Западного фронта получили две авиадивизии (т. е. порядка 400-500 самолетов), переброшенные из внутренних округов. К семнадцатому дню войны (9 июля) ВВС все того же Западного фронта получили для восполнения потерь еще 452 самолета [53, с. 18]. Удивляться таким цифрам не стоит. Общая численность одних только истребителей в ВВС Красной Армии составляла (по данным самого консервативного источника) 11500 самолетов [35, с. 359].

Если в подобной ситуации у немцев и был хоть какой-то шанс на завоевание превосходства в воздухе, то он заключался в том, чтобы сконцентрировать все силы авиации, в том числе и бомбардировочной, и штурмовой, на разрушении наземной инфраструктуры советских ВВС.

Да только что это были за силы? На фронте от Балтики до Черного моря (а это более полутора тысяч километров по прямой) у немцев было **35** авиагрупп, на вооружении которых числилось всего (т. е. с учетом и неисправных самолетов) **917 „горизонтальных" и 306 пикирующих** бомбардировщиков. **Менее одного самолета** на километр фронта!

Эти хилые силы еще и приходилось дробить, отвлекать от поддержки наземных войск (от борьбы с КМГ Болдина, в частности), переключая их на самоубийственные - какими они могли бы стать при наличии организованного сопротивления - налеты на аэродромы советской истребительной авиации.

Характерный пример: в приказе No 3, подписанном Г. Готом вечером 23 июня, по поводу взаимодействия с авиацией сказано только следующее:

„...8-й авиакорпус передислоцирует временные аэродромы вперед в район Варена и продолжает производить налеты на предполагаемые дальше на восток авиационные части противника" [ВИЖ.- 1989.- No 79].

Короче говоря - на огневую поддержку с воздуха не надейтесь...

Нет, автор вовсе не собирается обвинять в прямом обмане тех участников несостоявшегося контрудара, которые пишут о том, что немецкие самолеты „гонялись буквально за отдельными машинами". Какая-то часть

самолето-вылетов, которые смогли выполнить в первые дни войны полторы сотни бомбардировщиков 8-го авиакорпуса люфтваффе, была направлена и против КМГ Болдина. Какие-то потери техники были вызваны именно этими налетами, за какими-то машинами отдельные, обнаглевшие от безнаказанности пилоты люфтваффе действительно гонялись. И на людей, которым трескучая советская пропаганда обещала, что наша авиация будет быстрее всех, выше всех и круче всех, такое зрелище производило исключительно гнетущее впечатление.

Реальные же „достижения“ люфтваффе были гораздо более скромными. По крайней мере, так об этом писали в своих отчетах те командиры, которым не было нужды искать оправдания и „объективные причины“.

„Потери от авиационных бомбардировок и пулеметного обстрела с воздуха, несмотря на низкие высоты и абсолютное господство авиации противника, оказались очень незначительными“ [83].

Это строка из доклада помощника начальника оперативного отдела штаба 2-го стрелкового корпуса капитана Гарана. Это тот самый корпус (100 и 161 стрелковые дивизии), который хоть на несколько дней, но остановил немецкие танки на северных подступах к Минску.

Разумеется, можно найти и другие примеры. Разумеется, каждый волен верить или не верить в те мифы, которые он выбирает. Говорят, вера приносит облегчение. По крайней мере, вера в то, что катастрофический разгром Красной Армии можно **списать на действия хилых сил немецкой авиации**, очень упрощала и сейчас еще упрощает задачу всем фальсификаторам истории Великой войны.

* * *

Эта глава уже была закончена, когда автору попался на глаза такой вот отрывок из статьи об истории создания и боевого применения Ju-87.

„...на четвертый день войны против СССР пикировщики из состава StG 2 бомбили сосредоточение 60 советских танков в 80 км к югу от Гродно...“

Советские танки к югу от Гродно – это как раз и есть наш 6-ой мехкорпус, и дата точно соответствует времени неудавшегося контрудара КМГ Болдина. Продолжим чтение:

*„...позже выяснилось, что удалось вывести из строя **только один танк...**“*

2.7. На мирно спящих аэродромах...

Война в воздухе – это совсем особая война. Мало людей, много очень дорогой техники, огромный пространственный размах операций, огромная роль качественных параметров, которые в некоторых аспектах нельзя заменить никаким количеством...

Строго говоря, о противоборстве люфтваффе с ВВС Красной Армии надо или писать отдельную книгу, или не трогать этот – предельно мифологизированный – вопрос вовсе. Тем не менее, завершая наш рассказ о несостоявшемся контрударе войск Западного фронта на гродненском направлении, обозначим пунктиром лишь несколько наиболее загадочных „авиационных“ тем. Это вполне уместно сделать именно в связи с событиями начала войны в Белоруссии, так как **именно в полосе Западного фронта** разгром советской авиации произошел необычайно быстро и имел самые трагические последствия.

Стандартное клише, вбитое многократным повторением в наши мозги, состоит из набора нескольких „объективных причин“, в силу которых ВВС Красной Армии были разгромлены в первые же дни войны: внезапное нападение на „мирно спящие аэродромы“, плохие самолеты, отсутствие радиосвязи, необученные летчики, нехватка аэродромов и пр.

Начнем с самого простого вопроса. **Было ли в действительности то событие, причины которого мы обсуждаем** уже полсотни лет?

„...Из 250 тысяч самолето-вылетов, выполненных советской авиацией за первые три месяца войны, по танковым и моторизованным колоннам противника было произведено...“

Так мимоходом, в придаточном предложении, авторы монографии „1941 год - уроки и выводы“ назвали оглушительную цифру - 250 000 боевых вылетов! [3, с. 151].

Двести пятьдесят тысяч самолето-вылетов за три месяца.

Это - „уничтоженная“ авиация???

Все познается в сравнении. Рекордным месяцем для люфтваффе был июнь 1942 г., когда было выполнено (по данным советских постов ВНОС) 83 949 вылетов боевых самолетов всех типов. Еще раз подчеркнем - это рекордный, пиковый уровень боевой активности. Уже в октябре того же 1942 г. летчики люфтваффе выполнили только 35 166 вылетов [60]. Другими словами, „разгромленная и уничтоженная на земле“ советская авиация летала летом 1941 г. с интенсивностью, которую **немцы смогли достигнуть только в одном месяце за всю войну.**

Почему же в огромном количестве боевых донесений и послевоенных мемуаров на все лады повторяется одни и те же фразы: *„На протяжении всех боевых действий нет нашей авиации..., нашей авиации не видно..., за все время боев мы не видели ни одного нашего самолета...“*?

Еще раз обратим внимание читателя на то, что мы даже не беремся обсуждать вопрос о том, почему эти 250 000 самолето-вылетов не произвели на немцев должного „впечатления“, почему ни один немецкий генерал в своих мемуарах даже не вспоминает о действиях нашей авиации в первые месяцы войны. У низкой эффективности ВВС Красной Армии могла быть тысяча и одна причина. Но почему же нашу авиацию, совершившую огромное число боевых вылетов, просто НЕ ЗАМЕЧАЛИ ?

Когда такое пишут пехотные и танковые командиры Красной Армии, то их еще можно заподозрить в вольном или невольном „стужении красок“, в желании найти дополнительные причины, объясняющие разгром вверенных им частей. Но как же понять немецких летчиков и авиационных командиров, которые пишут буквально то же самое? Им-то какой резон преуменьшать степень сопротивления противника, которого они разгромили?

Генерал люфтваффе В. Швабедиссен (командующий корпусом зенитной артиллерии в начале войны) написал по отчетам командования и воспоминаниям офицеров люфтваффе книгу [19], посвященную анализу действий советской авиации в 1941-1945 гг. С выводами „битого гитлеровского генерала“ можно соглашаться или не соглашаться, но что делать с такими **свидетельствами** непосредственных участников событий:

„...в 60-ти вылетах до 9 сентября 1941 г. наше подразделение встречалось с советскими истребителями всего 10 раз“ (майор Коссарт, командир бомбардировочной эскадрильи).

„...из 20 самолетов, потерянных моей группой в 1941 г., только три или четыре аварии не имели объяснения, и это единственные потери, которые можно отнести на действия советских истребителей..., я сам несколько раз сам чуть ли не сталкивался с русскими истребителями, пролетая через их строй, а они даже не открывали огня“ (подполковник Х. Райзен, командир бомбардировочной авиагруппы II/KG30).

„...до осени 1941 г. мы или не сталкивались с советскими истребителями, или те просто не атаковали нас“ (майор Й. Йодике, командир бомбардировочной эскадрильи).

„...с 22 июня по 10 августа 1941 г. я совершил около 100 вылетов и только 5 раз встречался с советскими истребителями, но ни в одном из этих случаев серьезного боя не произошло“ (капитан Пабст, командир эскадрильи пикировщиков).

„...до конца 1941 г. я 21 раз вылетал на стратегическую разведку в глубокий тыл русских и только один раз встретил советские истребители“ (майор Шлагге).

Здесь необходимо дать небольшое пояснение, дабы читатель мог по достоинству оценить эти фразы: *„я совершил около 100 вылетов“, „я 21 раз вылетал на разведку в глубокий тыл русских...“*

19 августа 1941 г. за подписью Сталина вышел Приказ Наркома обороны No 0299, которым устанавливался порядок награждения и материального поощрения летного состава ВВС. Так вот, в ближнебомбардировочной и штурмовой авиации звание Героя Советского Союза (и премия в 3000 рублей) присваивалось за выполнение **30** боевых заданий, в разведывательной авиации – за **40 вылетов** [90].

На странице 54 своей книги В. Швабедиссен делает такое (возможно, пристрастное) обобщение: *„В оценках большинства армейских командиров, за весьма редким исключением, сквозит удивление по поводу слабости и неэффективности действий советской авиации, а также скудных результатов, которые они приносили в 1941 году“.*

Да уж... А в отчетах – 250 000 боевых вылетов. Не от хорошей, видно, жизни 9 сентября 1942 г. Сталин подписал Приказ No 0685 „Об установлении понятия боевого вылета для истребительной авиации“ [90]. Цитировать данные в этом приказе оценки действий „сталинских соколов“ у автора рука не поворачивается. Отметим только то, что в соответствии с п. 5 приказ был объявлен „всем истребителям под расписку“, но никто из доживших до Победы летчиков в своих мемуарах не стал вспоминать Приказ No 0685...

Теперь вернемся к событиям самого первого дня войны. Каждый школьник должен знать наизусть вот это заклинание: *„на рассвете 22 июня... внезапным ударом... 66 аэродромов, потеряно 1200 самолетов, из них 800 – прямо на земле...“*

Да, во всех без исключения текстах, посвященных началу войны, от газетной статьи до толстых монографий, приводятся именно эти цифры. В немногих, особенно толстых, книжках приводится и небольшая расшифровка: *„в том числе, в 11-й САД – 127, в 9-й САД – 347, в 10-й САД – 180 самолетов“.* Другими словами, больше ПОЛОВИНЫ всех потерь первого дня войны пришлось на долю трех авиадивизий ВВС Западного фронта, потерявших в тот день 654 самолета.

Еще более весомым оказывается „вклад“ этих трех дивизий в пресловутое „уничтожение советской авиации на земле“. Общепринятой цифрой (ниже мы обсудим ее достоверность) потерь авиации Западного фронта от удара по аэродромам является 528 самолетов, что уже составляет ровно ДВЕ ТРЕТИ от всех „аэродромных“ потерь советской авиации на всех фронтах. Никто из многочисленных авторов, посвятивших свои книги событиям 22 июня 1941 г., никогда не приводил „разбивку“ этой цифры (528 самолетов) по всем шести дивизиям ВВС Западного фронта.

Но так как известно, что аэродромы 12 БАД (район Витебска) и 43 ИАД (район Орши) вообще не подвергались ударам немецкой авиации в первый день войны [56], а из мемуаров Польшина известно, что его дивизия (13 БАД, Бобруйск) потеряла 22 июня на земле 2 (два) бомбардировщика, то мы можем с очень большой долей достоверности предположить, что именно на аэродромах 11, 9, 10 САД и было потеряно более 500 боевых машин. Другими словами, две трети всех потерь самолетов „на мирно спящих аэродромах“ пришлось на три дивизии из двадцати пяти.

Три из двадцати пяти.

Уточняя. Всего, как совершенно обоснованно утверждают авторы монографии *„1941 год – уроки и выводы“*, *„группировка советских ВВС у западной границы СССР включала 48 авиационных дивизий“.* Но – исключая из этого перечня авиадивизии ВВС Ленинградского округа, исключая большое число новых формирующихся дивизий, исключая дивизии ДБА (которые в силу своего географического местоположения никак не могли попасть под первый удар), мы и приходим к самой минимальной цифре – 25.

Разумеется, равными и одинаковыми бывают только телеграфные столбы, но не могла же одна общая для всей Красной Армии причина – „внезапное нападение“ – привести к таким разным результатам! Если вся эта беда случилась от того, что „глупый и упрямый Сталин, опасаясь дать Гитлеру

повод для нападения, запретил привести войска в боевую готовность", то почему же последствия этой злой (или глупой) сталинской воли распределились **столь неравномерно?**

Как так получилось, что одна авиадивизия Западного фронта (9-я САД) потеряла в 4 раза больше самолетов, чем восемь (!) дивизий Северо-Западного и Южного фронтов вместе взятых?

Более того, эти самые 11, 9 и 10 авиадивизии, развернутые в районе Гродно, Белостока, Бреста, хотя и считались „смешанными“, фактически были крупными соединениями **истребительной** авиации. В их составе было 10 истребительных авиаполков, 450 летчиков-истребителей, на вооружении которых (по состоянию на 1 июня 1941 г.) было 616 самолетов-истребителей, из которых 520 числилось в боеготовом состоянии [23]. К слову говоря, это в полтора раза больше числа исправных истребителей во всей противостоящей группировке люфтваффе (2-й Воздушный флот).

Такой „переизбыток“ самолетов был связан с тем, что на вооружении четырех истребительных полков 9 САД (206 летчиков) наряду с 237 новейшими МиГаами оставалось еще и 130 истребителей „старых типов“ (И-16, И-153). Вообще-то, было в округе еще и 20 новейших Як-1, но их освоение в 10 САД еще только начиналось, и поэтому мы их в общую численность не включили.

Бомбить аэродромы, на которых базируются ТАК вооруженные истребительные полки, столь же безопасно, как и тыкать палкой в осиное гнездо. Хорошо еще, если после этого удастся убежать...

Далее. Необходимы некоторые пояснения и к сакраментальной цифре „66 аэродромов“.

66 аэродромов – это вовсе не „все аэродромы западных округов“. Аэродромов было несколько больше. Точное их число назвать невозможно. Цифры, характеризующие развитие аэродромной сети западных округов, редко совпадают даже в одной книге одного автора. Возможно, это связано с тем, что в эпоху самолетов со взлетным весом в 2 тонны и посадочной скоростью в 120 км/час само понятие „аэродром“ несколько размывалось, ибо летом в качестве оперативного аэродрома с успехом могло использоваться ровное поле после минимальной подготовки.

Осенью 1940 г. было принято решение довести численность аэродромов в ВВС Красной Армии до трех на один авиаполк (1 основной и 2 оперативных) [1]. Это решение, как и тысячи ему подобных решений партии и правительства по подготовке страны к Большой Войне, успешно выполнялось. Авторы вышеупомянутой монографии [3] сообщают, что „всего на 116 авиаполков ВВС приграничных военных округов имелось **477 аэродромов (95 постоянных и 382 оперативных)**“.

К этим потрясающим признаниям приложена таблица No 5. Крохотными буквами в ней дано пояснение, что эти цифры – 95 постоянных и 382 оперативных – относятся к 1 января 1941 г. А в январе на западе СССР дуют ветры буйные, замечают след человеческий. С наступлением весны начинается период активных строительных работ. В той же таблице No 5 указано, что в разной степени готовности находилось **еще 278 строящихся** аэродромов.

В частности, понесшие наибольшие потери от „внезапного удара по 26 аэродромам“ ВВС Западного ОВО имели (если верить таблице No 5) 29 основных, 141 оперативный и 55 строящихся аэродромов. И это также данные на 1 января 41 г. Шесть месяцев спустя какая-то часть „строящихся“ перешла в разряд боеготовых.

В частности, понесшая самые большие потери в первый день войны 9-ая САД имела 21 оперативный и 4 основных аэродрома для базирования пяти своих полков [2, 41]. Да и слухи о том, что эти аэродромы находились на расстоянии пушечного выстрела от границы, явно преувеличены. В приграничной полосе были развернуты (и подверглись нападению) полевые оперативные аэродромы. Основные же находились рядом с городами Белосток и Заблудув (80 км от границы), Россь (170 км от границы), Бельск (40 км от границы).

Наверное, элементарные требования научной добросовестности и минимального человеческого приличия требовали, чтобы события того рокового дня были описаны примерно в таких словах:

„...на рассвете 22 июня 1941 г. 637 бомбардировщиков и 231 истребитель люфтваффе нанесли удар по 31 аэродрому советских ВВС. К концу дня число аэродромов, подвергшихся нападению, выросло до 66, что составляет

14% от общего числа аэродромов ВВС западных округов.

В абсолютном большинстве случаев (в 22 авиадивизиях из 25) противник получил достойный отпор, а потери советской авиации были минимальными. И только три авиадивизии Западного фронта (11, 9 и 10 САДы) понесли огромные потери – 654 самолета, что составило 80% от первоначального числа самолетов в этих дивизиях. Причины таких беспримерных в истории Второй мировой войны потерь до сих пор не выяснены..."

А потери и на самом деле были **совершенно беспримерными**. В Части 1 мы говорили про удар, который 25 июня 1941 г. советская авиация нанесла по Финляндии, в том числе и по финским аэродромам. Кожевников приводит в своей монографии такие цифры и факты:

"...первый массированный удар был нанесен по 19 аэродромам. Враг, не ожидая такого удара, был фактически застигнут врасплох и не сумел организовать противодействие... В последующие пять суток по этим же и вновь выявленным воздушной разведкой аэродромам было нанесено еще несколько эффективных ударов. Советские летчики, атаковав в общей сложности 39 аэродромов, произвели около 1000 самолето-вылетов..." [27].

Согласитесь, это описание практически дословно совпадает со стандартным описанием первого удара люфтваффе по советским аэродромам. Количественные параметры вполне сопоставимы с действиями немецкого 2-го Воздушного флота в небе над Западной Белоруссией. Разница – причем разница гигантская – только в одном. В результатах.

В первый день операции советские летчики уничтожили на аэродромах **30 (тридцать)** финских самолетов, еще 11 было сбито в воздухе. Прочувствуйте разницу. Но, может быть, у финнов всего-то и было сорок самолетов? Нет, самолетов на финских аэродромах было больше.

За шесть дней операции, как пишет маршал Новиков, *"враг потерял в воздушных боях и на земле 130 самолетов"* [39].

Одним из самых укоренившихся (и тщательно оберегаемых) заблуждений является представление о том, что 22 июня 1941 г. только аэродромы советских ВВС стали объектом нападения. Ничего подобного. Многие советские авиаполки успели-таки приступить к выполнению своих *"сугубо оборонительных"* предвоенных планов.

"...Телефонистка соединила нас с Виндавой:

- Могилевский? Как дела? Нормально? **Возьми пакет, что лежит у тебя в сейфе, вскрой его и действуй, как там написано** (подчеркнуто авт.).

Командир полка (40-й БАП, 52 исправных СБ, 48 экипажей.- Прим. авт.) подтвердил, что приказание понял и приступает к его выполнению...

В десять часов две минуты 22 июня 1941 г. наши красnozвездные бомбовозы взяли курс на запад...

...Порадовал майор Могилевский.

- Налет на Кенигсберг, Тоураген и Мемель закончился успешно, - сообщил он по телефону.- Был мощный зенитный огонь, но бомбы сброшены точно на объекты. Потерь не имеем.

Это был первый удар наших бомбардировщиков по военным объектам в тылу противника..."

Книга воспоминаний комиссара 6-й авиадивизии А. Г. Рытова [54], в которой было приведено это замечательное свидетельство, была издана Воениздатом в 1968 г. Молодой офицер Володя Резун тогда еще даже не догадывался, что ему предстоит стать Виктором Суворовым, автором *"Ледокола"*...

Комиссар Рытов по праву гордится успехом своих боевых товарищей, но по факту он не прав. Бомбовый удар 40-го БАП не был самым первым налетом на сопредельную территорию.

"22 июня 1941 г. в 4 ч. 50 мин. 25 самолетов СБ из состава 9 БАП ВВС С.-З. ф. вылетели на бомбежку немецкого аэродрома под Тильзитом..." [ВИЖ.- 1988.- No 8].

Как и положено добросовестному историку, А. Г. Федоров приводит после этой информации и ссылку на архив (ЦАМО, ф. 861, оп. 525025, д. 2). Особую ценность этому свидетельству придает то, что его обнаружил не просто профессиональный историк, автор одной из лучших *"доперестроечных"* книг по истории советских ВВС [41], но и военный летчик, с ноября 1941 г. командовавший этим самым 9-м БАП.

И что же? Никому из немецких историков или мемуаристов и в голову не пришло придать этим налетам какое-то судьбоносное решение. На войне как на войне. Мы бомбим их аэродромы, они бомбят наши...

Тише, ораторы! Я прекрасно слышу ваши выкрики из зала:

„Да разве можно сравнивать наши ВВС с немецкой авиацией... У нас летчики были с налетом шесть часов „по коробочке"... Безнадёжно устаревшие самолеты... Никакой радиосвязи..."

Нет проблем. Давайте сравним немцев с... немцами.

В первый день „блицкрига" на Западе, 10 мая 1940 г., люфтваффе нанесло удар по 47 французским аэродромам. Геббельс объявил тогда о фантастическом успехе этой операции, а советские историки, с чувством глубокого облегчения, повторяли эту брехню шесть десятилетий подряд. На самом же деле, французы в первый день **потеряли на земле 20** (двадцать) боевых самолетов, и еще 40 было повреждено [57]. Перед началом „второго генерального наступления", 3 июня 1940 г., немцы нанесли еще один массированный удар по аэродромам французских ВВС. Результат: 16 самолетов уничтожено и 7 повреждено на земле, 32 сбито в ходе завязавшихся над аэродромами воздушных боев. Еще более красноречиво выглядят цифры потерь английской авиации в ходе майских боев над Францией. За первые шесть дней Королевские ВВС потеряли 74 истребителя в воздухе **и только 4 на земле**. За следующие два дня англичане потеряли 28 „Харрикейнов" в воздухе - **и ни одного на аэродромах** [57].

Ничуть не более результативными были и налеты люфтваффе на аэродромы южной Англии в ходе знаменитой „Битвы за Британию". Так, за первые четыре дня авиационного наступления (операция „Адлертаг"), с 12 по 15 августа 1940 г., немцы уничтожили на аэродромах **47 английских** истребителей, потеряв при этом 122 собственных самолета!

И это при том, что общая численность трех Воздушных флотов Германии, участвовавших в операции „Адлертаг", была ничуть не меньшей, чем в начале „Барбароссы", и единственной боевой задачей этой воздушной армады было подавление английской авиации, в то время как при вторжении в СССР люфтваффе пришлось выделить значительную часть сил на огневую поддержку сухопутных войск, разрушение дорог и переправ в тылы Красной Армии, оперативную и стратегическую разведку и т. д.

Ничуть не более результативно действовали и наши союзники. Так, 5 апреля 1944 года 456 американских „Мустангов" и „Тандерболтов" нанесли массированный удар по 11 аэродромам истребительной авиации Германии, уничтожив на земле и в воздухе всего **53 немецких** истребителя [76, 77]. И это - один из самых удачных для союзной авиации эпизодов войны.

Так откуда же взялась та супер-гипер-экстраэффективность, которой якобы достигло люфтваффе 22 июня 1941 года?

Автор честно предупреждал и сейчас еще раз предупреждает читателя - сенсаций не будет. Никаких „доселе неизвестных документов из архива Президента", никаких тайных и поэтому никому неизвестных „мемуаров советника Сталина". Ничего, кроме нудного, скучного, дотошного изучения открытых и, в принципе, общедоступных источников.

Кстати, профессионалы „плаща и кинжала" утверждают, что именно таким путем и добывается большая часть всей разведывательной информации...

Начнем с начала. Было ли в действительности то событие, причины которого мы хотим выяснить?

То, что 11, 9 и 10 САДы были полностью разгромлены, никаких сомнений не вызывает. Это факт, который подтверждается сотнями свидетельских показаний бойцов и командиров сухопутных войск, а также летчиками и командирами бомбардировочных полков ВВС Западного фронта. Все они с первого же дня войны остались без истребительного прикрытия, которое как раз и должны были обеспечить эти три дивизии. Так, 24 июня авиакорпус Скрипка потерял 29 самолетов в 170 боевых вылетах. Это чудовищно высокий уровень потерь. Когда 17 августа 1943 г. потери американцев дошли до такого же уровня (17% к числу вылетов), они на целых семь недель прекратили дневные налеты на Германию.

Не вызывает никаких сомнений и тот факт, что большую часть своих самолетов эти три дивизии потеряли именно на земле. Подтверждением этому могут служить отчеты немецких истребителей о количестве сбитых ими в воздухе

советских самолетов. Число это было очень невелико и составляло лишь малую толику от общего числа потерь 9, 10 и 11 авиадивизий.

Так, летчики самого крупного (как во 2-ом Воздушном флоте, так и во всей группировке люфтваффе на Восточном фронте) соединения истребительной авиации, эскадры JG 51, доложили 22 июня о 69 сбитых в воздухе советских самолетах [63]. В числе этих 69 самолетов было **только 12 истребителей**, остальные 57 были бомбардировщики.

Только сбитые 12 истребителей могли принадлежать 9 и 10 САДам (истребительная дивизия Захарова 22 июня еще только перебазировалась из глубокого тыла в зону боевых действий).

Что же касается 57 сбитых бомбардировщиков, то можно с большой уверенностью предположить, что это были самолеты из 13 БАД генерала Польшина и дальние бомбардировщики 3-го ДБАК Скрипко. Наше предположение основано на том, что входившие в состав 9 и 10 САД бомбардировочные полкм (13 БАП и 39 БАП) потерь в воздухе, как будет показано ниже, практически не понесли. С другой стороны, и Польшин, и Скрипко пишут о десятках расстрелянных „мессершмиттами" самолетов, которые потеряли их полки в первый же день войны.

Заслуживает внимания и тот факт, что официальная сводка немецкого командования утверждала, что летчики люфтваффе сбили в первый день войны **322** советских самолета. Наши же истребители сбили 22 июня порядка **250-300** немецких самолетов, еще около **50** машин было сбито средствами наземной ПВО. По крайней мере, именно такие цифры гуляют по десяткам публикаций. Другими словами, заявленные и той, и другой стороной цифры побед в воздухе были примерно равны. Какими были реальные результаты? Скорее всего, также одинаковыми, но раза в 2-3 меньшими.

Так, Д. Хазанов, со ссылкой на государственный архив ФРГ во Фрайбурге, сообщает, что в первый день войны люфтваффе безвозвратно потеряло от „воздействия противника" 57 самолетов, и еще 54 машины получили повреждения. Не исключено, что эти числа все же следует увеличить, так, еще 6 самолетов было в тот день потеряно, а 50 получили повреждения различной тяжести якобы „без воздействия противника" (в эту категорию немцы заносили, например, всякий разбившийся при вынужденной посадке самолет). Абсолютно точных цифр мы не узнаем никогда, но никакого „избиения" плохо обученных советских летчиков немецкими суперасами" и в помине не было. Такой вывод подтверждается всеми известными ныне конкретными подробностями того рокового дня.

Киевский историк И. А. Гуляс, добросовестно перелопатив гору литературы, составил наиболее полный и подробный (из известных автору) обзор событий первого дня войны в воздухе [58]. Из его работы вырисовывается следующая картина событий.

123 ИАП (71 летчик, 53 исправных И-153, базировался в районе Брест-Кобрин), сражаясь на устаревших „чайках" против истребителей эскадры Мельдерса, сбил (как принято считать) более 20 немецких самолетов разных типов, потеряв в воздушных боях только 9 своих самолетов.

И эти девять „чаек" были (как можно судить по исследованию И. Гуляса) **самыми большими боевыми потерями** среди всех истребительных полков ВВС западных округов.

Столь же ожесточенные - и в целом успешные - воздушные бои вели 127 ИАП (53 летчика, 65 исправных И-153) и 122 ИАП (50 летчиков, 60 исправных И-16) из состава 11 САД. Летчики этих полков доложили, соответственно, о 20 и 15 сбитых немецких самолетах. По крайней мере одна из этих побед оказалась для немцев очень даже заметной: в небе над Гродно был сбит командир истребительной эскадры JG 27, опытейший немецкий ас, ветеран воздушных боев в Испании, В. Шельманн. И это была не единственная потеря среди командиров люфтваффе в тот день. Были сбиты и погибли: командир бомбардировочной группы II/KG 51 Штадельмайер и командир истребительной группы II/JG 53, награжденный „Рыцарским крестом" уже в октябре 1940 г., капитан Бретнютц.

Оценим и персональные успехи истребителей. Лучший на тот момент ас Германии, командир JG51 В. Мельдерс, заявил об одной сбитой „чайке" (И-153 из состава 123 ИАП) и трех СБ (вероятно, из 13 БАД). А наш молодой лейтенант Иван Николаевич Калабушкин, пилотируя тихоходный биплан И-153,

сбил 22 июня два новейших „Мессершмитта“ Vf-109F из эскадры Мельдерса, два „Юнкерса“ и один „Хейнкель“. Андрей Степанович Данилов из 127 ИАП на такой же „чайке“ сбил 22 июня три Vf-110 и один „Хейнкель“. Четыре немецких самолета сбил, выполнив девять боевых вылетов за первый день войны, командир эскадрильи того же 127 ИАП лейтенант (будущий генерал) С. Я. Жуковский.

„...при малейшем организованном отпоре немцы атаку прекращают и уходят... в бой с нашими истребителями вступать избегают; при встрече организованного отпора уходят даже при количественном превосходстве на их стороне... на советские аэродромы, где базируются истребительные части, ведущие активные действия и давшие хотя бы раз отпор немецко-фашистской авиации, противник массовые налеты прекращал...“ Это строки из доклада „Выводы по боевому применению ВВС Западного фронта“, подписанного 10 июля 1941 г. командующим авиацией фронта полковником Науменко [90].

Даже со всеми оговорками, относящимися к неизбежному завышению числа сбитых вражеских самолетов, к неизбежной субъективности любых отчетов и докладов, нельзя не признать, что советские „истребительные части, ведущие активные действия“, проявили в те дни не только огромное мужество и героизм, но и высочайшее боевое мастерство.

Успехи самой крупной (и лучше всех вооруженной) 9 САД были в первый день войны очень скромными, зато и потери, понесенные ею в воздухе, были минимальными. Так, в частности:

- каких-либо упоминаний о боевых действиях и потерях в воздухе 41 ИАП (63 летчика, 56 МиГов и 22 И-16) автору найти вообще не удалось;

- боевые действия 124 ИАП и 126 ИАП (103 летчика, 120 МиГов и 52 И-16) нашли свое отражение в описании воздушных боев, которые ранним утром (с 4 до 9 часов утра) вели летчики Кругов, Кокарев (совершивший один из самых первых воздушных таранов), Алаев, Ушаков, Панфилов (еще один таран), Журавлев. Всего было сбито 8 вражеских самолетов и потеряно в воздушных боях 22 июня, как можно судить по этому описанию, **3-4 своих**.

Наиболее подробные крохи информации мы обнаруживаем в описании боевых действий четвертого по счету истребительного полка 9 САД - 129 ИАП (40 летчиков, 61 МиГ и 57 И-153). Здесь в нашем распоряжении появляются и послевоенные воспоминания бывшего комиссара полка В. П. Рулина.

На рассвете 22 июня 1941 г., в 4 часа 5 минут командир полка капитан Ю. М. Беркаль объявил боевую тревогу и поднял все четыре эскадрильи в воздух. Немецкие бомбардировщики пытались бомбить полевой аэродром полка в Тарново, но атакованные нашими истребителями, беспорядочно сбросили бомбы и повернули назад. В этом воздушном бою летчики Соколов, Кузнецов, Николаев сбили два бомбардировщика He-111 и один прикрывавший их „Мессершмитт“. Еще один вражеский истребитель сбил в бою над Ломжей младший лейтенант Цебенко. Всего утром 22 июня полк сбил 6 самолетов, потеряв один свой.

1 из 118.

Разве же **такие потери** могли привести к **полному разгрому** этих полков и всей 9 САД?

Повторим еще раз: разгром трех авиадивизий (11, 9, 10) Западного фронта мог произойти - и произошел в действительности - исключительно и только НА ЗЕМЛЕ.

2.8. Все - в Балбасово

Вот и мы и подошли к тому моменту, когда надо уже объясниться: почему автор с такой назойливой настойчивостью „ломится в открытую дверь“ и доказывает то, с чем никто из отечественных историков никогда и не спорил.

Проблема в том, что обстоятельства этого самого „уничтожения на земле“ могли быть самыми разными. Например, на захваченный несколько дней (или недель) назад аэродром советских ВВС приезжает команда тыловой службы в составе одного фельдфебеля и двух солдат. Фельдфебель старательно

пересчитывает „по хвостам" БРОШЕННЫЕ на летном поле самолеты, после чего солдаты сливают бензин из баков на землю и щелкают зажигалкой...

Разве это не должно быть названо „уничтожением на земле"? Более того, если фельдфебель был из наземных служб люфтваффе (а так оно, скорее всего, и было), то и самолеты надо по праву считать „уничтоженными немецкой авиацией"!

Разумеется, советские историки-пропагандисты имели в виду совсем другие „картины".

Внезапное нападение, мирно спящие аэродромы, доверчивый Сталин, который „запрещал сбивать немецкие самолеты". И ведь что интересно – благодаря многократному вдалбливанию в мозги именно такая версия (версия очень спорная и странная, противоречащая всему опыту применения боевой авиации в годы Второй мировой войны) превратилась в не требующую никаких доказательств аксиому.

Не пора ли уже спросить: а КТО ВИДЕЛ это самое „внезапное нападение" и уничтоженные в первые утренние часы самолеты?

Территория „белостокского выступа", в котором были развернуты 11, 9 и 10 САДы, была покинута беспорядочно отступающей Красной Армией в первые 2-3 дня войны. За все это время ни Генеральный штаб в Москве, ни командование фронта в Минске так и не смогли получить ни одного внятного донесения о положении дел и местонахождении своих собственных частей. Неужели же кто-то из участников того беспримерного „драп-марша" (в ходе которого пропали десятки генералов и тысячи танков) мог составить достоверный реестр самолетов, оставленных на аэродромах? С точным указанием перечня повреждений, полученных этими самолетами во время налета вражеской авиации. А если такой „реестр" существует, то почему же его так и не опубликовали за истекшие шесть десятилетий? Откуда вообще взялись цифры „уничтоженных на земле" самолетов?

В академически солидной монографии Кожевникова после строчки о потерях авиации Западного фронта стоит ссылка. Знаете на что? На популярную книжку „Авиация и космонавтика СССР". Это так же уместно, как, к примеру, ссылка на роман Жюль Верна в монографии по проектированию подводных лодок. И это при том, что в десятках других, гораздо менее значимых, случаев Кожевников дает, как это и принято в историческом исследовании такого масштаба, ссылку на архивные фонды. Едва ли это случайная небрежность. Скорее всего, больше и сослаться ему было не на что.

Самая крупная из разгромленных, понесшая наибольшие потери от „внезапного удара по аэродромам" 9-я авиадивизия просто исчезла. Никаких ее архивов не сохранилось [56]. Командир дивизии, герой Советского Союза генерал-майор С. Черных арестован 26 июня 1941 г. и позднее расстрелян. Арестован он был в... **Брянске!** В. Анфилов, первым опубликовавший эту информацию [40 с. 111], прямо объясняет такое „перебазирование" за тысячу верст от зоны боевых действий тем, что командир 9 САД „сбежал с фронта".

Но, может быть, о своем небывалом успехе в уничтожении авиации Западного фронта доложили немецкие летчики?

В 13 час. 30 мин. 22 июня 1941 г. Гальдер фиксирует в своем дневнике поступившие в Генеральный штаб вермахта донесения о результатах первого удара немецкой авиации: „...наши военно-воздушные силы уничтожили 800 самолетов противника (1-й Воздушный флот – 100 самолетов, 2-й Воздушный флот – **300** самолетов (в Белоруссии: полоса наступления группы армий „Центр"), 4-й Воздушный флот – 400)..."

К концу дня эти цифры почти не изменились:

„Командование люфтваффе сообщило, что за сегодняшний день уничтожено 850 самолетов противника..." [12].

Командующий Западным фронтом генерал армии Д. Г. Павлов был арестован 4 июля и расстрелян 22 июля 1941 г. Военный дневник Гальдера он никогда не читал. Протоколы допросов Павлова были впервые опубликованы в 1992 г. Ни сам Гальдер, ни его издатель эти протоколы не читали. Тем не менее, Павлов называет (протокол допроса от 7 июля) точно такую же цифру потерь авиации фронта, что и Гальдер [67]:

„...всего за этот день (22 июня) выбито **до 300** самолетов всех систем, в том числе и учебных..."

Обратим внимание на то, как построена фраза: „до 300...“, „всех систем...“, „и учебных...“

Проще говоря, Павлов знает, что потери боевых самолетов были значительно меньше, но, как говорится, „положение обязывает“ его стучать краски.

Преувеличивает – правда, по другой причине – масштаб потерь советской авиации и Гальдер.

К счастью для историка, у нас есть возможность сравнить доклады командиров люфтваффе с более достоверными свидетельствами.

21 августа 41 г. командующий ВВС Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Ф. А. Астахов (к слову сказать, старейший русский авиатор, командовавшего авиацией 5-й армии еще в годы гражданской войны) подписал доклад о боевых действиях авиации фронта в начале войны [90].

По поводу „внезапного удара по аэродромам“ в этом докладе сказано дословно следующее:

*„...первые налеты противника на наши аэродромы прифронтовой полосы **значительных потерь нашим летным частям не нанесли** (подчеркнуто автором), но в результате слабого руководства со стороны командиров авиационных дивизий и полков ... противник повторными ударами в течение 22.06.41 г. и в последующие два дня нанес нашим летным частям значительные потери, уничтожив и повредив на наших аэродромах за 22, 23 и 24 июня 1941 года **237 самолетов...**“*

Цифра эта – 237 уничтоженных на земле (без уточнения о „поврежденных“!) самолетов – долгие годы бродила по страницам книг наших борзописцев, но при этом никто из них так и не признался, что это **потери за первые три дня, а вовсе не от первого налета** немцев. Что совсем не одно и то же. К 24 июня про „внезапное“ нападение знали уже олениводы Чукотки...

Генерал Астахов вступил в командование ВВС Ю.-З. фронта только 26 июня 1941 г. За потери первых дней войны он ответственности не несет (22 июня Астахов еще командовал учебными заведениями ВВС Красной Армии). Если он и был в чем-то лично заинтересован, так только в преувеличении размера потерь, понесенных авиацией фронта при его предшественнике. Тем не менее, сравнение его отчета с записями Гальдера показывает, что немецкие летчики строго придерживались правила „три пишем, один – в уме“.

Скорее всего, мы не сильно ошибемся, если оценим общие боевые потери авиации Западного фронта за 22 июня 1941 г. в **100– 150 самолетов**, в том числе и несколько десятков самолетов, действительно сожженных немецкой авиацией на приграничных аэродромах 11, 9 и 10 САД. Все остальные „уничтоженные на земле“ самолеты пропали, по нашему мнению, в ходе мероприятия под безобидным названием **„перевозка“**.

В 129 ИАП (9 САД) это происходило следующим образом. В середине дня этот полк (истребительный полк!) решено было „вывести из под удара“. Перелетели в Добженовку. Затем – на крупный аэродром в Кватеры (это уже порядка 100 км от границы). Учитывая, что самолетов в полку было почти в три раза больше, чем летчиков, можно предположить, что уже в ходе этого первого этапа „перевозки“ десятки новехоньких МиГов были брошены на земле и в дальнейшем украсили победные сводки люфтваффе. Вечером того же дня 22 июня аэродром в Кватерах подвергся 15-минутной штурмовке двумя эскадрильями Ме-110. После этого, как пишет в своих воспоминаниях Рулин, **„остатки (?) полка перелетели в Барановичи“**. Последние пять МиГов были брошены в Барановичах по причине **разрушения взлетной полосы** аэродрома в результате немецких бомбежек. Днем 23 июня **„командир приказал оставшемуся личному составу собраться на аэродроме Балбасово – пункте сбора летного и технического состава авиаполков округа“** [66].

Балбасово – это под городом Орша. 550 км к востоку от границы. Лихо. Если бы немецкие истребительные эскадры решили „выйти из под удара“ с подобным пространственным размахом, то они очутились бы на ближних подступах к Берлину...

Сердитый читатель должен уже возмутиться: „А что же им еще оставалось делать, если аэродром был разрушен! На себе самолеты тащить?“

Предположение верное. Именно так и положено обращаться с крайне дорогостоящей военной техникой. Тащить на себе. Почитайте воспоминания

Покрышкина, он там очень подробно описывает, как спасал свой разбитый МиГ после вынужденной посадки, как тащил его десятки километров по дорогам отступления... Но к теме нашей дискуссии все это никакого отношения не имеет. Аэродром в Барановичах был вполне пригоден для боевой работы.

В 6 часов утра 22 июня командующий ВВС Западного фронта И. Копец приказал командиру 43 ИАД Г. Захарову прикрыть одним истребительным полком город и крупный железнодорожный узел Барановичи. Во исполнение этого приказа Г. Захаров, штаб дивизии которого находился именно в Балбасово, перебазировал в Барановичи свой 162 ИАП (54 истребителя И-16).

„К девяти часам утра полк приземлился в Барановичах, – пишет в своих мемуарах генерал Захаров, – после первых бомбардировочных ударов гитлеровцев аэродром в Барановичах почти не пострадал...“

Ну это же после первых ударов... Может быть, его потом разрушили, как раз тогда, когда в Барановичи перебазировались „остатки“ 129 ИАП?

„В ночь на 23 июня немцы предприняли попытку бомбить аэродром, но попытка была сорвана и отбомбились они неудачно... С утра 23 июня в течение двух суток полк находился в непрерывных боях, и за это время летчики Пятин, Овчаров, Бережной, другие открыли свой боевой счет... За первые три дня полк не потерял в боях ни одного летчика...“ [55].

Вот такая у нас была „странная война“. Одни перебазировались с запада на восток, другие – с востока на запад. Одни – в Балбасово, другие – из Балбасово. Для одних аэродром пригоден для того, чтобы три дня на нем воевать, не потеряв при этом ни одного летчика. Другие и взлететь с него не могут, поэтому и бросают новейшие истребители...

В мемуарах Захарова есть и еще один, очень примечательный штрих:

„...приземлившись в Барановичах (ранним утром 22 июня), летчики 162-го полка увидели несколько бомбардировщиков Пе-2 и Су-2, несколько истребителей МиГ-1, МиГ-3 и даже истребители Як-1. Это были экипажи из разных авиационных полков и дивизий, которым в первые минуты войны удалось взлететь под бомбами...“

Одним словом, некоторые летчики 9 САД (а только в ней и были МиГи) начали „перебазирование“ в порядке личной инициативы, не дожидаясь никаких приказов, в первые же минуты войны. К вечеру перелетных „соколов“ стало гораздо больше. Захаров пишет, что на аэродроме Минска он обнаружил „самолеты разных систем, абсолютно незамаскированные, все было забито техникой“.

Минск – это „всего лишь“ 350 км от фронта. Нашлись и передовики „перебазирования“, которые смогли долететь в первые часы войны аж до Смоленска!

„...В тревожное военное утро 22 июня 1941 года на аэродромы нашего авиакорпуса стали производить посадку одиночные истребители полков армейской авиации Западного фронта.

После напряженных воздушных боев многие из них уже не могли сесть на свои поврежденные аэродромы, а некоторые сразу были перенацелены на запасные аэродромы, в том числе и на наши...“ [50]. Это – строки из воспоминаний маршала авиации Скрипко. Его 3-й дальнебомбардировочный корпус (как об этом уже говорилось выше) перед войной базировался в районе Смоленска (700 км от тогдашней госграницы). Редкий истребитель долетит туда от Бреста или Белостока, а уж о том, чтобы совершить такой перелет после „напряженного воздушного боя“, и речи быть не могло! Еще более странно звучат слова о том, что уже УТРОМ первого дня войны кто-то и зачем-то „перенацеливал“ истребительную авиацию в глубочайший тыл. Неужели истребительная авиация создавалась только для того, чтобы после первых же выстрелов начать безостановочный „выход из под удара“?

Во второй половине дня 22 июня 1941 г. начатое „по инициативе снизу“ перебазирование приобрело характер массового бегства.

В. И. Олимпиев, 1922 года рождения, один из очень немногих призывников 1940 года, кому посчастливилось дожить до Победы. Интернет-сайт „Я помню“ опубликовал книгу его воспоминаний о войне, которую Всеволод Иванович прошел от первого до последнего дня, от Белостока через Москву до Берлина. В Белостоке сержант Олимпиев служил командиром отделения телефонистов штаба 9 САД. Вот почему, несмотря на столь скромное звание, видел и знал Всеволод Иванович довольно много. Его мемуары стоят того, чтобы их подробно

процитировать, подчеркнув некоторые ключевые слова:

„...вернувшись с дежурства в казарму поздно вечером 21 июня 1941 г. с увольнительной на воскресенье в кармане, я уже задремал, когда сквозь сон услышал громкую команду - „в ружье". Взглянул на часы - **около двух ночи**. Боевая тревога нас не удивила, так как ожидалось очередные войсковые учения... Почти рассвело, когда наш спецгрузовик, предназначенный для размотки и намотки кабеля, достиг военного аэродрома на окраине города. Все было тихо. Бросились в глаза **замаскированные в капонирах вдоль летного поля 37-мм зенитные орудия** (а сколько было причитаний по поводу отсутствия зенитного прикрытия на наших аэродромах!), вооруженные карабинами расчеты которых были в касках...

...буквально за несколько минут до начала бомбардировки на летном поле, как мы убедились сами, было тихо, не раздавался рев разогреваемых моторов, и вообще ничто не говорило о готовности к взлету хотя бы дежурного звена (в каждом полку в соответствии с Боевым Уставом БУИА-40 должно было быть по 2 звена в готовности к немедленному взлету). Похоже, летчиков даже не оповестили о том, что воздушные эскадры противника уже пересекли нашу границу. Такое трудно объяснить плохой работой связистов...

...первую половину дня я дежурил у телефона на ЗКП командира 9-й САД... в конце дня 22 июня я получил по телефону **приказ бросить все** и как можно быстрее вернуться в штаб дивизии... Все авиационные части получили **приказ немедленно покинуть город** и уходить на Восток...

...поздним **вечером 22 июня** длинная колонна покинула Белосток и уже ранним утром понедельника была далеко за городом... В машинах находились **только военные** с голубыми петлицами...

...на рассвете 23 июня автоколонна авиационных частей двигалась по шоссе на Барановичи (это уже 250 км к востоку от границы)..., днем 24 июня мы продолжали движение на восток.

Этот вторник был фактически концом 9 САД... На рассвете 25 июня мы увидели в низине затемненный город Оршу".

Ну вот мы и в Балбасово...

Практически так же и с теми же последствиями проходило „перебазирование" 10 САД полковника Белова. В состав этой авиадивизии, базировавшейся восточнее Бреста, в районе Кобрин-Пружаны, входили два истребительных (123 ИАП и 33 ИАП), бомбардировочный (39БАП) и штурмовой (74 ШАП) полки.

Полковник Белов дожил до Победы (правда, встретил он ее все в том же звании полковника - обстоятельство среди авиационных командиров уникальное). В самые что ни на есть „застойные годы" (в 1977 г.) были опубликованы его воспоминания о первом дне войны. Название очерка - „Горячие сердца". Интонация повествования - соответствующая названию. Тем не менее, на пяти страничках текста разбросаны алмазы ценнейшей информации [44]:

„...20 июня я получил телеграмму с приказом командующего ВВС округа: привести части в **боевую готовность**, отпуска командному составу запретить, находящихся в отпусках - отозвать в части...

...командиры полков получили и мой приказ: самолеты **рассредоточить за границы аэродрома**, личный состав из расположения лагеря не отпускать..."

Здесь необходимо небольшое уточнение. Подобные приказы - о повышении боеготовности, о рассредоточении и маскировке самолетов, о переводе личного состава на казарменное положение - были отданы не только в 10 САД. Так, бывший командир 43 ИАД Г. Захаров вспоминает:

„...все отпускники были отозваны и вернулись в части, увольнения в субботу и воскресенье я отменил, было увеличено число дежурных звеньев, эскадрилий..."

А вот строки из воспоминаний подполковника П. Цупко об обстановке в 13БАП (9 САД):

„...с рассвета дотемна эскадрильи замаскированных самолетов с подвешенными бомбами и вооружением, с экипажами стояли наготове. Это было очень утомительно..., но иного выхода не было. В полку было пять эскадрилий по двенадцать экипажей в каждой. Дежурили обычно три из них, остальные учились, летали. Через сутки эскадрильи сменялись..." [64].

Не были эти приказы и плодом местной инициативы командования ЗаОВО.

Г. Захаров вспоминает, как в конце 1940 г. он был участником совещания

у Сталина, по результатам которого был „издан специальный приказ ... о необходимости перевода личного состава летных частей **на казарменное положение**". А выдающийся ас – истребитель, Герой Советского Союза Ф. Ф. Архипенко в своих мемуарах вспоминает и о личных переживаниях по этому поводу:

„...вышел приказ No 0200 Наркома обороны, согласно которому командиры с выслугой в рядах РККА менее 4-х лет обязаны были жить в общежитиях на казарменном положении..., что весьма расстраивало таких как я, храбрых и холостых...” [59].

Теперь к вопросу о самолетах, „которые стояли на аэродромах рядами, крыло к крылу, выстроенные, как на параде”.

19 июня 41 г. в округа поступил Приказ Наркома обороны No 0042, который требовал:

„...категорически воспретить линейно и скученно располагать самолеты..., имитировать всю аэродромную обстановку соответственно окружающему фону..., проведенную маскировку аэродромов, складов, боевых и транспортных машин проверить с воздуха наблюдением и фотосъемками...” [ВИЖ.-1989.- No 5].

Полный текст этого важнейшего документа был опубликован недавно, но в пересказе его упоминали в своих „доперестроечных” мемуарах А. М. Василевский и М. В. Захаров. Да, с момента получения этого приказа до нападения оставалось 2 дня. А сколько надо дней для того, чтобы откатить И-16 (вес пустого полторы тонны) на край летного поля и наломать в июне зеленых веток для маскировки?

20 июня вышел следующий Приказ Наркома No 0043 на ту же самую тему:

„3. К 1 июля произвести маскировку всех аэродромных сооружений применительно к фону местности...”

...

5. На лагерных аэродромах самолеты располагать рассредоточено под естественными и искусственными укрытиями...” [6].

Из показаний командующего Западным фронтом Д. Г. Павлова следует, что в 2 часа ночи 22 июня „Копец и его заместитель Такурский доложили мне, что авиация **приведена в боевую готовность** полностью и рассредоточена на аэродромах в соответствии с приказом Наркома обороны...” [67].

Этот доклад полностью подтверждается и воспоминаниями Белова:

„...около **2 часа ночи 22 июня даю сигнал „Боевая тревога”**.”

Он передается по телефону, дублируется по радио (полное отсутствие средств связи?). Через несколько минут получено подтверждение от трех полков о получении сигнала **и его исполнении**. Из 74-го ШАП подтверждения получения этого сигнала не было (ага! Вот они – диверсанты...) Полковник Бондаренко вылетел в 74 ШАП на самолете По-2 (как можно „оставить без связи” авиадивизию, самолеты которой сами по себе являются прекрасным средством связи!) в 3 ч. ночи и по прибытии **объявил боевую тревогу...**”

Итак, все части дивизии приведены в состояние полной боевой готовности, личный состав дежурит на аэродромах, самолеты рассредоточены и замаскированы.

„Но если к нам нагрянет враг матерый, он будет бит – повсюду и везде...”

Первым, в 4 часа 15 минут, удару врага подвергся 74 ШАП (62 устаревших И-152/153 и 8 новейших Ил-2, 70 летчиков). Белов описывает это так:

„...10 „мессершмиттов” в течение нескольких минут расстреливали самолеты (обычно, в книжках советских историков, налет на „мирно спящий аэродром” продолжается пару часов, но Белов – летчик, и так врать он не может, потому что знает, что боезапаса Вф-109F хватает на 50 секунд непрерывной стрельбы из пулеметов и 11 секунд – из пушки МГ-151)... В результате все пятнадцать И-152 и два Ил-2 были уничтожены”.

Полковник Белов ушел из жизни в 1972 году. Спросить его – что значит „**все пятнадцать**”, если их **всех было 62** – уже нельзя. Не у кого и узнать, куда же делись шесть уцелевших Ил-2?

„...Оставшийся **без самолетов (???)** личный состав забрал документы, зная и под командованием начальника штаба майора Мищенко (а где же командир полка? Когда и куда он „перебазировался?”) убыл на восток...” Надо полагать – в Балбасово. На этом боевые действия 74 ШАП

закончились.

Здесь необходима еще одна справка. Штурмовик Ил-2 считался в ту пору совершенно секретным вооружением Красной Армии. В. Б. Емельяненко в своих мемуарах [48] пишет, как в середине июня 1941 г. его 4 ШАП перевооружался на Ил-2. Сначала летчики изучали гидро- и электросхемы „самолета Н“, который им не показали даже на картинке. Когда из Воронежа пригнали несколько первых Илов, то летчикам дали полюбоваться ими, а затем „военные с красными петлицами“ (т. е. НКВДэшники) зачехлили самолеты, опечатали завязки чехлов и выставили свою (!) охрану.

Затем наступила очередь „перевести“ 39 БАПу. Перед войной этот полк (43 СБ и 9 новейших Пе-2, 49 экипажей) базировался в Пинске, за **160 км от границы**. В скобках заметим, что лишь очень немногие бомбардировочные группы люфтваффе расположились так далеко от линии будущего фронта. Боевые действия этого полка (как можно судить по статье полковника Белова) продолжались 22 июня 1941 г. всего один час:

*„...с аэродрома 39 БАП в 7 часов утра поднялась девятка под командованием капитана Щербакова..., немцы приняли наши бомбардировщики за свои. Девятка успешно выполнила поставленную задачу. Примерно через час (т. е. в 8-9 часов утра) на Пинск налетели 25-30 вражеских бомбардировщиков. Но на аэродроме были только поврежденные при первом налете машины (в тексте нет ни одного слова про этот самый „первый налет“). Все исправные самолеты уже перелетели **на другой аэродром...**“* Какой именно аэродром - Белов не сообщает. Странно. Трудно ли было написать одно слово, тем более, что множество других аэродромов в тексте названы „поименно“?

Бывший начальник штаба 4-й Армии, в полосе которой и должна была бы действовать 10 САД, генерал-полковник Л. Сандалов описывает **эти же** события совсем по-другому:

*„...около 10 часов утра последующими ударами немецкая авиация разгромила и бомбардировочный полк 10 САД на аэродроме в Пинске, уничтожив **почти все самолеты**, в том числе и новые бомбардировщики Пе-2, которые не были даже заправлены горючим. В полку осталось только 10 самолетов СБ...“* [79].

Кому же верить, Дорогой читатель? Командир дивизии уверяет, что, самое позднее, в 9 часов утра полк уже переведен из Пинска на „другой аэродром“. Начштаба армии уверяет, что в 10 утра как раз и произошло уничтожение почти всех самолетов 39 БАП на аэродроме в Пинске. Белов утверждает, что уже в 2 часа ночи 39 БАП получил сигнал боевой тревоги. Сандалов объясняет потерю самолетов на аэродроме тем, что даже новейшие Пе-2 не были заправлены топливом.

И это **через 8 часов** после объявления боевой тревоги?!?

Некоторую ясность в вопрос о „другом аэродроме“ вносят вот эти свидетельства Сандалова: „командир 10-й авиадивизии со штабом и остатками авиационных полков перешел 22 июня в Пинск, а 24 июня - в район Гомеля“.

Гомель - это 500 км на восток от Бреста. Немцы заняли район Гомеля только 17-19 августа, почти через два месяца после начала войны. Таким образом, „перевод“ в Гомель очень надежно выводило остатки 10 САД „из под удара“ и столь же гарантированно лишало остатки 4-й Армии всякой поддержки с воздуха. Впрочем, это произошло даже не 24 июня, а еще раньше. Все с тем же эпическим спокойствием Сандалов пишет:

*„...во второй половине дня 22 июня командир 10 САД ... ушел со своим штабом в Пинск. В дальнейшем штаб армии со штабом авиационной дивизии связи не имел. Остатки этой дивизии совместных действий с войсками армии **больше не вели** ... командующий Кобринским бригадным районом ПВО вместе с подчиненными ему частями 23 июня переведен в Пинск, а позднее - в тыл“. Вот так, взял и „переведен в тыл“. Переведен в то самое время, когда немецкая авиация буквально свирепствовала над полями боев. И что совсем уже странно, Сандалов утверждает, что все эти удивительные „переводы“ были произведены с санкции командования Западного фронта?!*

Из слов Сандалова как будто следует, что 23 июня штаб 10 САД еще был в Пинске, т. е. в зоне боевых действий. Но это предположение противоречит другим источникам. Так, Скрипка приводит такой текст донесения капитана М.

Ф. Савченко, сменившего на посту командира 123 ИАП майора Б. Н. Сурина, погибшего 22 июня в воздушном бою:

„...штаб 10 САД эвакуировался **не знаю куда**. Сижу в Пинске, возглавляя группу истребителей... Вчера, 22.06 провели восемь воздушных боев, сбили 7 бомбардировщиков, 3 Ме-109 и 1 разведчик... Сегодня группа сделала 3 боевых вылета, жду указаний, как быть дальше...” [50].

Приводит Сандалов (правда, в другой своей книге) и весьма странный разговор, который состоялся у него 22 июня с командиром 10 САД полковником Беловым:

„- С переходом дивизии в Пинск всякая связь с вами будет потеряна, - заметил я. - А почему бы вам не перебазировать сохранившиеся самолеты в район Барановичей или Слуцка?

- В Барановичах аэродром разрушен, а в Слуцке подготовленного аэродрома и раньше не было, - возразил Белов. - Так что, кроме Пинска, деваться нам некуда...” [82].

Самое странное здесь даже не очередное упоминание про „разрушенный аэродром в Барановичах”, а предложение Сандалова перебазировать авиадивизию в Слуцк. Достоверной информации о состоянии аэродрома в Барановичах оба полковника в тот момент могли и не иметь, но как же Сандалов мог не знать, что Барановичи в полтора, а Слуцк - в два раза дальше от Кобрина, нежели Пинск? Если в этом диалоге и мог быть хоть какой-то смысл, то только в том случае, когда уже в 14 часов 22 июня речь шла о „перебазировании” 10 САД вовсе не в Пинск, а в Гомель ...

Еще одним чрезвычайно показательным примером „достоверности” общепринятой версии уничтожения авиации Западного фронта может служить описание разгрома 33 ИАП (44 самолета И-16, 70 летчиков), данное в **четырёх** разных источниках.

Генерал-полковник Л. М. Сандалов, „Боевые действия войск 4-й армии...”:

„Одновременно с артиллерийской подготовкой (т. е. на рассвете 22 июня) немецкая авиация произвела ряд массированных ударов по аэродромам 10 САД. В результате этих ударов были сожжены ... 75% материальной части 33 ИАП на аэродроме в Пружаны вместе со всем аэродромным оборудованием...”

75 процентов - это только на рассвете. Описывая события, происходившие около 10 часов утра, Сандалов утверждает, что „истребительные полки потеряли **почти все** самолеты и не могли выполнять боевых задач...”

Иную картину событий рисует бывший командир 10 САД полковник Белов:

„...на аэродром в Пружанах налетело 20 „хейнкелей”. Они действовали под прикрытием небольшой группы Ме-109. В это время **на аэродроме была только одна эскадрилья**. Она поднялась навстречу и вступила в неравный бой. Вскоре вернулись с задания остальные три эскадрильи (они прикрывали район Брест-Кобрин) и также вступили в воздушный бой... Летчики рассеяли немецких бомбардировщиков, и те беспорядочно сбросили бомбы, **почти не причинив вреда**. В этом бою было сбито пять самолетов противника... (единственной в этом бою потерей, о которой пишет Белов, была гибель лейтенанта С. М. Гудимова, таранившего немецкий бомбардировщик), ...фашисты нанесли по аэродрому еще один бомбовый удар двенадцатью „юнкерсами” Ю-88, вскоре - штурмовой налет двенадцати Ме-109, минут через тридцать - еще один. В полку не осталось **ни одного самолета**, способного подняться в воздух..., я приказал всему личному составу 33 ИАП сосредоточиться на аэродроме в Пинске (т. е. именно там, где капитан Савченко на следующий день искал и не мог найти самого Белова) и ждать моих распоряжений. К 10 часам фактически закончились боевые действия этого полка”.

Из дальнейшего описания однозначно следует, что Белов имел в виду именно 10 часов **утра**. Запомним это обстоятельство.

Будущий маршал авиации Скрипка в те дни находился в районе Смоленска, за сотни километров от места гибели 33 ИАП. Тем не менее, в его воспоминаниях появляется уже и „объективная причина” того, почему последний налет „мессершмиттов” привел к таким огромным потерям:

„...в боевой готовности встретил войну 33 ИАП, базировавшийся в 75 км от государственной границы, в районе Пружан. Летчики авиачасти неоднократно перехватывали большие группы фашистских бомбардировщиков He-111 на дальних подступах к своему аэродрому... После одного из таких воздушных

боев наши летчики вернулись на аэродром почти **с пустыми топливными баками...** В этот момент к аэродрому на малой высоте подошли не замеченные постом ВНОС 10 фашистских „мессеров". Они с ходу атаковали рулящие, заправлявшиеся топливом истребители, расстреливая их огнем из пушек, пулеметов. Противовоздушной обороны здесь не было, и нападение противника продолжалось более часа".

На этой точке Скрипко заканчивает свой рассказ о боевых действиях 33 ИАП. Ни точного времени того рокового налета, ни конкретного числа потерянных полком самолетов он не называет.

И вот, наконец, описание **тех же событий**, выполненное на основании документов, составленных пунктуальными немцами:

*„...в 21 час 20 мин. четвертый штаффель (эскадрилья) истребительной эскадры JG 51 в составе девяти Vf-109F под командованием обер-лейтенанта Э. Хохагена атаковали стоянки самолетов 33 ИАП на аэродроме Пружаны, затем в 21-31 и 21-38 подошли еще две группы „мессершмиттов". По возвращении на базу немецкие летчики доложили об уничтожении на земле **17 советских самолетов...**" [63].*

Нужны ли комментарии? Потеря 75% матчасти после **первого удара** (версия Сандалова), успешное отражением первого удара и полное уничтожением всех самолетов полка последующими ударами противника к 10 часам **утра** (версия Белова) и, наконец, потеря на земле всего лишь 17 самолетов (39% от первоначальной численности) в 10 часов **вечера**.

Показания бывшего командира дивизии опровергают и „технически грамотную" версию маршала Скрипко. Если (как пишет Белов) „всему личному составу" полка в первой половине дня 22 июня было приказано „перевести" в Пинск, то в 21 час 20 мин. на аэродроме в Пружанах уже никого не было. Никто никуда не „выруливал и не заруливал", а немцы успешно штурмовали БРОШЕННЫЕ на земле самолеты. Примечательно, что и в этом случае (опустевший аэродром, отсутствие всякого противодействия) немцы отчитались всего лишь о 17 уничтоженных самолетах – а вовсе не о „75% материальной части 33 ИАП вместе со всем аэродромным оборудованием..."

Кстати об аэродромном оборудовании. Немцы тоже непрерывно перебазировались. Уже к концу июня практически все истребительные и штурмовые авиагруппы люфтваффе перелетели с аэродромов в Польше на аэродромы бывшего ЗапОВО. Чуть позднее перебазировались на восток и бомбардировщики. 3 июля 1941 г. за подписью Г. К. Жукова вышла Директива Ставки о нанесении массированного удара по аэродромам базирования немецкой авиации [5]. В качестве таковых было названо десятка два аэродромов, причем не только западных, но уже и восточных областей Белоруссии и Украины. В тот день, когда Жуков подписал эту Директиву, истребительная эскадра Мельдерса базировалась в районе Быхова на Днепре, в нескольких километрах от линии фронта [63]. Именно с наших аэродромов (на которых, „как все знают", ничего – взлетных полос, бензохранилищ, телефонных линий, подъездных дорог, укрытий для личного состава – не было), на которых „в первый день внезапным ударом" было уничтожено то небольшое, что было, немецкая авиация и действовала все лето 1941 года.

Ко всему сказанному выше осталось только добавить, что книга Сандалова написана была не для пионервожатых и даже не для студентов-историков. Воениздат выпустил ее в 1961 г. с грифом „секретно" в качестве учебного пособия для слушателей военных академий. На ней воспитано два поколения наших полководцев.

Чем быстрее и успешнее наступали вглубь советской территории танковые корпуса вермахта, тем больший размах приобретало „перевести" советской авиации. Уже вечером 24 июня Гальдер с чувством глубокого удовлетворения записывает в своем дневнике:

„...авиация противника, понесшая очень тяжелые потери (ориентировочно 2 000 самолетов), полностью перебазировалась в тыл..."

Самое примечательное в этой записи – цифра. Чем дальше от дня и часа „внезапного нападения", тем **больше** становятся цифры потерь от удара по „мирно спящим аэродромам". 2 000 – это только начало процесса. Еще через несколько дней число уничтоженных 22 июня 41 г. советских самолетов

оценивается немцами в 1 811 (вместо 850!), причем 1 489 из них считаются „уничтоженными на земле“. Достижения 2-го Воздушного флота люфтваффе вырастают к 28 июня в пять раз (1 570 против 300). Примечательно, что и эта цифра близка к тем, что встречаются в докладах советских военачальников (1 163 самолета потеряно к 29 июня по отчету командующего ВВС Западного фронта Науменко, 1 483 самолета – по докладу нового начштаба фронта генерала Маландина) [40, с. 286].

Потери авиации Северо-Западного фронта за три первые дня войны „вырастают“ в 15 раз (1 500 против 100), причем 1 100 из них считаются „уничтоженными на земле“. Все это так удивило Геринга (толстый и противный, но все-таки военный летчик Первой мировой), что он прислал специальную комиссию для проверки этих отчетов. Комиссия проехала по захваченным аэродромам и обнаружила на них более двух тысяч советских самолетов. Задним числом всю эту массу **брошенной при паническом бегстве техники** записали в число „уничтоженных внезапным ударом по аэродромам“.

С этим никто не стал спорить – ни немецкие летчики (что понятно), ни советские „историки“ (что еще понятнее)...

Теперь вернемся к тому вопросу, который мы поставили в предыдущей главе: чем можно объяснить огромную разницу в числе потерянных на аэродромах самолетов в разных частях ВВС Красной Армии? Ответ предельно прост. Так как **главным „истребителем“ был немецкий фельдфебель с зажигалкой**, то и количество сожженных им самолетов прямо зависело от темпов наступления вермахта на разных участках советско-германского фронта.

Как известно, самый крупный успех в первые дни войны был одержан немцами в Белоруссии – там мы и обнаруживаем две трети всех уничтоженных на земле самолетов.

В Молдавии темпы продвижения противника были нулевыми (наступление румынских и немецких войск началось там только **2 июля**), никакого „перевоза“ ВВС Южного фронта в июне 1941 г. просто не было – в результате и потери авиации были минимальными. Атаковав 22 июня 1941 г. 6 советских аэродромов, летчики 4-го авиакорпуса люфтваффе уничтожили в воздухе и на земле (по разным источникам) 23–40 наших самолетов, потеряв, судя по отчетам советских летчиков, более 40 своих [58].

Истребительные полки ВВС Южного фронта потеряли в первый день войны всего по 2–3 самолета, а 69 ИАП не потерял ни одного. В дальнейшем этот полк под командованием выдающегося советского летчика и командира Л. Л. Шестакова, никуда не „перевозился“, провоевал 115 суток в небе над Кишиневом и Одессой. Провоевал на тех самых „безнадёжно устаревших“ истребителях И-16, с которыми полк и вступил в войну. Только в воздушных боях пилоты 69 ИАП сбили за этот период 94 немецких и румынских самолета, только 22 сентября ударом по двум аэродромам в оккупированной к тому времени Молдавии был уничтожен 21 самолет противника [25, 91].

Контраст с разгромом ВВС Западного фронта настолько разителен, что советским историкам было поручено как-то на него прореагировать. Ну, если партия скажет „надо“...

Задним числом была разработана такая „легенда“: командование Одесского ВО якобы не побоялось нарушить мифический „запрет Сталина“, привело авиацию округа в боевую готовность, рассредоточилось и замаскировалось. Вот поэтому и потери от первого удара по аэродромам были минимальными.

Увы, эта „версия“ с одной стороны лжива, с другой – ошибочна. Лжива она в том смысле, что „сталин“ (т. е. военно-политическое руководство СССР) в последние дни перед началом войны отправляло директивы о повышении боевой готовности, о маскировке и рассредоточении авиации во все без исключения округа, и все командующие ВВС – в том числе и командующий ВВС Западного фронта Копец – **не только получили эти шифровки, но и отчитались о выполнении**.

Представление же о том, что в Одесском округе приказы выполнялись лучше, чем где бы то ни было, просто ошибочно.

„Несмотря на достаточное количество времени с момента объявления тревоги до налета противника, части все же не смогли уйти из-под удара с

наименьшими потерями ... благодаря преступной халатности и неорганизованности... Рассредоточение материальной части было неудовлетворительным во всех полках... Маскировки, можно считать, нет, особо плохо в 55-м ИАП..." [56].

Это строки из приказа, в котором командир 20 САД, генерал-майор Осипенко подвел итоги первого дня войны. 20 САД – это самая крупная авиадивизия Одесского округа (325 самолетов по состоянию на 1 июня 1941 г.) и лучше всех вооруженная (122 новейших МиГа в двух истребительных полках), а 55 ИАП, в котором, по оценке командира дивизии, не было никакой маскировки, во всех статьях о начале войны упоминается как один из самых результативных (именно в этом полку начал свой боевой путь наш лучший ас, трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин). Еще одним штрихом к картине „необычайной организованности" в ВВС Одесского округа может служить советский самолет Су-2, сбитый Покрышкиным в первый день войны. Самолет принадлежал 211 БАПу той же самой 20 САД, но „конспирация" дошла до того, что летчикам-истребителям никто не показал этот новый для советской авиации бомбардировщик даже на картинке.

Никуда не „перебазировалась" в первые недели войны и авиация Ленинградского ВО, Балтийского и Северного флотов. В результате немцы на этом участке фронта почему-то **ни разу не смогли** прибегнуть к своему „чудодейственному" приему – удару по аэродромам.

Приведем только один, чрезвычайно показательный, пример. 13 ИАП из состава ВВС Балтфлота базировался... в Финляндии, на полуострове Ханко. С началом второй финской войны (25 июня 1941 г.) аэродром, на котором базировались истребители, оказался в зоне действия финской артиллерии и постоянно обстреливался. По той „логике", в которой у нас принято описывать разгром авиации Западного фронта 13 ИАП должен был быть уничтожен за несколько часов. Как, например, 74 ШАП из дивизии Белова. Фактически же, 13 ИАП провоевал на Ханко **до осени** 1941 года. За это время летчики полка, ветераны Халхин-Гола, А. Антоненко и П. Бринько сбили 11 и 15 вражеских самолетов. В марте 1942 г. полк был переименован в 4-й Гвардейский. Более полутора лет (до января 1943 г.) полк успешно воевал на „устаревших, не идущих ни в какое сравнение с немецкими самолетами" истребителях И-16. Только за один месяц, с 12 марта по 13 апреля 1942 г., 4 ГИАП сбил 54 немецких самолета, потеряв лишь два И-16. Будущий командир этого полка, будущий Герой Советского Союза В. Ф. Голубев, пилотируя И-16, сбил 27 самолетов, в том числе – два новейших немецких FW-190 [25, 91].

Что к этому можно добавить? Только и остается, что в очередной раз повторить прописную истину: воюют не танки, а танкисты, не самолеты, а летчики...

Если и нужны еще какие-то доказательства того, что главной причиной разгрома первого эшелона ВВС Западного фронта было поспешное и хаотичное „перебазирование" личного состава, то таким доказательством является дальнейшая – после 22 июня – судьба 11, 9 и 10 САД.

„На второй день войны эти три авиационные дивизии, находившиеся в первом эшелоне, оказались небоеспособными и были выведены на переформирование", – так пишет в своей монографии Кожевников. Это совершеннейшая правда, подтверждаемая всеми прочими свидетельствами.

Но что тут было причиной, а что – следствием?

Даже если руководствоваться общепринятыми цифрами потерь этих дивизий, к утру 23 июня на их вооружении должно было оставаться, соответственно, **72, 62 и 51 самолет**. Что, авиадивизия, в которой осталось 72 самолета, должна считаться „небоеспособной"???

Все познается в сравнении. В соседней с 11 САД полосе Северо-Западного фронта действовала немецкая бомбардировочная эскадра (аналог нашей авиадивизии) KG 77. К утру 24 июня в составе трех групп (полков) этой эскадры было 67 исправных „Юнкерсов". И эта эскадра не была исключением. „Хейнкели", с которыми сражались летчики 123 ИАП в небе над Брестом и Кобрином, были из состава эскадры KG 53. К утру 24 июня в составе трех ее групп было 18, 10 и 22 исправных бомбардировщика. И это при штатной численности 40 самолетов в группе! Всего 69 исправных „Юнкерсов" оставалось в трех группах эскадры KG 76, 73

„Хейнкеля" в составе KG 27...

Два десятка самолетов в авиагруппе – это еще много. 30 августа 1941 г. в действующей в составе 4-го ВФ над Украиной истребительной группе III/JG3 был **один исправный** „мессер". Что же сделали немцы с этой группой? Вывели ее на переформирование? Нет. Ко 2 сентября починили 10 поврежденных машин, и в таком составе (11 самолетов) группа III/JG3 под командованием одного из лучших асов люфтваффе В. Оезау (125 лично сбитых самолетов), **прикрывала проезд Гитлера и Муссолини** в Умань.

Так стоит ли считать естественным и понятным тот факт, что три дивизии первого эшелона авиации Западного фронта, в каждой из которых оставалось более полусотни самолетов, на второй день войны просто исчезли?

Всякое сравнение хромает. Сравнивая советские авиадивизии с эскадрами люфтваффе по числу оставшихся в строю **самолетов**, мы допускаем грубую методологическую ошибку. Численность авиационной части – это прежде всего и главным образом число **экипажей**. Самолет в военной авиации – это расходный материал. Причем быстро расходуемый материал. После нескольких десятков вылетов самолет – независимо от противодействия противника – приходится выводить из строя просто по причине выработки моторесурса двигателей. Приведем только один характерный пример. В 1944 году наша истребительная авиация потеряла:

- в воздушных боях – 508 самолетов;
- на аэродромах – 55 самолетов (55 за весь год!);
- списано по износу – 4452 самолета [52].

Поэтому, говоря о численности, например, 9 САД, мы должны прежде всего иметь в виду не те 62 самолета, что остались в строю к 23 июня, а 206 летчиков-истребителей и 45 экипажей бомбардировщиков, которые были в этой дивизии к началу боевых действий. Так как в первый день войны потери в летном составе этой дивизии составили несколько человек на полк, то дивизия могла и должна была считаться вполне боеспособной.

На чем же летать? Было на чем летать...

„Утром 22 июня 1941 г. в адрес командующего ВВС Западного особого военного округа за подписью генерала П. Ф. Жигарева было направлено распоряжение о приеме 99 самолетов МИГ-3 на аэродром Орша для пополнения частей и соединений ВВС этого округа" [27].

МиГи делались в Москве, на авиазаводе No 1. Отправили их в Оршу еще до начала войны.

С началом боевых действий, как мы уже неоднократно отмечали выше, поток военной (в том числе и авиационной) техники, движущейся к западной границе, резко возрос. Выше мы уже отмечали, что ВВС Западного фронта получили к 9 июля для восполнения потерь 452 самолета. Было на чем летать. Было чем воевать. Вот почему автор настаивает на том, что главной причиной разгрома 9 САД следует считать ту *„длинную колонну машин с военными в голубых петлицах"*, которая, потеряв в дороге командира дивизии, сама растаяла по пути из Белостока в Балбасово...

Растаяла да не вся. Потому-то и война закончилась в Берлине, что *„перебазировались в Балбасово"* далеко не все. Вот и в книге воспоминаний генерала Захарова вдруг обнаруживается *„уничтоженный внезапным ударом по аэродромам" 41 ИАП.*

„Под Могилевом в состав 43-й авиадивизии влились 41-й и 170-й истребительные полки.

41-м командовал майор Ершов... За неделю боев истребители майора Ершова сбили более 20 самолетов противника! Летчики дрались без оглядки – так, словно каждый их бой был единственным..." [55].

2.9. Глупость или измена?

Военная неудача – а страшная военная катастрофа тем более – неизбежно влечет за собой поиски шпионов и подозрения в измене. Эта версия не столь уж

безумна, как может показаться на первый взгляд. По крайней мере, начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков был в те дни настроен очень серьезно. 19 августа 1941 г. (день в день за полвека до путча ГКЧП) он отправил Сталину доклад: „...Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности. Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей...” [5, с. 361]. Правды ради надо отметить и то, что во всех своих послевоенных „воспоминаниях и размышлениях” Георгий Константинович об этой своей докладной записке ни разу не вспоминает.

Что же до мнения автора этой книги, то не лежит моя душа к теории „заговора темных сил”.

Не лежит – и все тут. Внутренний голос подсказывает, что любая „агентура врага” просто отдыхает рядом с результатами того растления народа и армии, которым двадцать лет беспрепятственно занимался сталинский режим.

И тем не менее, наступив на горло собственной песне, автор считает необходимым обратить внимание читателя на такие факты, которые не укладываются даже в самые широкие рамки безграничного разгильдяйства.

Спорить о том, ожидало ли командование Западного фронта скорого начала военных действий, мы не будем. Спорить об этом глупо и скучно. Просто в порядке иллюстрации приведем еще один факт из тысячи ему подобных.

„...Вывод, который я для себя сделал, можно было сформулировать в четырех словах – „со дня на день”... Командующий ВВС округа генерал И. И. Копец выслушал мой доклад с тем вниманием, которое свидетельствовало о его давнем и полном ко мне доверии. Поэтому мы тут же отправились с ним на доклад к командующему округом...” [55]. Так описывает Г. Н. Захаров результаты разведывательного полета, который он (генерал-майор, командир авиадивизии) лично выполнил в один из последних предвоенных дней.

Что же делает командование округа (фронта) в такой ситуации? **Отзывает зенитную артиллерию** армий первого эшелона на окружной сбор [78]. В частности, зенитный дивизион 86-й сд (10-я Армия) находился к началу войны на полигоне в 130 км от расположения дивизии, а зенитные дивизионы 6-го мехкорпуса и всей 4-й Армии – на окружном полигоне в районе села Крупки, в 120 километрах восточнее Минска [8].

Это тем более странно, что в соседнем Киевском ОВО отдавались прямо противоположные приказы. Так, 20 июня генерал-лейтенант Музыченко, командующий 6-й армией КОВО, приказал:

„...штабам корпусов, дивизий, полков находиться на месте. Из района дислокации никуда не убывать..., зенитные дивизионы срочно отозвать из Львовского лагерного сбора к своим соединениям, по прибытии поставить задачу – прикрыть с воздуха расположение дивизий...” [61].

Заметим, что опыт немецкого наступления на Западе (в мае 1940 г.) тщательно изучался советским военным руководством. Информацию черпали сразу из двух рук: в Москве сидели и немецкий, и французский (вишистский) военные атташе. То, что „немецкий стандарт” предполагает массированный авиационный удар в первые же часы наступления, Павлов прекрасно знал. По крайней мере, об этом много говорилось на том декабрьском (1940 г.) Совещании высшего комсостава, на котором Павлов был одним из главных докладчиков.

Известный советский генерал и историк С. П. Иванов дает очень интересное объяснение таким действиям нашего командования:

„...Сталин стремился самим состоянием и поведением войск приграничных округов дать понять Гитлеру, что у нас царит спокойствие, если не беспечность (а зачем он к этому стремился???) . Причем делалось это..., что называется, в самом натуральном виде. Например, зенитные части находились на сборах... В итоге мы, вместо того, чтобы умелыми дезинформационными действиями ввести агрессора в заблуждение относительно боевой готовности наших войск, реально снизили ее до крайне низкой степени [45].

Далее. В 16 часов 21 июня – в то время, когда рев тысяч моторов выдвигающихся к Бугу немецких войск стал уже слышен невооруженным ухом, – командир 10 САД получает новую шифровку из штаба округа: приказ 20 июня о

приведении частей в полную боевую готовность и запрещении отпусков **отменить!** Полковник Белов пишет, что он даже не стал доводить такое распоряжение до своих подчиненных, но за чем-то же такой приказ был отдан! И как можно судить по другим воспоминаниям, в некоторых частях это загадочное распоряжение было выполнено.

Так, подполковник П. Цупко в своих мемуарах пишет, что в том самом 13 БАПе, где „с рассвета до темна эскадрильи замаскированных самолетов с подвешенными бомбами и вооружением, с экипажами стояли наготове“, наконец-то был объявлен выходной: „...на воскресенье 22 июня в 13-м авиаполку объявили выходной. Все обрадовались: три месяца не отдыхали... Вечером в субботу, оставив за старшего начальника оператора штаба капитана Власова, командование авиаполка, многие летчики и техники уехали к семьям в Россию...“

Весь авиагарнизон остался на попечении внутренней службы, которую возглавил дежурный по лагерному сбору младший лейтенант (!!!) Усенко...” [64].

Ну и для полного „комплекта“: в этом полку 9 САД накануне войны „зенитная батарея была снята с позиции и уехала на учения“. Закончился весь этот трагифарс тем, что 13 БАП, оснащенный новейшими пикирующими Ар-2 и Пе-2, был в первый же день разгромлен, и, как пишет Цупко, „почти все летчики нашего авиаполка, измученные, в грязном, рваном обмундировании, появились в начале июля в Москве...“

В мемуарах П. И. Цупко встречается еще один очень странный эпизод. Эпизод этот не только не подтверждается, а прямо противоречит всем другим, известным автору, источникам. Но коль скоро славный Политиздат дважды (в 1982 и 1987 гг.) выпустил книгу Цупко, то не грех и нам упомянуть эту историю.

Итак, утром 22 июня экипаж все того же младшего лейтенанта Усенко вылетел на разведку в район Гродно-Августов. Самое позднее через два-три часа (т. е. не позднее полудня) Ар-2 возвращался на базовый аэродром 9 САД у Белостока. Самолет Усенко уже было приземлился, когда „от ангара отделились и побежали развернутой цепью к самолету солдаты в серо-зеленой форме. По другую сторону ангара Константин вдруг разглядел шесть трехмоторных транспортных Ю-52, еще дальше – до десятка Ме-110... у самолетов сновали серо-зеленые фигурки...“

Короче говоря, немцы деловито обживали аэродром, находящийся всего в нескольких верстах от штаба 9 САД, штаба 10-й Армии Западного фронта, Белостокского областного управления НКВД и прочая. В середине дня 22 июня все эти уважаемые организации вроде как еще никуда не „перезаездили“. Немецкая же пехота заняла Белосток только 24 июня.

Еще более удивительное свидетельство мы находим в воспоминаниях С. Ф. Долгушина. Генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза, начальник кафедры тактики в ВВИА им. Жуковского встретил войну младшим лейтенантом в 122 ИАП (11 САД). Сергей Федорович вспоминает:

„...накануне войны служил на аэродроме, расположенном в 17 км от границы. Каждый день нам приходилось дежурить... В субботу, 21 июня 1941 г., прилетел к нам командующий округом генерал армии Павлов, командующий ВВС округа генерал Копец..., нас с Макаровым послали на воздушную разведку. На немецком аэродроме до этого дня было всего 30 самолетов. Это мы проверяли неоднократно (!!!), но в этот день оказалось, что туда было переброшено еще более 200 немецких самолетов...“

Не будем отвлекаться на обсуждение сенсационного свидетельства о том, что, оказывается, не только немецкие, но и советские самолеты-разведчики постоянно вторгались в воздушное пространство противника. Важнее другое – какое же решение приняли генералы, получив такое сообщение о резком увеличении вражеской группировки?

„...часов в 18 поступил приказ командующего **снять с самолетов** (самолетов истребительного авиаполка, базирующегося в 17 км от границы) **оружие и боеприпасы**. Приказ есть приказ – оружие мы сняли. Но ящики с боеприпасами оставили. 22 июня в 2 часа 30 минут объявили тревогу (время точно совпадает со свидетельствами Белова, Борзилова, Олимпиева, Зашибалова), и пришлось нам вместо того, чтобы взлетать и прикрывать аэродром, в срочном порядке опять ставить пушки и пулеметы на самолеты. Наше звено первым установило пушки, и тут появилось 15 вражеских самолетов...“

[141, 142].

Что это было?

Нелепое стечение обстоятельств?

Резкое обострение хронической российской беспечности?

Дьявольская игра Сталина, который все старался убавлять Гитлера, прежде чем всадить ему топор в спину, да в конце концов и обыграл самого себя?

Заговор?

Не все так ясно, как кажется, и в истории обороны легендарной Брестской крепости. В своей секретной (до 1988 г.) монографии Сандалов прямо и без экивоков пишет:

„...Брестская крепость оказалась ловушкой и сыграла в начале войны роковую роль для войск 28-го стрелкового корпуса и всей 4-й армии... большое количество личного состава частей 6-й и 42-й стрелковых дивизий осталось в крепости не потому, что они имели задачу оборонять крепость, а потому, что не могли из нее выйти...” [79].

Все абсолютно логично. Крепость так и строится, чтобы в нее было трудно войти. Как следствие, из любой крепости трудно вывести разом большую массу людей и техники. Сандалов пишет, что для выхода из Брестской крепости в восточном направлении имелись только одни (северные) ворота, далее надо было переправиться через опоясывающую крепость реку Мухавец. Страшно подумать, что там творилось, когда через это „игольное ушко“ под градом вражеских снарядов пытались вырваться наружу две стрелковые дивизии – без малого 30 тыс. человек.

Чуть южнее Бреста, в военном городке в 3 км от линии пограничных столбов, дислоцировалась еще одна дивизия: 22-я танковая из состава 14 МК.

„Этот городок, – пишет Сандалов, – находился на ровной местности, хорошо просматриваемой со стороны противника..., расположение частей было скученным... Красноармейцы спали на 3-4-ярусных нарах, а офицеры с семьями жили в домах начсостава поблизости от казарм... По тревоге дивизия выходила в район Жабинка и севернее (т. е. назад от границы!) При этом дивизии предстояло переправиться через р. Мухавец, пересечь Варшавское шоссе и две железнодорожные линии... Это означало, что на время прохождения дивизии прекращалось в районе Бреста всякое движение по шоссе и железным дорогам...”

Разумеется, немцы оценили и полностью использовали предоставленные им возможности. Кроме „собственной“ артиллерии 45-й пехотной дивизии вермахта для обстрела Бреста была выдвинута артиллерия двух соседних (34 и 31) пехотных дивизий, двенадцать отдельных батарей, дивизион тяжелых мортир. Для большего „удобства в работе“ немцы подняли в воздух привязные аэростаты с корректировщиками. Шквал огня буквально смел с лица земли тысячи людей, уничтожил автотранспорт и артиллерию, стоявшие тесными рядами под открытым небом. 98-й отдельный дивизион ПТО, разведбат и некоторые другие части 6-й и 42-й стрелковых дивизий были истреблены почти полностью. 22-я танковая дивизия потеряла до половины танков и автомашин, от вражеских снарядов загорелись, а затем и взорвались артсклад и склад ГСМ дивизии.

Вот после того, как три дивизии были расстреляны, подобно учебной мишени на полигоне, а немцы уже в 7 часов утра заняли пылающие развалины Бреста, и началась воспетая в стихах и прозе „героическая эпопея обороны Брестской крепости“.

Тут самое время задать извечный российский вопрос – кто виноват?

Крепость, как предмет неодушевленный, никакой „роли“ сыграть не могла. Эта фраза в монографии Сандалова является всего лишь оборотом речи. Роль „ловушки“ сыграли решения, принятые людьми. Кто их принимал, когда и, главное, – зачем?

Традиционная советская историография привычно косит под психа: „Было допущено необдуманное размещение...“ Это чем же надо было думать, чтобы разместить три дивизии там, где никого и ничего, кроме пограничных дозоров и минных полей, и быть не должно!

Для современного читателя уже привычной стала „суворовская“ версия: Сталин готовился к вторжению и поэтому придвинул войска прямо к пограничному рубежу. Но мы не будем спешить соглашаться с этим. Будем думать головой и сравнивать.

Госпиталь 4-й армии был расположен ...на острове посреди Буга, то есть даже не у границы, а уже за границей. Это что - тоже для нанесения „внезапного первого удара" так умно придумали?

И неужели Сталин решил завоевать всю Европу силами одной только 22-й танковой дивизии? Смысл вопроса в том, что **все остальные** шестьдесят танковых и тридцать одна моторизованная дивизии Красной Армии у границы НЕ дислоцировались. Надеюсь, читатель извинит нас за то, что мы не будем оглашать весь список, но даже мехкорпуса первого эшелона перед войной базировались в Шяуляе, Каунасе, Гродно, Волковыске, Белостоке, Кобрине, Ровно, Бродах, Львове, Дрогобыче, Станиславе... На расстоянии от 50 до 100 км от границы. Обстрелять их из пушки на рассвете 22 июня было невозможно в принципе.

Для самых уважаемых мною (т. е. дотошных) читателей готов уточнить, что была еще одна дивизия (41-я тд из состава 22 МК), которая накануне войны оказалась очень близко, километрах в 12-15, от границы (в городе Владимир-Волынский). Но даже 12 км - это не 3 км. Разница - с точки зрения возможности выхода из-под артогня - огромная. Ранним утром 22 июня командир 41-й тд вскрыл „красный пакет", и дивизия форсированным маршем двинулась по шоссе к Ковелю. В отчете о боевых действиях дивизии читаем: „В 4 часа утра 22.06.41 обстреливалась дальним артогнем противника и в период оттопления имела потери 10 бойцов убитыми..." [8].

Самое же главное в том, что дивизии легких танков (а вооружена „брестская" 22-я тд была одними только Т-26) на берегу пограничной реки делать совершенно нечего. Сначала артиллерия должна подавить систему огня противника, затем пехота должна навести переправы и захватить плацдарм на вражеском берегу - и вот только после этого из глубины оперативного построения в прорыв должна ворваться танковая орда. Именно так докладывал высокому Совещанию (в декабре 1940 г.) главный танкист РККА генерал Павлов, именно поэтому в „красном пакете" районом сосредоточения для 22-й тд был указан отнюдь не восточный берег Буга, а деревня Жабинка в 25 км от Бреста! Что же помешало спрятать 22-ю тд в лесах еще восточнее этой самой Жабинки? Уж чего-чего, а леса в Белоруссии хватает. Кто и зачем загнал танковую дивизию в лагерь „на ровной местности, хорошо просматриваемой со стороны противника"? Кто и зачем запер две стрелковые дивизии в „мышеловку" старинной крепости?

Ответы на эти вопросы начнем собирать - как принято было в стародавние времена - начиная с „нижних чинов".

Е. М. Синковский - накануне войны майор, начальник оперативного отдела штаба 28-го стрелкового корпуса 4-й Армии:

„...командование 28-го СК возбудило перед командованием 4-й Армии ходатайство о разрешении вывести 6-ю и 42-ю дивизии из крепости. Разрешения не последовало..." [44].

Ф. И. Шлыков - накануне войны Член Военного совета (проще говоря - комиссар) 4-й Армии. Вам слово, товарищ комиссар:

„...мы писали в округ (т. е. командованию ЗаОВО), чтобы нам разрешили вывести из Бреста одну дивизию, некоторые склады и госпиталь. Нам разрешили перевести в другой район лишь часть госпиталя..." [44].

Л. М. Сандалов - накануне войны полковник, начальник штаба 4-й Армии, в своей монографии о боевых действиях армии пишет:

„...настоятельно требовалось изменить дислокацию 22-й танковой дивизии, на что, однако, округ не дал своего согласия..."

Итак, подведем промежуточные итоги. Все осознают ошибочность размещения трех дивизий прямо на линии пограничных столбов. Но - командованию корпуса запрещает вывести дивизии из Бреста командование армии, которому, в свою очередь, сделать это запрещает командование округа. Более того, вокруг вопроса о выводе войск из Бреста идет напряженная борьба: корпус просит разрешения на вывод из крепости всех частей, командование армии просит у штаба округа разрешения на вывод хотя бы одной дивизии...

А что же командование округа?

Д. Г. Павлов, генерал армии, командующий Западным фронтом (особым военным округом), дал на суде следующие показания:

„...еще в начале июня я отдал приказ о выводе войск (подчеркнуто автором) из Бреста в лагерь. Коробков же моего приказа не выполнил, в

результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником..."

А. А. Коробков, генерал-майор, командующий 4-й Армии, дал на суде следующие показания:

"...виновным себя не признаю..., показания Павлова я категорически отрицаю... Приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался. Я лично такого приказа не видел..."

Оказавшись плечом к плечу с Коробковым (они сидели на одной скамье подсудимых), Павлов тут же меняет свои показания. Между двумя обреченными генералами происходит следующий диалог:

„Подсудимый Павлов:

- В июне по моему приказу был направлен командир 28-го стрелкового корпуса Попов с заданием к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагеря.

Подсудимый Коробков?

- Я об этом не знал. Значит, Попова надо привлекать к уголовной ответственности..." [67].

Обратите внимание, уважаемый читатель, на то, что является предметом спора и судебного разбирательства. Генералы спорят не о том, были ли приказы Павлова верными, своевременными, эффективными... Они не могут согласиться друг с другом в том, был ли отдан приказ о выводе войск из Бреста или нет. Как такое может быть **предметом спора**? Даже в детском саду приказы начальницы издаются в письменном виде, фиксируются в журнале, складываются в папочку с тесемками. Приказ штаба Западного Особого военного округа был (или не был) отдан за три недели до начала войны. В абсолютно мирное время. Его что - немецкие диверсанты из сейфа выкрали? И почему это приказ командования округа отдается „через голову" командующего армии непосредственно командиру корпуса? Того самого 28-го СК, командование которого, по свидетельству майора Синковского, не то что приказа, а даже „разрешения на вывод двух дивизий из Брестской крепости не получило..."

Коль скоро мы заговорили о Бресте, то самое время вспомнить историю обороны того, что по планам советского командования должно было выступить в роли „брестской крепости". Разумеется, речь пойдет не о подземельях старинного и изрядно обветшалого замка, а о **Брестском укрепрайоне (УР No 62)**.

Волга впадает в Каспийское море, лошади жуют овес, дважды два - четыре, доверчивый и наивный Сталин переломал все доты на старой (1939 г.) гостранице, а на новой ничего путного построить так и не успели. Это знают все. Об этом сказано в любой книжке про войну. Этому учат в школе. В отстаивании этой „истины" объединились все: от Виктора Суворова до любого партийного „историка".

Но шило неудержимо рвется из мешка. В номере 4 за 1989 г. „Военно-исторический журнал" - печатный орган Министерства обороны СССР - поместил таблицу с цифрами, отражающими состояние укрепленных районов на новой границе к 1 июня 1941 г. На эту таблицу редакция щедро выделила 5,5 x 2,5 см журнальной площади. Микроскопическими буквами была набрана информация о том, что в Брестском УРе было построено 128 долговременных огневых сооружений и еще 380 ДОСов находилось в стадии строительства. Крохотная площадь не позволила сообщить читателям о том, что сроком завершения строительства было установлено 1 июля 1941 г., и работа кипела с рассвета до заката.

Кстати сказать, и на старой границе никто ничего не взрывал. Напротив, 25 мая 1941 г. вышло очередное постановление правительства о мерах по реконструкции и довооружению „старых" УРов. Срок готовности был установлен к 1 октября 1941 г. Некоторые доты Минского УРа целы и по сей день. Полутораметровый бетон выдержал все артобстрелы, а когда немцы, уже во время оккупации Белоруссии, попытались было взорвать ДОТы, то от этой идеи им пришлось вскоре отказаться из-за огромного расхода дефицитной на войне взрывчатки...

Вернемся, однако, в Брест. Как пишет Сандалов (в то время начальник штаба 4-й Армии, в полосе которой и строился Брестский УР):

„...на строительство Брестского укрепленного района были привлечены все саперные части 4-й армии и 33-й инженерный полк округа... В марте-апреле 1941 г. было дополнительно привлечено 10 тыс. человек местного населения с 4 тыс. подвод..., с июня по приказу округа на оборонительные работы привлекалось уже по два батальона от каждого стрелкового полка дивизии...” [79].

16 июня строительный аврал был еще раз подстегнут постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР „Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов” [3].

Таким образом, мы не сильно ошибемся, если предположим, что к 22 июня большая часть из 380 недостроенных ДОСов Брестского УРа была уже готова или почти готова. Точных цифр, вероятно, не знает никто. Так, суммирование (по таблице в ВИЖе) числа построенных ДОСов в четырех укрепрайонах Западного фронта дает число 332, но на соседней странице, в тексте статьи, сказано, что „к июню 1941 г. было построено 505 ДОСов”. Павлов и Климовских называют на суде еще большую цифру – 600... [67].

Как бы то ни было, но **на каждом километре** фронта Брестского укрепрайона стояло по **три** врытые в землю бетонные коробки, стены которых выдерживали прямое попадание снаряда тяжелой полевой гаубицы. Одна – полностью построенная и оборудованная и еще две такие же коробки, частично незавершенные. Это в дополнение к созданной самой природой реке Буг, вдоль которой и проходила тогда граница. Даже если допустить, что ни в одном ДОСе не было установлено ни одной единицы специального вооружения, то и в этом случае, просто разместив в них пулеметные взводы стрелковых дивизий, вооруженные стандартными „дегтярями” и „максимами”, можно было создать сплошную зону огневого поражения. Пулеметы были. По штату апреля 1941 г. в стрелковой дивизии РККА было 392 ручных и 166 станковых пулеметов. По штату. Фактически к 22 июня 41 г. на вооружении Красной Армии было 170 тысяч ручных и 76 тысяч станковых пулеметов [35, с. 351].

Впрочем, все эти импровизации были излишними. Как следует из показаний командующего Западным фронтом Павлова, треть ДОСов была уже вооружена. Причем, вооружена отнюдь не ветхими пушками, якобы снятыми с укрепрайонов на старой границе.

Товарищ И. Н. Швейкин встретил войну лейтенантом в 8-м пулеметно-артиллерийском батальоне Брестского УРа. Он свидетельствует:

„...качество и боевое снаряжение дотов по сравнению с дотами на старой границе было намного выше. Там на батальон было всего четыре орудия, а остальное вооружение составляли пулеметы. Здесь же многие доты (45% от общего числа.- Прим. авт.) имели по одному или несколько орудий, спаренных с пулеметами... Орудия действовали полуавтоматически. Стреляные гильзы падали в специальные колодцы вне дотов, что было очень удобно. Боевые сооружения оснащались очень хорошей оптикой...” [44].

Надежно подготовленный коммунистическими „историками” читатель уже все понял:

ДОТы-то были, да только глупый Сталин не разрешил их занять. Чтобы не „дать повода”. Логика потрясающая. Не говоря уже о том, что ни Сталин, ни Гитлер никогда не нуждались в „поводах” (ибо в нужное время изготавливали их в любом количестве сами), по сравнению с самим фактом строительства ТЫСЯЧ бетонных коробок на берегу пограничной реки, занятие их во тьме ночной гарнизонами никого и ни на что не могло „спровоцировать”. Поэтому их и занимали. Каждую ночь.

*„...В конце мая участились боевые тревоги, во время которых мы занимали свои доты... Ночь проводили в дотах, а утром, после отбоя, возвращались в свои землянки. В июне такие тревоги стали **чуть ли не ежедневными**. В ночь на 21 июня – тоже. В субботу 21 июня, как обычно, после ужина смотрели кино. Бросилось в глаза то, что, в отличие от прошлых суббот, на скамейках не было видно гражданских жителей из ближайших деревень. После фильма прозвучал отбой, но спать долго не пришлось: в **2 часа ночи** мы были подняты по боевой тревоге и **через полчаса** были уже в своих дотах, куда вскоре прибыли повозки с боеприпасами...”*

Это строки из воспоминаний Л. В. Ирина, встретившего войну курсантом учебной роты 9-го артпульбата Гродненского УР [83]. Нет никаких оснований сомневаться в том, что и Брестский УР жил весной 1941 г. по тем же самым

уставам и наставлениям.

Все познается в сравнении. „Линия Маннергейма“, о которой историки Второй мировой вспоминали тысячу и один раз, имела всего 160 бетонных сооружений на фронте в 135 км, причем большая часть дотов были пулеметными, и лишь несколько десятков так называемых „дотов-миллионников“ были вооружены пушками.

Как же все это было использовано? Красная Армия с огромными потерями прогрызала „линию Маннергейма“ весь февраль 1940 г. Немцы же практически не заметили существования Брестского укрепрайона. В донесении штаба группы армий „Центр“ (22 июня 1941 г., 20 ч. 30 мин.) находим только краткую констатацию: *„Пограничные укрепления прорваны на участках всех корпусов 4-й армии“* (т. е. как раз в полосе обороны Брестского УР) [61]. И в мемуарах Гудериана мы не найдем ни единого упоминания о каких-то боях при прорыве линии обороны Брестского укрепрайона.

Но некоторые ДОТы сражались до конца июня 1941 г. Немцы уже заняли Белосток и Минск, вышли к Бобруйску, начали форсирование Березины, а в это время 3-я рота 17-го пульбата Брестского УРа удерживала 4 ДОТа на берегу Буга у польского местечка Семятыче до 30 июня! [44]. Бетонные перекрытия выдержали все артобстрелы, и только получив возможность окружить ДОТы и проломить их стены тяжелыми фугасами, немцы смогли подавить сопротивление горстки героев.

А что же делали все остальные? *„Большая часть личного состава 17-го пульбата отходила в направлении Высокое, где находился штаб 62-го укрепрайона... В этом же направлении отходила группа личного состава 18-го пульбата из района Бреста...“* [79]. Вот так спокойно и меланхолично описывает Сандалов факт массового дезертирства, имевший место в первые часы войны.

Бывает. На войне как на войне. В любой армии мира бывают и растерянность, и паника, и бегство.

Для того и существуют в армии командиры, чтобы в подобной ситуации одних приободрить, других пристрелить, но добиться выполнения боевой задачи. Что же сделал командир 62-го УРа, когда к его штабу в Высокое прибежали толпы бросивших свои огневые позиции красноармейцев?

„Командир Брестского укрепрайона генерал-майор Пузырев с частью подразделений, отошедших к нему в Высокое, в первый же день отошел на Бельск (40 км от границы), а затем далее на восток...“ [79]. Как это – „отошел“? Авиаполки, как нам говорят, „перебазировались“ в глубокий тыл для того, чтобы получить там новые самолеты. Взамен ранее брошенных на аэродромах. Допустим. Но что же собирался получить в тылу товарищ Пузырев? Новый передвижной ДОТ на колесиках?

Возможно, эти вопросы и были ему кем-то заданы. Ответы же по сей день неизвестны.

„1890 г. р. Комендант 62-го укрепрайона. Умер 18 ноября 1941 года. Данных о месте захоронения нет“ – вот и все, что сообщил своим читателям „Военно-исторический журнал“. Как, где, при каких обстоятельствах умер генерал Пузырев, почему осенью 1941 г. он продолжал числиться „комендантом“ несуществующего укрепрайона – все это укрыто густым мраком государственной тайны.

Старший начальник генерала Пузырева, помощник командующего Западным фронтом по укрепрайонам генерал-майор И. П. Михайлин погиб от шального осколка ранним утром 23 июня 1941 г.

В мемуарах Болдина обнаруживаются и некоторые подробности этого несчастного случая:

„...отступая вместе с войсками, генерал-майор Михайлин случайно узнал, где я, и приехал на мой командный пункт...“

Генерал Михайлин не отступал „вместе с войсками“. Он их явно обогнал.

Командный пункт Болдина, как помнит внимательный читатель, находился в 15 км северо-восточнее Белостока, т. е. более чем в 100 км от границы. Солдат за сутки столько ногами не протопает...

2.10. Дама с фикусом

Жанр документального детектива требует сведения воедино всех сюжетных линий и четкого указания на главных злодеев. Увы, ничего, кроме множества вопросительных знаков, автор предложить читателям не в состоянии. Увы, выяснение подлинных причин величайшей и беспримерной в истории России трагедии так и не стало за истекшие шестьдесят лет предметом авторитетного **судебного или, по крайней мере, парламентского расследования**. Эта ситуация, совершенно немыслимая ни в одном цивилизованном государстве, стала привычной для нашего общества и уже давно не вызывает ни протеста, ни даже удивления.

Имеющаяся же в нашем распоряжении источниковая база не позволяет продвинуться дальше непроверенных гипотез и наводящих вопросов. Один из таких вопросов возник при чтении следующего отрывка из мемуаров Болдина. Итак, первый день войны. В полдень Болдин прилетает из Минска на военный аэродром в 35 км восточнее Белостока.

...на счету каждая минута. Нужно спешить в 10-ю армию. Легковой машины на аэродроме нет. Беру полуторку, сажусь в кабину и даю указание шоферу ехать в Белосток...

...наша полуторка мчится по оживленной автостраде. Но это не обычное оживление. То, что мы видим на ней, больше походит на сутолоку совершенно растерянных людей, не знающих, куда и зачем они идут или едут...

...показалось несколько легковых машин. Впереди „ЗИС-101“. Из его открытых окон торчат широкие листья фикуса. Оказалось, что это машина какого-то областного начальника. В ней две женщины и двое ребят.

- Неужели в такое время вам нечего больше возить, кроме цветов? Лучше бы взяли стариков или детей,- обращаюсь к женщинам. Опустив головы, они молчат. Шофер отвернулся,- видно, и ему стало совестно. Наши машины разъехались...

...на шоссе показалась „эмка“. В ней инженер одной из строек укрепрайона. Предлагаю инженеру привести в порядок мою полуторку, а сам беру его машину и продолжаю путь в 10-ю армию. Нужно попасть туда как можно быстрее. Восемнадцать часов. Яркое солнце освещает дорогу..." [80].

Перечитайте этот отрывок, уважаемый читатель. Два, три раза. Он того стоит. Перед нами ключ к разгадке того, что принято называть „тайной 1941 года“.

Прежде всего определимся с обстоятельствами времени и места действия.

Встреча с дамой и фикусом происходит восточнее Белостока, т. е. за 100 км от границы во второй половине дня 22 июня 1941 г., т. е. примерно через 12 часов после начала боевых действий, через 4-5 часов после выступления Молотова по всесоюзному радио. Война началась, и это уже знают все.

Одним из множества последствий этого трагического факта является то, что все без исключения легковые автомобили теперь подлежат мобилизации и передаче в распоряжение военных властей. Командующий округом, а в его отсутствие - первый заместитель командующего Западным Особым военным округом товарищ Болдин теперь является высшей властью для всех военных и гражданских лиц на территории Белоруссии.

Болдин спешит не на рыбалку. Он должен срочно прибыть в штаб 10-й армии, создать и руководить действиями главной ударной группировки фронта. От того, как быстро и в каком физическом состоянии он прибудет к месту назначения, зависят, безо всякого преувеличения, жизни сотен тысяч людей.

Вывод: Болдин не только имел право, но и просто обязан был пересесть из фанерной кабинки грохочущей, очень ненадежной „полуторки“ в кожаное кресло комфортабельного скоростного лимузина. Он, Болдин, уже воет, его время и его самочувствие уже перестали быть его личным делом, в котором можно проявлять личную скромность.

Понимает ли это сам Болдин? Безусловно. Он несколько раз повторяет фразы о том, что „нужно спешить“, и немедленно забирает себе первую встречную „эмку“.

А мощный и надежный „правительственный“ ЗИС-101 отпускает,

ограничившись только едким замечанием, от которого (замечания) стало стыдно одному только водителю – но не пассажирам ЗИСа. Молчание было их ответом. После чего „наши машины разъехались“.

В принципе, этой информации уже достаточно для того, чтобы определить, какому именно „областному начальнику“ принадлежала и эта машина и, этот фикус, и почему ЗИС ехал не один, а первым в составе „группы машин“.

Белосток того времени – это захолустный город со стотысячным населением и несколькими заводами текстильной промышленности. В Польше он был заброшенной восточной окраиной, в составе СССР стал далеким западным приграничьем. „Какие-то начальники“ в таких городах ездили на трамвайчике, большие (по местным меркам) начальники – на „эмках“. С легковыми автомобилями в СССР всегда была большая напряженка.

Представительский ЗИС-101 в Белостоке мог оказаться только в распоряжении трех человек: первого секретаря обкома Партии Любителей Общего Имущества и начальников областных управлений НКВД и НКГБ. Четвертого, как говорится, не дано. И только вбитым в кость страхом перед „органами“ можно объяснить то, что генерал-лейтенант, за спиной которого было уже два „освободительных похода“ – в Польшу и в Румынию, не решился вытряхнуть фикус на обочину.

Определившись таким образом с принадлежностью машины и женщины, обратим теперь наше внимание на горшок с фикусом.

Освободительные походы всегда сопровождались резким скачком благосостояния военного, партийного и, прежде всего, гэбэшного начальства. После того, как кровью десятков миллионов была завоевана Победа, это явление расцвело пышным махровым цветом. Тащили машинами, вагонами, эшелонами. Демонтировали и перевезли в Подмосковье роскошную виллу Геринга, переплавили на набалдашник трости золотую корону Гогенцоллернов, специально для маршала Жукова искали по всему разрушенному Берлину каких-то невиданных „собачек английской породы с бородками“...

При обыске у арестованного 24 января 1948 г. К. Ф. Телегина, генерал-лейтенанта, члена Военного Совета Группы Советских войск в Германии, а проще говоря, ближайшего сподвижника Г. К. Жукова было изъято:

„...свыше 16 кг изделий из серебра, 218 отрезков шерстяных и шелковых тканей, 21 охотничье ружье, много антикварных изделий из фарфора и фаянса, меха, гобелены работы французских и фламандских мастеров 17 и 18 веков и другие дорогостоящие вещи...“ [ВИЖ.– 1989.– Но 6].

В 1939 году эти „цветочки“ еще только-только распускались, но уже и в ходе освободительного похода в Польшу в зоне советской оккупации подо Львовом пропало имущество жены американского посла в Польше Биддла (дамы из очень богатой семьи), в том числе огромная коллекция антиквариата. Без малого два года американцы приставали к советскому внешнеполитическому ведомству с просьбой разобраться в этом вопросе. Их очень удивляло, как в стране с „отмененной“ частной собственностью могли бесследно пропасть 200 (двести) ящиков с картинами, мехами, коврами, столовым серебром и т. д. В конце концов, терпение у наших дипломатов лопнуло, и 5 июня 1941 г. замнаркома иностранных дел товарищ Лозовский заявил послу США Штейнгардту дословно следующее:

„...в Западной Украине и в Западной Белоруссии в то время происходила революция. Г-н посол, очевидно, думает, что когда люди делают революцию, они только и думают о том, как бы сохранить чье-либо имущество. Советское правительство не является сторожем имущества г-на Биддла...“ [69, с. 724].

Излив таким образом душу, советские власти вернули 47 ящиков и пообещали вернуть остальное, „если будет найдено еще что-нибудь“.

Вся эта длинная история рассказана к тому, что дурацкий фикус едва ли был единственным ценным предметом в доме главного белостокского Начальника. Осенью 1939 г. там также „происходила революция“, и в родовых замках Радзивиллов тоже пропадали премиленные вещицы.

То, что „первая леди Белостока“ потащила с собой фикус, говорит о том, что сборы происходили **в крайней спешке, в страшной панике, в состоянии, близком к умопомешательству.**

А почему?

Что, собственно, так напугало даму с фикусом и ее мужа?

Ответить на этот вопрос совсем не так просто, как может показаться на первый взгляд. Это мы сегодня знаем, началом чего стали выстрелы на границе ранним утром 22 июня 1941 года. Но кто же мог это знать вечером первого дня?

Изо всех репродукторов грохотало: „А если к нам нагрянет враг матерый, он будет бит повсюду и везде“. В Москве готовили к отправке в войска Директиву No 3, в соответствии с которой к 24 июня боевые действия должны были быть перенесены на территорию противника.

И какие могли быть сомнения в реальности этих планов – исходя из фактического соотношения сил сторон? Если даже и могли быть сомнения, то откуда же взялась такая **нерассуждающая уверенность** в том, что надо бежать куда глаза глядят?

Муж дамы в силу своего служебного положения знал истинное положение дел? Но в таком случае оснований для паники было еще меньше. В полосе обороны 10-й армии, на фронте в 200 км, наступало десять пехотных дивизий вермахта. С артиллерией на конной тяге, без единого танка. По нашим уставам, для наступления на таком фронте требовалось втрое больше сил.

К тому моменту, когда горшок с фикусом засовывали в салон дорогого автомобиля, передовые отряды вермахта еще только заканчивали переправу через пограничный Буг. Даже если предположить, что Большой Начальник не верил в способность Красной Армии оказать хоть какое-то сопротивление, то и в этом случае разумных оснований для спешки не было. От границы до Белостока 75-100 километров. На пути две реки: если двигаться с юго-запада, то Нарев, если с севера – то Бебжа. Пусть и не Бог весть какие реки, не Днепр и не Висла, но без моста через них пехотную дивизию со всем ее разнообразным хозяйством не переправить. А мост надо еще навести, а сколько времени уйдет просто на то, чтобы по нему прошла дивизия вермахта, т. е. 15 тысяч человек и 5 тысяч лошадей?

Так что раньше четверга-пятницы немцев в Белостоке можно было и не ждать. Времени на сборы предостаточно. Незачем было метаться и хватать в ужасе первый попавшийся под руку фикус.

Так какая же сила уже через несколько часов после того, как Молотов прочитал по радио написанные для него Сталиным слова „враг будет разбит, победа будет за нами“, заполнила все дороги толпами „совершенно растерянных людей, не знающих, куда и зачем они идут или едут“ ?

Пока автор писал и переписывал заново дальнейшие главы этого печального повествования, издательство „Олма-пресс“ в 2002 году выпустило книгу под названием „15 встреч с генералом КГБ Бельченко“ [62].

Сей доблестный чекист, руководивший подавлением народных восстаний в Средней Азии, Будапеште и Тбилиси, накануне войны трудился начальником Управления НКГБ Белостока. На странице 129 генерал уверяет, что свою жену он отправил в Минск на „полуторке“. Если это правда, то фикус был из дома первого секретаря обкома Кудряева или начальника Управления НКВД Фукина.

Как бы то ни было, воспоминания Бельченко дополняют картину событий июня 1941 г. чрезвычайно колоритными мазками.

„...На бюро обкома партии мы рассматривали решения некоторых приграничных райкомов партии об исключении из ВКП(б) тех, кто начал отправлять свои семьи в наши тыловые объекты...“

Остановимся. Оценим. Постараемся вспомнить, что это такое – быть исключенным из партии в эпоху „неуклонного обострения классовой борьбы“. А за что, дорогие товарищи? Разве в Уставе есть хоть одна строчка о том, где должно быть местонахождение жены коммуниста? И уж тем более, кто и когда запрещал члену партии отправить ребенка летом, в каникулы, к бабушке в Тамбов?

И тем не менее, подобные желания решительно пресекались. И не только в

Белостоке. Открываем еще раз книгу Сандалова:

„...19 июня 1941 г. состоялся расширенный пленум областного комитета партии... На пленуме первый секретарь обкома тов. Тупицын обратил внимание на напряженность международной обстановки и возросшую угрозу войны. Он призывал к повышению бдительности... На вопросы участников пленума, можно ли отправить семьи из Бреста на восток, секретарь обкома ответил, что этого не следует делать, чтобы не вызвать нежелательных настроений...” [79].

Вот так вот. Война – на пороге, но „на первый же удар врага несокрушимая Красная Армия ответит тройным уничтожающим ударом“. А тот, кто хоть на секунду усомнился в этом, тот трус, паникер и враг. Таких не берут в коммунисты.

И вот – грянуло. В 4 часа утра раздалась артиллерийская канонада. „В период с 5 до 6 часов утра, – пишет Сандалов, – войска 2-й немецкой танковой группы и 4-й армии начали форсировать р. Западный Буг“. Начали форсировать. А надо еще и закончить. На войне это не всегда и не всем удается.

В 5 часов 45 минут в кремлевском кабинете Сталина началось совещание высшего руководства страны. Началось с того, что наркома иностранных дел Молотова отправили на встречу с послом Германии графом Шуленбургом – узнать, что это такое происходит на границе?

А в это время...

„...Около 6 часов утра собралось бюро Белостокского обкома партии, на котором наряду с решением других неотложных вопросов было принято постановление о создании чрезвычайной комиссии“. Ну это само собой. Это у нас любят. Как же без ЧК? Вот только для решения какого „неотложного вопроса“ создавалась белостокская „чрезвычайка“? А вот для какого:

„...для немедленной эвакуации семей военнослужащих, а также ценного имущества и секретных документов“.

Но и это еще не все. На третьем ЧАСУ войны белостокские товарищи уже сомневались в том, что им удастся эвакуировать все ценное имущество. Генерал Бельченко продолжает:

„...на том же заседании бюро обкома предложило создать боевые чекистские группы для взрыва и уничтожения оборонных объектов, военных баз и складов в момент ВСТУПЛЕНИЯ ВРАГА В ГОРОД...”

Никакого сослагательного наклонения. Разумеется, враг вступит в город. Даже быстрее, чем удастся вывезти содержимое военных складов.

И, наконец, немного о фикусе:

„...свою семью в первый день войны я отправил на полуторке в сторону Минска. Вместе с ней ехали семьи моих заместителей... Сборы происходили в суматохе. Как всегда бывает (?) в таких случаях, самое главное было забыто. Так, моя жена не взяла ни одного документа, удостоверяющего ее личность...”

Подробность интереснейшая. Забыла взять или муж тщательно проверил, чтобы никаких документов, удостоверяющих личность, при его жене не было?

Вот именно так „всегда бывает“, когда чекист (или его жена) отправляются во вражеский тыл. Или на встречу с трудящимися Страны Советов, у которых (в первый раз за много лет) появилась возможность выразить действием свою любовь к славным чекистам и их женам...
